

18+

Борис Попов

Странная неожиданность

Борис Владимирович Попов

Странная неожиданность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36055505

SelfPub; 2018

Аннотация

Врач Владимир из 21 века попадает в средневековую Русь. Немного освоившись, зарабатывает кучу денег и узнает, что к Земле летит метеорит, угрожающий гибелью всему живому и целостности самой планеты. И он идет с ватагой единомышленников договариваться с дельфинами к Черному морю. Дорога в 11 веке нелегка, да еще против спасателей встают черные волхвы. А идти все равно надо. И значит вперед, с весельем и отвагой!

Глава 1

– Стой! Стой, тебе говорят! – неказистый мужичонка, неожиданно вынырнувший из кустов, хватался за поводья наших лошадей. – Нельзя туда ездить, пропадете!

Мужик выглядел как-то необычно для сельской местности. Вся одежда в черных полосах, прямо тигр какой-то. За поясом топор с иззубренным лезвием, камни он что ли тут в лесу рубит? А сзади здоровенная прореха на портках, аккурат в центре зада. Что тут у них, свирепствуют гомосеки-дровосеки что ли? Селянин чудом отбилсЯ, так они теперь начнут посягать на наш маленький отрядик?

Самый добрый из нас, протоиерей Николай, настоятель Софийского собора Великого Новгорода, ласково спросил полосатика:

– Что случилось, сын мой? На тебя напал кто-то?

Надо сказать, что в нашем отряде три белых волхва, -кудесники, колдуны, предсказатели будущего – Наина, Богуслав и я. Белые-то мы белые, а убивать силой мысли умеем не хуже черных. Трудно убить только черного волхва, а если враг превосходит нас по силе, то просто невозможно.

Зверя мы изничтожим практически любого. Правда, была у меня одна неудача – не получилось уничтожить гигантского варана, пришлось саблей размахивать. И то было это практически летом, а сейчас уже середина октября 1095 года. Какие уж в это время вараны?

– Змей, змей громадный сюда ползет, – надрывался зем-

лепашец, размахивая руками, – удавит и сожрет!

Ну, это он, конечно, хватил. Какие тут, на Руси, опасные для человека удавы? Даже полозы душат в основном всяких землероек и сусликов. Да и живет эта крупная змея далеко на юге. А здесь, в северном лесу из удавов, кого-то крупнее ужа, и не встретишь.

– Вам сейчас по Горелой пади до Ведьминого лога уходить надо! Обьедете пятьдесят верст и целы останетесь!

Ну вот тебе и раз! Мы конец света едем от Земли отводить, нам с Армагеддоном бороться, а вместо этого будем по падам да по логом шараться.

– А ты где это так перемазался? – решил узнать бывший ушкуйник Матвей, подпоясанный элитной саблей из дамасской стали.

– Да он как из кустов на меня выполз, я шарахнулся в сторону, порты об сучок порвал, потом упал и по валежнику прополз.

– Ты б его топором!

– Много раз бил, будто по валуну стучишь. Топор весь в зазубринах теперь. Ничем гада не проймешь, весь словно кольчугой укутан!

Боярин Богуслав высказал нашу общую мысль.

– За предупреждение спасибо. Но гоняться по вашему лесу нет у нас времени. Нас народу много, вооружены хорошо, боевой опыт изрядный. Бог даст, отобьемся.

– Его убить невозможно! Обычное оружие его не берет! –

вновь завел крестьянин свою пораженческую песню.

– Попадется – убьем, – уверенно подытожил спецназовец Матвей, бывший атаман команды ушкуйников, признанных новгородских профессиональных убийц, которые постоянно грабят чужие земли.

– Э-эх, толкуй тут с вами! – махнул рукой земледелец и вновь шмыгнул в кусты.

Протоиерей перекрестил его вслед. Беседа была закончена, и мы поехали дальше.

Мы – это я, попаданец из далекого будущего 21 века, бывший врач-травматолог с 35-летним стажем, уже успевший заработать пенсию по стажу. Совершенно без всяких причин меня с дачного участка, который находился возле Костромы, выкинуло в 11 век. По ходу омолодился лет на тридцать.

Тут мне пришлось бежать из родного города в Великий Новгород. Здесь я и развернулся. Во-первых, наловчился лечить, как ведун – выравнивая и изменяя биологические линии. Во время обучения приобрел голос невиданной красоты и мощи, диапазон которого я легко могу изменять от дисканта до низкого баса, а при нужде уйти в женские варианты от сопрано до контральто.

Второе – построил две лесопилки на реке Вечерке, заработали мои лавки, торгующие досками на разных рынках Новгорода. Третье – приноровился изготавливать дорогие кареты на железных рессорах и наладил их сбыт.

Попутно пел великолепным голосом, рассказывал анекдо-

ты, бродил со скоморохами. Когда с остальных промыслов пошли большие деньги, давать концерты практически перестал, а пятерых музыкантов перевел в кирпичники.

Кирпич пошел в изрядных количествах, начали строить церковь на народные пожертвования. Этот промысел не приносил мне ни копейки. Никто каменных палат строить не хотел – практически даровой лес стоял вокруг стеной – бери не хочу. Горят избы и терема, часты пожары? Пусть горят, а мы отстроим! И на каждом шагу великий русский авось – авось не сгорим, глядишь все и обойдется, мы внимательные и аккуратные! Но остальные виды деятельности давали неплохие деньги – я поставил замечательную избу, женился.

А самое главное – стал волхвом! Раньше я об них знал только по пушкинскому стихотворению «Песнь о вещем Олеге»: жрецы языческих богов, предсказатели будущего. Дни и ночи молятся Перуну да предупреждают откуда гадюка выползет. В общем – любимцы богов! Сидят они в своих капищах, залитых человеческой кровью после обильных жертвоприношений и молятся пням, на которых вырезают лики явно ложных богов – Перуна, Сварога, Макоши и кучи божков помельче. А как воссиял над Русью свет истинной веры, и пошел народ с большим облегчением молиться Христу в православные храмы, нужда в этих сомнительных кудесниках махом и отпала. А все оказалось совершенно иначе...

Человеческих жертвоприношений на Руси не было нико-

гда! Мелькали иногда истории о скорбной судьбе курей и это все. Ни в одной древнерусской летописи об этом ни слова. Да и сами известные летописи исчезали массово. Описаны достоверно только абсолютно бескровные требы.

Все, что говорили и писали о зарезанных в ритуальных целях младенцах, стариках, женщинах, христианах ничем не было подтверждено. Все эти идеи – свидетельства беспощадной борьбы чужой, пришлой религии с исконно русской верой.

Исчезли все подтверждения длительного дохристианского существования русского народа. Сидели мол, в своих лесах и болотах дикие племена без всякой культуры, образования, письменности, резали друг друга и мечтали о приходе правителя из Европы. Заманили кое-как викинга Рюрика, и худо-бедно дело пошло.

А задолго до христианства скандинавы звали Русь Гардарикой – страной городов; до Кирилла и Мефодия, до придуманных ими глаголицы и кириллицы, славяне писали чертами и резами на бересте и идолах, а грамотность была поголовной.

И русы совершенно не хотели креститься – их крестили насильно, огнем и мечом. Славяне бились за языческую веру, – веру отцов, дедов, прадедов, далеких предков-чуров, защитников рода, бунтовали, под руководством волхвов, но были сломлены княжескими и боярскими дружинами.

Волхв коренным образом отличался от православного

священника. Чем тебе может помочь святой отец? Он администратор при церкви, и больше ничего. Попоет, почитает молитву, совершит крещение при рождении, обвенчает, отпоет умершего. Функций много, души и каких-то особенных способностей – ноль. На попа можно выучить любого желающего. Подойдешь к нему со своей проблемой, ответ будет один – молись сын мой.

Есть и в православной церкви святые люди, которые лечат, изгоняют бесов, совершают чудеса, но их очень, очень мало – считанные единицы. Один из них едет на кобылке справа от меня и божественный луч озаряет его светлую голову. Это протоиерей Николай. Такой же, но гораздо более слабый луч, я видел только у учителя и наставника святого отца – отшельника Богдана, уже умершего от старости.

У других священников, ведунов, волхвов, этого нет, – божественная сила в них не заливается. Да и я тут не блистаю. Поэтому, когда в боярскую дочку недавно вселился бес, выгнать его смог только протоиерей.

А любой волхв – это абсолютно другое дело. Он всегда человек с необычайными способностями, и если их нет, то кудесника из него и не получится. Предсказание судеб, изменение погоды, поиск пропавших людей и вещей, изучение астрономических явлений, лечение любых болезней, изготовление оберегов, усвоение любого иностранного языка по двум-трем фразам, связь человека с богом, изменение психики людей, знание о свойствах трав и минералов и многое,

многое другое.

Но сила этих колдунов была разная. Низшие, вроде меня, знали и умели немногое. Освоить махом любой язык, увидеть процессы, происходящие в больном, быстро вылечить, отыскать все, что угодно.

Единственная девушка в нашей ватаге – Наина, была более умелой. Далеко видела течение судьбы человека, заговорила мой дом от пожара, могла передать свои мысли другому человеку, легко связывала магические способности противоборствующего. С ней отправился в поход безумно влюбленный в колдунью бригадир кирпичников Иван.

Боярин Богуслав был гораздо мощнее меня и кудесницы вместе взятых. Перед уходом в путешествие он всех обычных мужчин – меня, Ивана, Матвея – сделал богатырями. Сила приходила по нашему короткому приказу и длилась в течение минуты раз в сутки. В это же время значительно ускорялись реакции. После этого накатывала усталость. На очень короткую схватку хватит. Команды были у каждого свои. У меня – «Во» – включить, «Ва» – выключить. Чтобы я не перепутал в какой-нибудь лихой передраге, где думать и вспоминать будет некогда, Богуслав взял мое имя Вова и разделил его на две части – уж тут не ошибешься.

Волхв еще обработал колдовскими методами старенького боярина Твердослава Мишинича, и тот признал во мне младшенького незаконнорожденного сыночка – ублюдка. Звучит вроде обидно, но никаких прав не лишает.

Князь Владимир, крестивший Русь и ставший святым, тоже был бастардом, рожденным ключницей Малушей от известного князя-полководца Святослава Игоревича, известного обязательным предупреждением неприятеля: «Иду на вы!».

Святой Владимир получил киевское княжение и всю Русскую Землю в подчинение, а я реку Вечерку с близлежащими землями.

А нам предстоит бой с черным волхвом Невзором, который резко ослабит наши физические силы и замедлит нас до края. А враг в магическом плане был сильнее Богуслава раза в три. Боярин не даст нас убить секунд пять. Вот в это время и будем, вызвав силу и вернув быстроту, остервенело сражаться.

Еще в нашей ватаге ехал волкодлак Олег. Сейчас обычный с виду человек, в котором оборотня было не выявить никакой магией, он при нужде перекинется в волка, который будет и сильнее, и быстрее обычного зверя – в бою пригодится. На Западе их зовут вервольфами.

Месяц назад волхв Добрыня, мой наставник и учитель, сообщил, что к Земле летит громадный метеорит. После столкновения этих небесных тел цивилизация в том виде, как она существует сейчас, рухнет, так велика будет катастрофа: ураганы и цунами, которые вызовут глобальные наводнения, землетрясения, извержения вулканов, страшные пожары и прочие ужасы. Пылевая буря надолго лишит растения и жи-

вотных солнечного света.

Для того, чтобы этого не случилось, надо было объединить силы людей и дельфинов, а для этого отправиться к Черному морю (которое здесь звали Русским) по Днепру (сейчас Славутич). Потом найти великого персидского поэта Омара Хайяма. В какой именно части моря плавают нужные нам дельфины и где живет в большой стране автор тысяч рубаи – коротких четверостиший, неизвестно.

Мне значительно усилили память, и теперь все, что я ранее видел или слышал, было легко поднять и просмотреть. Стихи Омара Хайяма я любил, и поэтому как-то просмотрел в Википедии его биографию. Период с 1092 по 1131 год, когда его преследовали за безбожное вольнодумство, в электронной энциклопедии охвачен не был. То есть где поэт, математик, астроном и философ живет, а может и прячется сейчас, неизвестно.

Сам Добрыня пойти не мог, так как за кудесником, сравнимым по силе с самыми мощными черными колдунами, велось неустанное наблюдение. Темные волхвы считали, что прилет астероида снова, как и тринадцать тысяч лет назад, вызвавшее гибель Атлантиды, позволит им взять власть над человечеством.

И если бы белый волхв такой силы тронулся с места, против нас бросили бы резервы, и небольшой шанс прорваться, который имелся сейчас, был бы утрачен.

На мелочь, вроде нас с Наиной, внимания не обращали,

а вот Богуслава тоже просто так бы не упустили – охватили бы усиленными заботами, но он скрывал двадцать лет свои способности: не лечил, не кудесничал, не предсказывал будущего – жил простой боярской жизнью, предупрежденный своим учителем о будущей схватке. Наставник и рассказал ему, что против нас будет биться темный враг Невзор.

Добрыня объяснил на прощанье, что кроме нас, пойдет еще одиннадцать групп, может быть кому-то и удастся прорваться.

Я в необходимости куда-то переться сразу усомнился. Живем же мы в 21 веке, и ничего про удар крупного астероида и не слышали. Обошлось, стало быть, все как-то само по себе. Столкновение с таким гостем из космоса не осталось бы незамеченным. Ударь он даже где-то на безлюдных полюсах, в глухой тайге, жаркой пустыне, в бескрайних прериях, булькнись в громадный океан, катаклизм такого масштаба не остался бы невидимой мелочью.

Знаменитый Тунгусский метеорит был всего лишь тридцати метров в диаметре, а какой след оставил! У астрономов считается, что, если камень больше, это уже астероид, – малая планета. Страшный Апофиз, который ученые ждут пролетающим в опасной близости от нашей планеты в 2029 году, в поперечнике аж целых триста метров.

А сейчас речь идет о несущейся к Земле глыбе размерами с добрый десяток километров, а это в тридцать раз больше. Апокалипсис не утаишь, последствия будут ужасны. Словом,

как писал шотландский прозаик и поэт Роберт Льюис Стивенсон в своем знаменитом романе «Остров сокровищ»:

– Через час, те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым.

В ответ на эти мои высказывания, Богуслав просто спросил, пришли ли мы там в будущем, которое будет почти через тысячу лет, к идее развилки во времени, после которых в двух параллельных мирах события и история могут пойти совершенно по-разному? Вопрос был исчерпан – мы эту мысль не упустили.

Мало того, что о ней писали в разнообразной фантастике, где герои попадали в прошлое и изменяли ход истории по своему слабому разумению или невзначай (яркий пример – ваш покорный слуга), были и такие, что действовали с ясной и четко поставленной целью, прибывая по уже обкатанному маршруту на испытанных средствах передвижения.

Все это могло быть просто выдумками писателей, но ведь бывало, что непохожие на нас люди появлялись из ниоткуда, и рассказывали, что они из таких государств, каких в нашем мире никогда и не было.

Яркий тому пример – человек из Туареда. Эту страну он показывал на карте там, где у нас находятся Судан, Мали, Ливан, Алжир, Буркина-Фасо и проживают среди 200 других народов туареги, которые своего государства сроду не имели. Туаредец прилетел в Японию в 1954 году купить оружие для своей родины, которая воюет уже несколько лет. В

нашей реальности никакой войны, особенно на севере Африки, в это время и не было. Он рассказывал о существующей уже 1000 лет стране, активно борющейся за права африканцев.

Понятно, что короткая дорога в ближайший сумасшедший дом была ему обеспечена, но ясное и очевидное решение спутали документы, имеющие вид подлинных: паспорт с многочисленными визами различных государств, в том числе и Японии, водительские права, выданные в Туаред, чековая книжка несуществующего банка, обычная и вместе с ней неведомая валюта. И все это гляделось абсолютно настоящим.

Шпион? Были бы документы выданы где-нибудь в Буркина-Фасо, никто бы и не придрался – иди себе шпионь вволю, чего ты тут в послевоенной Японии, где армия разогнана и даже сил самообороны еще нет, а военная промышленность прикрыта и японские специалисты чинят самолеты победившей Америки, нашпионишь?

Быстро приехавшие люди из спецслужбы выручили озадаченных полицейских, увезя странного человека неведомо куда. По крайней мере в психиатрических больницах он не объявлялся. Наверное, вернулся в родной Туаред, хотя ходят упорные слухи, что неведомый странник отправился погостить в США, почему-то избрав Лэнгли, где находится штаб-квартира ЦРУ, местом проживания. Там, может и гостиниц-то нету...

Эти пришельцы очень часто ни одного нашего языка не знают, одеты непривычно, рассказывают о мире, где никогда не бывает солнца. И все это запротоколировано официальными лицами, серьезно задокументировано.

Поэтому задумываешься – а одна ли была развилка? Не живем ли мы среди массы параллельных миров? У нас бывает, что люди исчезают среди бела дня на глазах у многочисленных очевидцев. Куда они деваются? Как?

Может и я сейчас стою на очередной развилке? Попала каменная гора в Землю – живите в пещерах и питайтесь обугленными головешками, оставшимися после катастрофы и годами не видя солнца, не попала – впереди сияющий мир небоскребов, компьютеров и сотовых телефонов, изобилие разнообразной еды.

И мы пошли спасать мир. Со мной была собака Марфа, которую Богуслав за месяц дорастил от семимесячного подростка до полуторагодовалого грозного алабая и резко добавил среднеазиатской овчарке, породе известнейших волкодавов, ума до двенадцатилетнего человека. Обычно они доходят до интеллектуального уровня трехлетнего ребенка. Марфу взяли с собой для того, чтобы не дежурить по ночам – туркменские алабаи известные караульщики. Грозный зверь дошел в холке до 70 сантиметров, уши и хвост были купированы еще в раннем детстве. Серо-черный цвет с белыми подпалинами на морде красил Марфу необычайно.

Из Великого Новгорода мы выехали вчера утром. К ве-

черу устали и остановились на ночлег на какой-то полянке. Была середина октября, и смеркалось уже рано. Развели костерок, быстренько сделали отвар из сухих яблок, пожевали пеммикана с сухариками. Пеммикан это индейская походная еда – высушенное и перемолотое мясо бизона, пропаренное в сале с добавками высоковитаминных ягод рябины, крепко посоленная, которую мы приготовили еще в Новгороде. Пеммикан не очень вкусен, но легкий и не портится три-четыре месяца. Нам гоняться по окрестностям в поисках харчевен некогда.

Мне, правда, казалось, что свинина повкусней будет в качестве основы для кушанья, изготовленного по рецепту североамериканских индейцев, но заартачилась Наина.

– Мясо свиньи есть нельзя! – решительно заявила еврейская девушка, – оно не кошерно, это вам любой раввин скажет. То же самое и в Торе написано. Свинья не жует жвачку! Значит, она нечиста.

Я не стал вступать в теологические споры, типа, – у вас иудаизм, а у нас православие, у вас Тора, а у нас Библия – просто дал команду повару заменить животное.

Идею насчет использования кошерных курей пресек. Пока из них нужное количества жира добудешь, половину новгородских несушек изведешь. Особенно учитывая, что выход готового продукта по отношению к исходному сырью будет один к трем. А пеммикана на нашу ватагу надо было много. И, учитывая важность нашего похода, нам должно быть

все равно, кошерная, халяльная или постная у нас еда. Лопай, что дают! – как писал Антон Павлович Чехов.

После катастрофы переловим всю уцелевшую живность и сожрем. А потом начнем приглядываться друг к другу и размышлять: что-то ты, браток, какой-то великопостный сегодня, созрел, похоже, для котла...

Лошадям выдали по два килограмма кормовых дрожжей – трава уже высохла и была мало съедобна. Корм очень легкий и сытный. На каждого коника взяли по восемь кг дрожжей, на четыре дня хватит. А за это время попадетса по ходу какая-нибудь деревенька, где купим овес или ячмень, дадим коням и кобылкам свежего сена.

Олег сводил табунок на ручей, протекающий поблизости, лошади вволю напились. Он хоть и волкодлак, но бывший конюх, и лошадей очень-очень любит, а они отвечают ему взаимностью. За ночь Марфа никого не придушила, тревогу не подняла, все прошло на редкость спокойно.

Мы вначале хотим проехать до Смоленска, стоящего на Днепре, а вдоль реки уже спуститься до Киева. Словом, движемся по классическому маршруту «из варяг в греки». На купеческих ладьях не пошли – перетаскиваться по восьми волокам займет слишком много времени, на лошадках гораздо быстрее получится. А Добрыня нам волыннить не рекомендовал – расправятся черные волхвы быстро с какой-нибудь идущей параллельным курсом бригадой, могут подкинуть помощь нашему убийце.

А с утра, не успели толком проснуться, только что выехали с места стоянки, змей какой-то невиданный объявился. Из Википедии я знал, что большие удавы могут не есть по полтора года. Вот и поползал бы сегодня где-нибудь в сторонке, чтобы нам не мешать.

Слишком важным делом мы заняты, и отвлекаться на какую-то лесную погань сейчас просто недосуг. Если у нас все получится, вернемся и убьем, о чем разговор, а если нет, то и мы умрем, и длиннохвостого чем-нибудь пришибет.

И чем мы змеищу убивать будем? У нас только легкие сабельки. Мне бы сюда секиру с длиной лезвия в аршин (70 см) и весом в полпуда (8 кг) – накрошил бы гада. Есть, правда, у протоиерея рогатина со здоровенным, до двух пядей (36 см) длиной, наконечником, который на Руси называли рожон. Для удобства я сразу же переводил все местные показатели в метрическую систему, к которой привык с детства. Лишних поперечин на лезвии, как у протазана, не было, эта пика зайдет во врага очень глубоко.

Святой отец позаимствовал оружие во вверенном ему храме у сторожей, но сам священник им толком не ударит, а я умением пронзить пресмыкающееся с коня копьем не обладаю. Уж извините, не Георгий Победоносец!

Вдруг Марфа встала, как вкопанная, зарычала, а потом остервенело залаяла. Я удивился: среднеазиаты голос подавать не любят, а учитывая невиданный ум собаки, причина должна быть необычайно веской.

А на полянке, куда мы выезжали по очереди, уже закипела битва. Ушкуйник Матвей, который обучался искусству боя с малых лет, соскочил с коня и очень быстро наносил шашкой рубящие удары громадной змее. Тварь была серо-зеленая, с коричневыми разводами на боках, длиной метров пятнадцать. Змея все сильнейшие удары не брала, сабля не оставляла на его блестящей шкуре даже царапин.

Вдобавок, он явно не желал быть зарубленным, и всячески пытался поймать и задушить дерзкого человечка: извивался, поднимался на хвосте, раскачивался подобно маятнику, а затем совершал молниеносные выпады в сторону Матвея, стараясь обвить противника смертельными кольцами. При этом из пасти постоянно вылетал и втягивался назад раздвоенный язык, раздавалось мерзкое шипение. Редкая гадость!

Мы, три кудесника, сосредоточились на попытках истребить пресмыкающееся силой мысли. Способности волхва у меня до финальной схватки были приглушены Добрыней для того, чтобы черный колдун принял меня за обычного человечешку и подпустил к себе поближе. Как белый волхв, я все равно мало чего стою, а вот в простых бойцах не подведу – Матвей многому выучил, пользы от меня будет больше. Потом Богуслав мои мелкие таланты возвратит на место.

Но убить может и ведун, а эти способности у меня остались нетронутыми. Суммарный эффект наших сил никакого эффекта не принес. Сплоховали ведуны и колдуны!

Звучное чтение молитвы протоиереем древнерусской ана-

конде тоже не повредило. Налетел и начал рубить змеищу Иван – с тем же успехом. В нашу возню не ввязывались Олег и Марфа – с зубами тут много не навоюешь.

Рано или поздно неуязвимая змея кого-нибудь поймает, и вся эта история плохо кончится – на одного путешественника в нашей ватаге станет меньше.

Перед отъездом мы с Ваней месяц тренировались стрелять из арбалета и кидать метательные ножи в цель. Хорошо стрелять из лука надо учиться очень долго, и этого времени у нас не было, а близко к себе черный волхв не подпустит. По этой же причине не сильно оттачивали мастерство боя клинковым оружием.

Арбалет был многим хорош: стрелял далеко и метко, выпущенный из него болт пробивал, в отличие от стрелы из лука, любую кольчугу. И выучиться им неплохо пользоваться, не промахиваться на расстоянии в 10-20 метров, можно было махом, что мы с Ваней и сделали. Был всего один, но существенный минус – увернулся вражина, или отбил болт, и все! Перезарядить самострел за оставшееся до его завершающего удара незначительное время в несколько секунд никак не успеешь. Останется одно – умереть с гордо поднятой головой!

Чтобы этого избежать, решили использовать метание ножей. Бросай один за другим прямо с пояса. У нас с Иваном их по пять штук было размещено в особых карманчиках. Для еще большего ускорения решили «стрелять по-македон-

ски» – с левой руки выстрел из арбалета, с практически одновременным броском ножа правой. И дальше – кидай ножики, пока не пришибли!

У меня заряженный самострел был приторочен к седлу – вдруг Невзор откуда-нибудь выскочит. Поэтому, не мудрствуя лукаво, выстрелил. Попал. Болт ударил в змея, скользнул по коже и отскочил в сторону. Да что он там, чугунный что ли?

Бросать ножи было явно бесполезно. Пора было менять оружие. Богуслав перед походом долго колебался – что брать: меч или саблю? Потом сказал:

– Не на Запад идем, с рыцарями в латах сражаться. А против кочевников в кольчужках и сабелька подойдет.

Поэтому был вооружен, как все. А его обоюдоострый полутораручный меч был вдвое тяжелее любой сабли. Вот бы им сейчас вдарить! Но за неимением гербовой пишем на простой.

Пора опробовать копьё. Подскакал к Николаю. Не вступая в лишние объяснения, выдрал рогатину, прикрепленную к седлу, и понесся на новгородского питона. Решил ударить на полном скаку, прямо с коня, и пронестись мимо в случае неудачи. Жеребца можно было бы и оставить, подойти пешком и ткнуть, но смущала мысль, что мощности не хватит.

Я, конечно, включу богатырскую силищу, и минуты мне хватит с лихвой, но добавить ударную мощь боевого шестисоткилограммового жеребца в борьбу с неуязвимым удавом,

считаю не лишним. Вот только Викинг не увертлив, и, если гадина останется жива и в силе, она его ухватит и обоьет смертельными кольцами, махом удушит. Поэтому мимо, быстро мимо!

Пресмыкающийся в очередной раз вскинулся вверх для ловли ребят, поднял верхнюю часть туловища на три метра от земли, открылся, как медведь вставший на дыбы. Длинный позвоночник, периодически раздувающиеся легкие. Внутренности змея я видел не очень отчетливо, способности мои были убавлены, но небольшое сердце, находящееся на полтора метра ниже зловещей головы, было заметно по ритмичным сокращениям. Вот в него и попытаюсь попасть. Сделав кружок по поляне, чтобы разогнать коня до максимальной скорости, я призвал свою скоротечную силищу, Во! -, громко рывкнул парням:

– В стороны! – и нанес таранный удар.

Будь я в обычном состоянии, мою руку, вместе с рогатиной, чешуя змеи просто бы отразила, откинула в сторону. Но тут чугунная прочность удава столкнулась с каменной прочностью мощи богатыря, и вражья защита была пробита! Я почувствовал, как копьё проваливается внутрь страшной твари, и, откинувшись назад, увидел, как оно насаживает на лезвие маленькое сердце. Сердчишко дернулось в последний раз и остановилось. Змея испустила протяжный воющий крик, уронила поднятую часть наземь и издохла. Все! «Ва»...

Не нужно больше красться по местным падам и буеракам, объезжая ареал обитания древнерусской рептилии. Ужас этих мест прекратил свое существование.

Глава 2

Я почувствовал, что вымотан страшно, выпит до дна. Обессиленно сполз с коня, опустился на землю. В ушах звенело, перед глазами роились черные точки. Мне было очень мутно. О том, чтобы сейчас вновь карабкаться в седло, скакать куда-то, и речь можно было не вести.

Странно! Когда я испытывал Силу впервые, и вертелся с кобылой Зорькой на вытянутых вверх руках, ничего похожего не было. Пришла тогда на пару минут легкая слабость, а потом накатил невиданный аппетит, – в общем, как говорят наркоманы-марихуанщики, на хавчик пробило, и все. А ведь нагрузка была куда больше и дольше. Невиданная психоэмоциональная перегрузка? Бывал я и в более злых переделках, обходилось как-то. Так в чем же дело?

– Накрыл тебя змей перед смертью, – раздался негромкий голос Богуслава, – окатил черною волною ухода, дыханием смерти. Сейчас помогу.

Я понял, о чем толкует кудесник. В прежней жизни, подрабатывая в «Скорой помощи», частенько сталкивался со смертью. Вызовы к уже умершим людям не были редкостью, трупов навидался. Они не трогали ничего во мне. Умер и умер, совершенно чужой человек, которому помочь уже невозможно, и Бог с ним, вечная ему память.

Совсем другая история была если кто-то умирал при мне. Это бывало редко. Я бился за драгоценную человеческую жизнь, как лев, с полной самоотдачей. Но если душа больного все-таки покидала тело, меня накрывало тяжелое ощущение, которое длилось потом сутки. И это ощущение было вызвано отнюдь не влиянием на мою психику – я не эмоционален и видал всяческие виды. А это, оказывается, черная волна ухода, дыхание смерти, которое я, видимо, чувствую поострее других людей. Вдобавок змей раз в пять крупнее человека, и, скорее всего, выброс смертельной энергии тоже в несколько раз был больше. Сколько же я теперь болеть буду? До самого Смоленска? Или аж до Киева?

Богуслав подошел вплотную, положил свою ладонь мне на макушку. Ого-го! А дело-то, похоже, серьезное. Обычно волхвы руками даже и не водят – нету нужды, просто стоят и смотрят. И лечат, лечат, лечат... Сам так больных пользовал. А уж на кого-то ладони класть, такого просто не бывает.

Вся наша команда, держа лошадей в поводу, окружила нас кольцом. Боярин роздал краткие команды.

– Тащите валежник. Раскладывайте костерок. Вскипятите воды.

Народ разошелся по окрестностям. Осталась возле нас одна Наина – решила поучиться, видать, молодуха у большого кудесника.

А Богуслав, похоже, начал лечить. По мне пошла живительная волна доброй энергии. Она расходилась от головы

вниз по всем жилам – приливало тепло к кистям рук, сто-пам, все тело покалывало, как иголочками. Потом сила по-шла волнами, раскачивая меня то вперед, то назад. В мозгу чередовались приливы и отливы напряжения. Все это дли-лось примерно час.

Результатом явилось то, что я стал себя чувствовать при-мерно также, как и в прошлый раз после применения Силы – легкая слабость, небольшой озноб и безумный аппетит.

– Получшело? – спросил Богуслав.

Я кивнул.

– Пошли, Володя, горяченького попьешь, да поешь немного.

И мы отправились к костру. Вода в котелке уже кипела. Ужасно захотелось ароматного чайку. Чай в 11 веке не росло не только на Руси и в окрестных странах, его не знали еще даже и в Индии. Блистала замечательным растением с неза-памятных времен только родина чайного куста – страна Ки-тай.

Но мне неожиданно повезло купить чай на новгородском рынке. Случайно заметил чайный лист, когда искал на рынке новые приправы к кушаньям. Русский торговец сидел про-сто на сбыте невиданного растения. Где взял чай добытчик Афанасий (отнюдь не Никитин, я уточнял!) посредник не знал. Видимо, рванул у каких-нибудь кочевников. Я купил его весь. Целый мешок был почти с меня.

Собираясь в путешествие, приторочил мешочек величи-

ной с футбольный мяч, сзади к седлу. Несмотря на изрядный размер, мешок был незначительным по весу. Я не чифирист и не состою в клубе любителей крепкого чая, так что листа для заварки хватить должно бы надолго. Запасец дорожущего сахарку тоже был прихвачен в дорогу – до меда не охотник. Ну, что ж, хлебнем горяченького!

Предложил чаек народу, выслушал вежливые отказы. Все, кроме церковника и Матвея, его уже попробовали, бывая у меня в гостях и пришли к очевидному выводу, что грушевый квас или сбитень гораздо вкуснее. Ушкуйник, после того, как намахался шашкой и надулся после этого воды, ничего пока не желал, а протоиерей настолько усомнился в продукте, привезенном из неведомых земель, что на всякий случай даже перекрестился. Баба с возу, кобыле легче, подумалось мне, уже жующему пеммикан с сухарями и нарезающему соленое сало, после заваривания напитка в своей здоровенной кружке.

С салом я еще в Новгороде как-то усомнился: будет ли оно храниться без холодильника или нет? Другим продуктом я бы пренебрег, но соленое сало обожаю всю жизнь, как хохол. Начал вникать, не испортится ли наше народное достояние в дальней дороге.

Моя жена Забава – видная красавица, натуральная блондинка, высоченная и стройная, богатырка, которая Добрыню Никитича вместе с Алешей Поповичем одной левой себе за пояс заткнет, а правой в это время Илью Муромца побо-

рет, приготавливала совершенно жуткую на вкус еду. Есть это мог только ее первый муж, да и то после приема двух стаканов водки, иначе тоже не лезло. Если бы он просто исчез, мне бы думалось, что супруг убежал от мерзких кушаний, но его зарезали в кабацкой драке. Вдова сама признавала свои кулинарные таланты, винясь передо мной:

– Мать это не ест, братья не желают, я сама эту гадость есть не буду.

Поэтому, как только у нас появились деньги и мы переехали в новый дом, я сразу же переманил к себе из харчевни замечательного шеф-повара Федора, кулинара от бога. Вот он-то и дал мне верный совет – хранить в дороге изрядно просоленное сало в пергаменте. Вдобавок слои сала хорошо еще и пересыпать для верности солью. А так как лежать оно будет не в изрядно протопленной избе, а практически на улице в октябре месяце, где уже изрядно похолодало в сравнении с летом и золотой осенью, дней десять безопасного хранения, примерно, как в кладовке, мне гарантировано. После этих речей Федор, для полной уверенности в продукте, сам же его и посолил.

Я с удовольствием жевал сало, заедая индейской радостью и похрустывая сухариками.

– Ловкий ты в бою, – неожиданно сказал Богуслав, – мы всей ватагой в тупик встали, как эту толстокожую погань убить.

– Владимир во всем ловкий! – подтвердил эту мысль Мат-

вей, которому я в свое время помог вылезти из патовой ситуации, перед которой он сам, предводитель тридцати ушкуйников, и три его друга, тоже атаману ушкуев, встали в тупик – как жениться на дочке богатого купца, невзирая на яростное сопротивление родителей.

– Каркодила махом порубал! – добавил протоиерей.

– А как старший все придумать и организовать горазд! – подключился Ванюшка.

Видя, как уже готовятся к выступлению с хвалебными речами Наина и Олег, я решил это заканчивать. С такими славословиями хорошо досуг проводить, сочетая их с приемом алкогольных напитков, а у нас день в самом начале, и дел выше крыши, умащивать мне дорогу лестью и ненужными похвалами просто некогда.

Я, конечно, дал все деньги на этот поход, остальной народ был не зажиточен, предоставил коней и сторожевую собаку, одел и обул для похода Ивана и Наину, вооружил Ваню – но не время сейчас гордиться заслугами!

– Все это, конечно, очень приятно слышать, – сказал я, – но есть более животрепещущая тема – как мы будем переправляться через реки? Вчера, пока перелезли через какую-то вшивую речушку, вымокли все, как собаки. Да еще перед этим брод два часа искали.

– Я сухая переправилась! – гордо заявила Наина.

– Если бы меня Иван на руках перенес, еще суше тебя бы был, – отмахнулся я от смешной девичьей рисовки. – А

таких рек, речек и речушек у нас впереди еще немало будет. Что делать?

Народ зашумел, предложения посыпались одно за другим.

– Надо лодку купить и ее с собой возить!

– Топорами нужно обзавестись, доехали до речки – хоп! – плот срубили.

– Проводника можно поискать, они все броды знают.

– Нанять селян, они лучше Ваньки перенесут!

– Молиться надо почаще, дети мои. По возможности – посещать церкви!

Все эти ложные выдумки развенчивал по одной Богуслав.

– Лодку эту на тебе от реки к реке таскать будем? Ты плоты до следующего лета рубить собрался? За проводниками тут годами бегать будем, чтобы враг отчаялся и от нас отстал? Селянам все деньги раздадим, а сами на дороге грабить будем? Э-эх, святой отец...

Потом боярин встал и рявкнул:

– А лучше всего речки на метле перелетать!

– Ну это только для Наины... – огорченно заметил Матвей.

Деваха в ответ только фыркнула. Я тоже поднялся.

– В общем, поехали дальше. Может бог даст, кто чего путевого и надумает, дорога впереди длинная.

Леса и перелески, рощи и поляны, овраги и чащобы. И очень мало возделанных полей, дорог, человеческих поселений. Сколько же территории Руси сейчас занято лесом?

90%? 95? 99? 99,99%?

Мы с Богуславом ехали рядом и беседовали о будущем. Иногда он, видя, что я устал говорить без умолку, рассказывал о своих многочисленных боевых походах.

Периодически, чтобы не умаивать коней без нужды, скакивали с лошадей и бежали рядом – они без всадника не только не устают, а еще и отдыхают. Через полчаса запрыгивали назад. Эти трюки, в сочетании с собственной тренировкой, я и Ваня осваивали возле Новгорода при ежедневной утренней выездке лошадей.

Для боярина, пол жизни прослужившего воеводой то Засадного, то Передового полка, то всей княжеской дружины, это на дальних, но спешных переходах, было привычным делом.

Матвей освоил все эти штучки за вчера. Для русского спецназовца, владеющего всеми приемами рукопашного и оружейного боя, это было просто еще одно упражнение среди сотен других. В новость было только то, что в этом участвовал конь, боец привык действовать с ушкуя. Кстати, и вороного коня по кличке Ворон, бывший атаман по прозвищу Смелый, переименовал в Ушкуя. Жеребец отзывался веселым ржанием, и на зов Матвея всегда махом подлетал. Тоже, похоже, повоевал.

Некоторые трудности были у Олега. Конюх над лошадьми прямо трясся, и мысль, что он может заездить красавца Вихря, просто вводила оборотня в панику. Его попытки повто-

рить наши трюки в человеческом обличе не задались – сам чуть не задохся через пять минут бега. А вот в ипостаси волка Олег был неутомим.

Его смущали только две вещи: чтобы перекинуться, надо было обнажиться – одежда очень мешала, а с нами была дама. Этот вопрос решился еще в Новгороде. По моему совету, сама Наина и пошила ему свободные трусы, которые в СССР называли «семейными». В них волкодлак и оборачивался в зверя, и бежал. Трусики совершенно ему не мешали.

А вот когда вервольф узнал, что с нами отправится священник, тут то ему и поплохело.

– Сожгут, однозначно сожгут, – бормотал он мне, глядя в одну точку, – церковь таких вещей не прощает!

– Вас чтобы извести, осина или серебро нужны, успокаивал его я. – Костром тебя не возьмешь.

– Найдут, они все найдут. Прибьют серебряными гвоздями к кресту, всадят в грудь осиновый кол, и сожгут!

– Ты не волнуйся заранее, может еще все обойдется. Я сам с ним поговорю.

– С церковником не столкнешься!

– Попробуем.

Тут оборотня охватила новая идея.

– Ты ему только не говори, что это я! Скажи: есть, мол, в очень-очень дальнем селе, волкодлак. Тихий, мирный, оборачивается раз в год, никого не трогает. Даже курицы не задушит. А если протоиерей закричит: убить немедленно! – не

спорь. Пройдет время, скажешь: убили, дескать, сами селяне.

– Так и сделаю, – согласился я.

На следующий день мы вышли. Целый день Олег берег Вихря, как мог – отставал, когда ехали слишком долго, и, видимо, там перекидывался в зверя. Через полчаса догонял. Потом, правда, мы увязли в поисках переправы, и конь отдохнул от души. Мне на все это глядеть надоело, и я вечером подошел к Николаю.

– Посоветоваться с тобой хочу. Есть человек один, далеко от Новгорода живет. Он внезапно стал оборотнем – в волка перекидывается.

– Кто? – подобрался перед этим расслабленный после еды священник.

– Что кто? – не понял я.

– Кто из наших стал оборотнем?

– Да это далеко, – начал было вилять я.

– Не ври мне! – жестко рявкнул протоиерей, – стал бы ты в таком походе этой ерундой заниматься. Здесь он. Говори.

– Волкодлак боится...

– Пусть ничего не боится. Никуда докладывать не буду. Сам погляжу и оценю – за нас он идет биться, или его нечисть какая к нам поближе подталкивает. Узнаю точно, приму решение. И не спорь! – оборвал меня, начавшего было рот раскрывать, святой отец.

– Вон он, на нас смотрит, – кивнул я на Олега.

– Подожди меня, – скомандовал Николай, и ушел исследовать вервольфа.

Там у них начались душевные беседы, вроде: а ты не враг нам? Поговорили минуты три, потом Олег вытащил из-за ворота рубахи православный крестик и поцеловал его. Протоиерей перекрестил конюха и вернулся ко мне.

– Наш человек. Ему можно верить.

Так что сегодня Вихрь не умаивался совершенно. Большую часть времени он скакал порожняком, а волк в трусах большими скачками несся рядом. Оборотень в таком виде тоже не уставал.

Наина была мелковата ростом и очень худа – одним словом пигалица. Неутомимая Зарница несла ее так легко, что казалось: без всадника лошадка бежит.

Проблема возникала с Николаем. Протоиерей считал, что каждый – человек или кобыла, должен честно нести крест свой. Положено нести всадника – неси. Господь терпел – и нам велел. Священнослужитель саму идею бега возле лошади не воспринимал.

Был он достаточно широк в кости, повыше меня ростом, да и жирок уже образовался. Спокойная жизнь, достаточное, а если нет поста, очень хорошее питание, незначительная физическая нагрузка ощутило наложили свой отпечаток. Сильно толстым Николай не был, но сразу было видно – достойный, очень достойный пастырь человеческих душ! В общем, против легкокостной Наины, поп весил вдвое. Ко-

гда он с некоторым трудом вскарабкивался на Зорьку, кобыла зримо проседала. Он не в весе пера, она не тяжеловоз. И нести тушу святого отца целый день, в довольно-таки быстром темпе, без остановок и передыхов, моей любимице было явно не вмоготу.

На Викинга, идущего подо мной, пересаживать священнослужителя было просто опасно: буланый конь был молод, игрив. Укороченный черный хвост торчал вверх весело и задорно, жеребец им махал не хуже иного пса. Коняга был очень хорош, на следующий год князь Мстислав планировал взять его под себя, но пока всадник лошади требовался поопытней, чем садящийся раз в год на смирную церковную кобылку Николай – такого жеребец может и скинуть, и лягнуть копытом. Один день обошлось, ехали мало, возились с переправой, а вот дальше...

Довел вчера эту проблему до Богуслава.

– Я ж тебе говорил, от попа одни убытки будут! – этим завершил свою пламенную речь.

– Большой волхв Добрыня велел его взять, – отговорился боярин-дворецкий. – Я не настаивал.

– Надо было для этого церковного здоровяка хоть вторую лошадь взять, на смену Зорьке.

– Увидим – возьмем. А пока есть у меня испытанное средство.

Потом Богуслав поил Зорьку какой-то свежезаваренной травкой. Я не фитотерапевт, поэтому вникать даже не стал.

Это боярин любитель всяких аконитов да мелис. Хлебом не корми, дай только этому травнику неведомого любистока кому-нибудь присунуть!

Перед тем, как уснуть, Богуслав заметил, натягивая епанчу на плечо:

– Самая старая из всех наших лошадей эта кобылка. Ты ее где взял-то?

– Да Зорьке всего пять лет! – запротестовал я. – Мне ее князь Давид подарил.

– Лошадка породистая, отличных кровей, но с возрастом тебя обманули. Лет двадцать уже прожила, убегалась. Мы таких обычно отсеиваем, убираем из конюшни, часто дарим кому-нибудь.

Добрый поступок прежнего военного руководителя Новгорода прояснился – заслуженную кобылу просто сбыли с рук. То-то она, в основном, телеги уже только возила...

– А сколько вообще живут лошади? – спросил я бывшего боярина-конюшего.

– Лет 25-30, какие как.

– А Вихрь сколько прожил?

– Он помоложе будет, ему лет десять всего. Такие еще служат, их обычно дружинникам отдают. А лошади есть и долгожители – по 45 лет при хорошем уходе живут.

– И долго ты сможешь поить Зорьку этим своим снадобьем?

– Больше двух дней нежелательно – болеть будет. Искать

надо священнику второго скакуна. Но гнедая масть самая выносливая из всех и самая послушная, болезням подвержена меньше других. Может и три-четыре денька потерпит.

– А почему мне Вихря подарили?

– Да белая масть, это либо вылинявшая серая, либо изначально такая. Светло-серые – они обычные кони, как все. А твой Вихрь, похоже, уродился таким. Эти лошади очень нежные, нервные, болеют часто. Потомство от них редко бывает. Да и жеребята чуть не половина мрут. Мы таких на нашей конюшне и не держим.

– А Зарница?

– Она ахалтекинка. У них этот цвет по породе идет. Они не чисто белые, а с таким слабенько-нежным оттенком цвета топленого молока. Ничем обычно не болеют, выносливы хлеще гнедых, живут очень долго. Родятся только они очень редко. У нас, сколько уж времени ахалтекинцев держим, Зарница только третья. Если бы распространенная порода была, белые самые дорогие были бы.

И Буцефал у Александра Македонского тоже был белый, потому, наверное, и бешено дорог был... – думал я, засыпая.

Вчера кобылка пила настой крайне неохотно – часто фыркала, но пила. Зато сегодня вовсе продемонстрировала триумф народной медицины в коневодстве – легко несла грузного всадника на себе.

Глава 2

Мы ехали не спеша, гонки не было. Я с Викинга решил

часа два не слезать – отдохнуть нужно было после вредоносного змеиного воздействия на мой чуткий к такой гадости организм.

Только что пробежавшийся дядя Слава, как я иной раз называл боярина, который был на целый год меня старше – шутка ли, целых 58 лет, рассказывал о своей прежней службе у отца Мстислава, Владимира Мономаха.

– Ходили мы в позапрошлом году со Святополком, который только-только киевское княжение принял и с братом Владимира Ростиславом на половцев. Побили они нас страшно возле речушки Стугны.

Ничего, подумалось мне, пронизанному знаниями из Википедии, Мстислав через двадцать лет отомстит половцам за утонувшего в Стугне дядю, – вышибет это нахальное племя с Руси, оттеснит за Волгу и Дон. От них русским было больше убытка, чем от неразумных хазар и коварных печенегов. Именно они, через сто с лишним лет, втянут Русскую Землю в самую страшную войну – войну с монголами, закончившуюся татаро-монгольским игом, длившимся чуть не 250 лет. Такого на Руси никогда раньше не было и больше не будет.

Интереснейшая вещь – способности, дарованные Добрыней, спрятаны в какой-то дальний угол, а абсолютная и безотказная память в полной силе. Совершенно расслабившись, слушал и слушал...

– Гляжу – Ростислав в этой реке тонет, Владимир полез его спасать, и уже тоже тонет. Оба в кольчугах, тяжеленные,

какие уж из них пловцы! А я от наседающих половцев отбиваюсь...

– Зашибу!

Из-за толстого дуба выскочил плечистый и высоченный парняга, замахнувшийся дубиной неимоверной величины. Прежде чем я пришел в себя от дремы на ходу, Богуслав ментальным ударом в грудь отбросил нападавшего назад. От неожиданности и силы удара, мордастый юноша шлепнулся на задницу и выпустил из рук свое оружие. Палица со стуком приласкала его по голове.

– Ой! Вы чего деретесь? – почесывая темечко спросил разбойник.

Матвей уже был рядом и прижимал обнаженную саблю к горлу врага. Чутко вслушиваясь в шумы леса, ушкуйник пролаял:

– Сколько? Вас?

– Какие вы злые..., – протянул молодец, – пойду я от вас...

Сзади предупреждающе грозно зарычала прошляпавшая врага Марфа.

– И собака у вас какая здоровенная... Смотрите, я ведь богатырь, на части порву, если бросится!

Матвей спрятал шашку в ножны. Доложил:

– Один, похоже, этот дурачок. Тихо в лесу. Сразу убьем, или разбираться будем?

– Разберемся, – кряхтел я, слезая с седла, – что это за напасть неожиданная на нас навалилась среди бела дня.

Наша ватага уже окружила место событий.

– Нахальный какой-то, – недоумевал Иван, – наглый. Одному, с какой-то деревяшкой, напасть на вооруженный отряд! Смерти что ли ищет?

– Уже почти нашел, – отозвался боярин, легко спрыгивая с коня, – сейчас расспросим и убьем.

– Можно я его голыми руками? – деловито спросил ушкуйник, профессиональный убийца в Древней Руси. – Не разминался давно, отвыкаю.

– Эй, вы чего? – забеспокоился румяный силач, видя, что дело заворачивается не на шутку, – я ж так, попугать только...

– А мы напугались, – жестко ответил боярин. – Я воевода Тайного Приказа Великого Новгорода, и за дела эти тебя и запытаем! Мы шутить не любим! Отвечай быстро, песья кровь, кто послал? Кто научил на Владимира броситься?

Паренек заплакал, поняв, что с нами шутки плохи. О Тайном Приказе ходили пугающие слухи. Конечно, не НКВД и не СС, но все-таки!

– Никакого Владимира и не знаю..., я кушать сильно хочу...

Теперь мой несостоявшийся убийца скорее предпочел бы почувствовать на своем горле стальную хватку Марфы, чем отвечать за свои грехи перед грозной организацией.

Эх, горе ты мое горькое! Я сунул незнайке кусок пеммикана, дал сухарь.

– Владимир – это я. Не бойся, тебя не тронут. Как звать-величать?

– Емелька я, – весело хрустя сухариком представился новый знакомец, – а что за гадость вы тут едите?

Он отвел руку с пеммиканом в сторону.

– Кушай, сын мой, кушай, – поощрил его к действию святой отец, – это еда дальних народов. Она не очень вкусна, но сильно полезна.

После церковного одобрения сомнительного кушанья, Емельян вгрызся в него, как в просфору. Немного насытившись и глотнув воды из бурдюка, парень взялся рассказывать.

– Живем мы с матушкой в трех верстах отсюда в деревне Дубровка. Невелика деревенька, вся на три избы.

– Как у меня при лесопилке, – не утерпел Матвей.

Народ на него зашикал. Успеешь еще наболтаться. Емеля продолжил.

– Вчера пошел с утра в церковь, которая в селе Красный Яр. Село справное, большое, дворов много. Оно от нас далеко стоит, верст двадцать будет. Идти очень долго, поэтому пробежался по холодку. До поселка два часа, в церкви часок. Потом с девками отправился потолковать. Тамошние ребята не мешали, боялись со мной связываться. Торчал с деваками долго. Назад уж к вечеру подался. А Дубровки больше и нету! Спалил кто-то деревню, народ в полон угнали. Трех наших мужиков зарубили – сопротивлялись вид-

но. Собак тоже порубали.

– Это охотники за рабами прошлись, – опять встрял неугомонный ушкуйник.

– Я голодный, как пес. В церковь не евши пошел, натошак, как и положено. В селе никто горбушки хлеба не дал – неурожай у них в этом году. Разбойники прошлись – ничего после себя не оставили! Тут калики перехожие подошли. Спросил у них хоть какой-нибудь еды. Заорали, клюшками замахали и ушли. А мне и идти-то некуда, родня вся в нашей деревеньке жила. Переночевал кое-как. С утра озлился, выстругал дубинку. Вот думаю, сейчас кого-нибудь встречу, напугаю – дадут покушать. А тут вы едете. Вот и попугал – сам еле жив остался.

У меня в голове забрезжила идея. Я, слушая жалостные истории молодого землепашца, уже успел присесть на поваленное дерево – слабость еще чувствовалась.

– А ты в самом деле очень силен?

– Самый сильный в деревне!

– Богатырь на три двора, – съехидничала Наина.

– Я и в селе, когда их парни меня от девок пытались отогнать, десятерых крепышей, как щенят раскидал!

– Это и я раскидаю, – лениво сообщил ушкуйник.

– Сейчас проверим, – сказал я. – Иван, дай-ка его дубину.

Оторвать от земли эту оглоблю, вытесанную, похоже, из бревна, Ване не удалось. Он с трудом приподнял один конец и теперь озирался – куда этакую орясину тащить.

– Ванечка, брось немедленно! Надорвешься! – закричала любящая его женщина, – пусть этот бугай сам ее корячит!

Преданный подчиненный оглянулся на меня – что скажет начальник.

– Бросай, бросай. Наина права, – одобрил я решение чаровницы, – пусть Емеля ухватит, это его вещица.

Иван с большим облегчением избавился от «вещицы». Емельян легко поднял свое изделие правой рукой, подумал, перекинул в левую.

– А теперь чего делать?

А теперь мы, дружок, применим классический богатырский тест, испытаем тебя на прочность.

– Лошадь подними.

– Которую?

Ни сомнений, ни колебаний в голосе. Ощущение, что эта «косая сажень в плечах», зарабатывает переноской лошадей в своей деревушке.

– Вон ту, гнедую бери, – указал я для чистоты эксперимента на Зорьку – уж ее-то вес знаем не понаслышке! – она смиренная.

Емеля бросил дубину, поплевал для верности на ладони, потер их друг об друга, и отправился к кобыле. Он не торопясь подsunул под лошадь руки, легко ее поднял. Зорька аж заржала от неожиданности. Видать, подумала: не, ну это уже у людей входит в привычку! Скоро они все повадятся меня таскать! Ладно бы еще свой кто-нибудь, ну вот хотя бы эта

курчавая девица, – она меленькая, если и уронит, сильно не ушибеешься, а то этот долговязый взялся – брякнет, мало не покажется!

Высоченный, ростом под два метра, богатырь спросил:

– А дальше то чего делать? На плечи ее класть?

Моя душа пела – вот она, наша палочка-выручалочка!

– Ты лошадь держи так же, над головой, и пройди во-о-н до того вяза и назад. Осилишь?

– А то!

И уверенно понес. Вот это по-нашему, по-богатырски! Быстро вернулся.

– А дальше что?

– Потихоньку опусти кобылу на землю – не роняй!

Опустил бережно. Зорька обрадованно отскакала в сторону – кто их знает людей, чего еще у них на уме!

– Пошли поговорим.

Подошел.

– Я так понимаю, идти тебе некуда?

– Хотел в Красный Яр опять податься, да они там сами последнюю репу без соли доедают.

– С нами пойдешь? Нам как раз работник сильный нужен.

– Кормить будете, пойду.

– А ты целый день за лошадыю бежать можешь?

– Легко.

– А с человеком на плече?

– А то.

– Лошадь через реку перетащишь?

– Конечно.

Мне очень нравились его ответы на эти мои вопросы, типа – сделаешь? Легко, а то, конечно. Устроили бы варианты: без вопросов, сделаю обязательно. Другие, вроде таких: не знаю, подумаю, надо посоветоваться – были бы неприемлемы.

– Холодной воды боишься?

– Нет. У меня ни тулупа, ни зипуна, ни епанчи сроду не было. В избе, если натоплено, быть не могу – на сеновал ухожу. И мать такая же. Зимой сварим еды, и дня три печку не топим.

– Да вода это дело другое – промокнут лапти и рубаха с портками, ты и озябнешь, – разъяснил недалекому юноше Богуслав.

– Я на берегу разденусь, а потом, когда на другом буду и обсохну, оденусь.

– С нами девушка! – вмешался Олег.

– Они, девки, любят подглядывать из кустов, как я купаюсь.

Бесстрашный Иван показал здоровенный кулак древнерусскому стриптизеру – расставил, так сказать приоритеты, кто в нашей команде имеет право заманивать Наину прелестями мужской обнаженной натуры, а кто пусть и не рискует. Превосходство обольстителя в физической силе кирпичника не смущало. Хорошо треснуть по уху или от всей души дать в нос можно любому богатырю.

Конфронтации ни с кем из нас погорелец не желал. Нагрубишь с дури, вышибут из команды и отправят в лес поганками питаться.

– Да я что, я ничего..., я как лучше хотел! Буду ее сзади брать, ничего и не увидит!

Судя по пляшущим в глазах колдуньи огонькам, она все увидит! Рассмотрит в подробностях. Эта путешественница своего не упустит...

А нам силач как воздух нужен! Пора наводить порядок.

– Озираться будешь, – посулил я Наине, глаза завяжем! И самой вонючей тряпкой!

На запахи у бывшей киевлянки был бзик. Постоянные вопросы: а чем это тут пахнет, что за вонь тут стоит и обливания иноземными одеколонами, донимали нашу ватагу. Русские мужики не любят, когда за женщиной тянется шлейф сильного благоухания. Все хорошо в меру, в том числе, и использование благовоний.

А то еще многим девушкам кажется, что чем больше положишь на себя косметики, тем «красивше» станешь. Под влиянием этого домысла они и кладут эту химию на лицо в невероятных количествах каждое утро.

Мне припомнился рассказ коллеги, как он ухаживал за обаятельной и приятной, но к сожалению, вечно раскрашенной, как маргышка, и поэтому не блестящей внешним видом девушкой. И как молодой человек был поражен, когда впервые увидел свою будущую жену не размалеванную. Она ока-

залась такой красавицей!

И еще как-то можно понять бесцветных блондинок, не крашенных, а почти явных альбиносок от природы, у которых на лице собственная яркая расцветка отсутствует, брови и ресницы бесцветные, но зачем же замазывать свою внешность русоволосым, каштановым и особенно ярко выраженным брюнеткам? Здесь оттенки, там усиль собственные красочки, дарованные тебе природой, и ты порадуешься своему отражению в зеркале – красота к людям вернулась!

В этом плане Ванюшке повезло – чернявая и смуглявая Наина всеми этими древнерусскими изысками: белилами, румянами и сурьмой не увлекалась, но вот к запахам была слишком неравнодушна.

Поэтому деваха сориентировалась мгновенно – нюхать подобранные мной благовония (с упором именно на вония), ей отнюдь не улыбалось.

– Я зажмурюсь! Сильно-сильно!

Довольный Иван приобнял любимую одной рукой, народ вежливо покивал в знак одобрения. И хотя всем было ясно, что эта дошлая предсказательница, как зажмурится, так и разжмурится, приличия были соблюдены, Ванька остался доволен, новый участник похода поставлен на место. А слишком выраженных борцов за нравственность среди нас, кроме протоиерея, и не было.

Я продолжил.

– Платить тебе буду, кроме кормежки, рубль в месяц. Со-

гласен?

– А за такие деньжищи убивать и пытаться никого не надо? Не люблю я этого...

– Без сопливых и убьем, и запытаем, – успокоил здоровяка ушкуйник. – Ты, главное, через реки нас таскай.

И мы поехали дальше. Емельян деловито бежал рядом. Ни ускоренного дыхания, ни одышки, ни особого румянца не наблюдалось. Наверняка и пульс не был учащен, и артериальное давление держалось в пределах нормы.

У нас из наемников раньше был один Олег – числился у меня конюхом, затем отправился в поход – не смог оставить лошадей. В какой же должности будет числиться Емеля? В связи с тем, что он много времени будет проводить в воде, буду звать его как-нибудь по-новому: грузчик-подводник, лошадиный водолаз? Или блесну художественным слогом: дельфин Земли Новгородской? Богатырь-амфибия походный?

Вспомнилось, что у большинства из нас верхняя одежда – епанчи, хорошенько промазаны для водоотталкивания вареным маслом – олифой. Даже и охабень Наины, который она зовет охабень-похабень (хотела-то ведь дорогущую шубу), Ваня заботливо проолифил. По ходу всплыла в памяти шутка из Интернета, пародирующая известные пушкинские строки: и выходят из воды тридцать три богатыря. С ними дядька Ив Кусто, в прорезиненном пальто. У нас богатырь всего один, зато дядек в проолифленном прикиде набралось

немало.

И мы ехали, ехали, ехали... А кругом буйствовало многоцветье осенних красок. Опавшие и еще цепляющиеся за деревья листья пламенели всевозможными оттенками желтого, красного, оранжевого цветов. Шуршал под копытами лошадей яркий лиственный ковер.

Лесные птицы уже массово улетели в теплые края – отсвистели свиристели, и было тихо без их заливистого пения. По юности меня мучила мысль: зачем они возвращаются? Вылетел куда-нибудь на Средиземное или Черное море, обживайся в чужих краях навсегда, там и теплее, и сытнее. Так нет, рвутся назад с безумной настойчивостью, рискуя жизнью.

А с годами понял, что есть такое святое понятие – Родина. И куда бы ты по каким-то весомым обстоятельствам не выехал, куда бы не забросила тебя злая судьба, всегда рвешься вернуться, вдохнуть запах родной земли. И ты всегда за свою Родину будешь биться насмерть и обижаться на попытки ее опорочить.

Ну ладно мы, русские, народ нетипичный и странный, как считают иностранцы, всю жизнь живущий на одном месте, а евреи?

Умнейшие и хитрейшие люди, которых из-за гонений носит по всему миру тысячами лет, которые легко осваивают любой иностранный язык, всегда первые в науке, медицине, искусстве, почему они насмерть бьются за вновь обретенную родину – Израиль?

Казалось бы, езжай в сытую и благополучную Америку, ваша нация там в силе, соотечественники примут как родного. Приятный климат, изобилие воды, всегда и легко можешь заработать – горя знать не будешь.

А Израиль? Чем славится страна предков, земля обетованная? Жара, сушь, вода бешено дорога, и, главное, длящаяся десятками лет война с арабами, постоянные теракты (в тихой стране лучший в мире спецназ не появится!), постоянно прилетающие от врага ракеты, и попытки вмешательств в твои дела других государств – а зачем это вы столицу перенесли в другой город? Мы вас за это осуждаем!

А евреи стоят насмерть, воюют героически, с трудностями борются, неприятности преодолевают, чужим мнением не дорожат, и живут в Израиле! Почему? А потому что – Родина! И переезжают в Израиль на постоянное место жительства из замечательных США и Франции.

Когда ж постранствуешь, воротись домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!
– как писал незабвенный Александр Сергеевич Грибоедов.

Через час лошади устали, и я попросил Богуслава скомандовать остановку.

– Привал! Слезай с коней! – рявкнул голосом боевой трубы матерый воевода.

Все остановились, прыгнули со скакунов и недоуменно глядели на нас – что еще случилось? Мы с Богуславом нето-

ропливо подошли к все еще сидящему на Зорьке священнику.

– А ты чего Николай ждешь? Команда была подана для всех, – спросил я его.

– Да мне, Володя, слезать-залезать трудновато, грузен я стал в последние годы.

– Это понятно. Но лошадь устала нести твой вес, ей передохнуть требуется.

– Спаситель наш и не такие муки претерпевал, и кобылка перетерпит.

– Христос за все человечество страдал, а за что Зорька муки примет? За твою толстопузость?

– Она животина безответная, ей так положено.

– Она моя любимая животина и просто так я ее заездить не дам! Дальше поедешь на Емельяне. Хочешь, на любом его плече устраивайся, хочешь с могучей шеи ноги свесь. Если взгрустнется, он тебя, как ребенка, на руки возьмет.

– Окстись, сын мой! Я же священнослужитель, мне это не по чину.

– Значит пешком дальше пойдешь.

– Мне можно купить запасную лошадь! Денег я дам.

– Как купишь, так нас и догонишь.

– Ну кто ж так делает!

– Я так делаю. На кону судьба человечества, и из-за твоего гонора ей рисковать не буду.

– Я буду очень полезен!

– Чем же? Бесов гонять? Против нас черные волхвы встали, а против них церковь бессильна – молитвы на этих злых колдунов не действуют. Да вы и не делите – черный, белый, один черт. Ты язык дельфинов понимаешь?

– И не видал их сроду.

– С арабами хорошо сталкиваешься?

– Да с мусульманами разве договоришься!

– То есть вся твоя польза, только в том, чтобы хорошую лошадку, которую мне князь Давид подарил, извести?

Некоторое время Николай растерянно молчал. Потом сполз с Зорьки и обратился за помощью к Богуславу:

– Ты хоть ему скажи свое боярское слово!

Петух подкатил за помощью к опытному волку!

– Володю недавно боярин Твердохлеб сыном признал, а род Мишиничей нашему роду Вельяминовых по знатности ничем не уступает. Да они еще и побогаче будут! Владимир весь этот поход оплачивает, большие деньги вкладывает. И сейчас он здесь воевода, и потому – как решит, так и будет! А кто заспорит – вылетит с треском! В том числе и я. Поэтому ничем тебе помочь не могу. Спроси у ребят – может из этих героев кто рискнет за тебя вступиться?

Протоиерей обвел народ призывным взором. Герои отводили глаза. И-эх, святой ты наш человек! Христа и то предали!

Ошеломленный священник постоял, подумал и подозвал Емельку:

– Делать нечего, сын мой, сажай меня на правое плечо – на тебе теперь поеду.

Конечно, подумалось мне, Николай не боится ни смерти, ни боя с нечистой силой, ни даже споров с вышестоящим начальством, но сама мысль о том, что его могут отставить от Великого Похода, где он может принести пользы больше, чем за всю свою жизнь, полную неустанных молитв, всеобщих бдений, церковных служб из-за его же глупого самомнения, была для святого отца просто невыносимой. И он принял верное решение.

А Зорька получила громадное облегчение, когда с нее слез тяжеленный поп. Она, наверное, скакала и думала: в общем, хозяин, хочешь носи, а хочешь тряси, только сильно не грузи!

Конечно, я никогда бы не выгнал славного протоиерея – извернулся бы как-нибудь до ближайшего села, где купил бы ему запасную лошадь. Можно было пересадить священнослужителя на Вихря, волкодлак в трусах рядом бы потрусил, или почаще делать остановки, в общем, как-то бы решил.

Но у меня без дела бежал и неустанно пожирал наши скудные харчи Емельян, которому я буду платить целый рубль в месяц! А вдруг до самого моря водных преград больше и не будет? Даром буду такие деньжищи на ветер выбрасывать?

И неважно, что в Новгороде Великом я с каждого обратившегося ко мне за лечением боярина, по шестьдесят рублей, самое малое, беру. Ну, плюс незначительные подарки –

ларец с драгоценностями, мешочек золота, в общем всякую мелочь.

Разве нас можно сравнивать? Я – признанный мастер своего дела, сравнимый по получке с участковым терапевтом в районной поликлинике, который, если верить прессе, осыпан золотым дождем заработной платы. Никогда и нигде врачи столько не зарабатывали, как у нас в 20 и 21 веке. В других-то странах они нищенствуют и с голоду пухнут. Не могут всякие Америки да Европы, не говоря уже о Японии, обеспечить своим врачикам достойный уровень жизни. Меньше наших министров получают. Стыд, да и только!

А этот жалкий деревенский богатыришка, ну что бы он имел в 21 веке? Трехкомнатную квартирешку в Москве, звание заслуженного мастера спорта международного класса, чемпиона России, Европы, мира, каких-то Олимпийских Игр? Мизерные деньги в миллионах от России и чуть меньше от региона, плохонькую немецкую машинешку в подарок за Олимпийскую медальку? Контракты на незначительные суммы с рекламщиками? Ну и еще какие-то мелкие подарки от спонсоров-миллиардеров. Скажем, дорогушая квартирка. Словом, деньги небольшие.

Нас нельзя было бы и рядом поставить! Что его зачуханный физкультурный институт против моего блистательного медицинского? Звук пустой! Лучше бы педагогический осилит, у них деньга тоже дурью прет. Поэтому пусть попа носит. Не обломится.

Глава 3

К вечеру вышли на край небольшого селения. Накормили вволю лошадей, наелись от души сами. Я купил здоровенный шмат сырого мяса, порезал его и выдал Марфе. Ей на пеммикане было голодно. Потом попытались купить резервную лошадь – не получилось.

Насыпали в мешки еще отрубей на корм скакунам. Этот продукт вдвое легче и овса, и ячменя, но превосходит их в сытности. Долго одними отрубями кормить нельзя, вредно. В попадающихся деревнях и селах и разнообразим лошадиную диету. Для перевозки Зорькой приготовили пару пудовых мешков с ячменем в дорогу на запас – нести их будет в три раза легче, чем священнослужителя.

Пока возились, начало смеркаться. Разошлись по избам на ночлег. Емельяну было везде жарко, и я его вместе с Марфой пристроил на сеновал караулить лошадей.

Мы с Богуславом завалились на ночь к зажиточной вдовушке. Она тут же выставила здоровенную четверть качественного и ароматного самогона, наложила достойной закуски. Я больше 200 мл крепких алкогольных напитков за одни сутки и не пью, иначе сработает безотказная защита организма от ядов, заботливо поставленная волхвом Добрыней. Вырвет все! Будешь лежать злой, трезвый и голодный. Поэтому я ушел в кровать слегка опьяненный и сытый. Потом и мои собутыльники задули свечу.

И хоть я очень хотел спать, еще долго слушал охи и вздо-

хи на соседней лежанке, изредка перемежающиеся женскими вскриками. Все это шло в аккомпанементе с периодическим рычанием Богуслава и громким скрипом топчана. Затевались они, с небольшими перерывами, раза три.

Крепок еще бывалый воин, ох крепок! Чувствуется боярская кровь. Теперь в выражении – старый конь борозды не испортит, пожилого жеребца можно заменить на пожившего боярина. В обществе плохой экологии и у молодых-то это нечасто встретишь. Виагра не у дел!

Я подобные эффекты в постельных утехах получил только после омоложения на тридцать лет при переносе меня из 21 в 11 век, да и то с горячо любимой женой Забавой. Вволю потосковал о супруге. Как она была бы сейчас здесь уместна возле меня! Слава богу, боярин притушил нашу несусветную тоску друг по другу колдовскими методами, иначе Забава могла бы и не снести разлуки и рвануться беременная за мной.

Или бы я сломался от невыносимой муки жизни без любимой и, забыв о страшной астероидной угрозе, понесся бы скачками назад в Новгород впереди коня. Не на день, не на два, не на неделю уходим – на месяцы. Не мы, так другие группы дойдут. Да и этих стальной Богуслав доведет без явно ненужного попаданца-арбалетчика. Но и оставшегося в моей душе хватало с лихвой.

Теперь как увижу, что боярин на ночь к одинокой бабешке пристраивается, сразу другое место для ночлега буду ис-

коть. Сегодняшние впечатления так обострили мою тягу к Забаве, что охота было немедленно заорать: хватит, натерпелась! Всем спать! Особенно слабым на передок обоего пола. Наконец все успокоились и уснули.

Утром встали чуть свет, позавтракали и отправились запрягать лошадей. Ни о каком похмелье у нас, бояр и речи даже не было.

Я, конечно, купил в запас поллитру замечательного самогона, но для чисто лечебных надобностей – вдруг понадобится обработать чью-то рану. Из Новгорода не взял, понадеялся, что в случае чего затарюсь в дороге – не хотелось везти с собой лишний груз, хватит с меня и инструментов, но увидев, как тут редко встречается человеческое жилье, изменил свое решение. Разбойников-то мы втроем изведем махом. но они могут бросить копье или всадить в кого-нибудь из нашего отряда стрелу из укрытия.

У Олега, переночевавшего в избе какой-то бобылки, вид был гораздо сомнительнее. Простолюдин, что с него возьмешь. Поинтересовался у Богуслава, не выставить ли конюху перед выходом в дальнюю дорогу грамм сто допинга?

– Это незачем. Сейчас, только выедем за околицу, он в зверя перекинется и станет после этого здоров, как никогда.

Попытались узнать дорогу. Есть близко речушка. Широкая, но перейти ее легко – неглубока, перекаты на каждом шагу. Опасная река – это Пола с массой омутов в двадцати верстах от села. Насчет бродов ничего не знают – не ходят в

ту сторону. Вот тебе и проводники! Простились и выехали по утреннему холодку.

Не успели далеко отъехать, Олег торопливо сбросил одежду. В спешке чуть трусы не потерял! Поддернул их от колен и тут же, даже не дождавшись, когда мы проедем и не прячась в кустах, перекинулся в волкодлака. Уф, полегчало... Волчара был весел.

Раньше, если Марфа подсовывалась к нему в зверином обличье, он неласково рычал, показывал громадные зубищи и весь как-то подбирался. Ну не любитель Олег до общения с собаками даже и в человеческом облике, ох не любитель. А тут бежали рядом, и о чем-то явно беседовали.

У меня способность к пониманию звериных языков была заглушена до лучших времен, у Богуслава просто отсутствовала. Наина с Ваней уехали далеко вперед, и выявить способности колдуньи к пониманию языка животных не представлялось возможным.

Я раньше хорошо улавливал, о чем Зорька беседует с Вихрем и поэтому люблю представлять, что бы она сказала в той или иной ситуации.

Алабаи необщительны и не говорливы. Полежать или потереться боком о любимого хозяина, это завсегда пожалуйста, а вот болтать – уж извините, генетически не приучены. Мы больше душить и рвать.

Теперь она, правда, очень поумнела. Уровень двенадцатилетнего подростка, дарованный собаке Богуславом, силь-

но бы расширил наше с ней общение.

Теперь Марфа усиленно что-то рассказывала волчку. Она ему что-то быстро пролаивала, потом гавкала один раз после паузы. Оборотень один раз взывал. Опять и опять. Слышалось это так: гав, гав, гав... Гав. У-уу. Вроде как жена про что-то толкует мужу, и после каждого предложения спрашивает: понял? Тот отвечает: конечно! Понимали они друг друга отлично.

Это длилось минут пять. Потом вервольф опять стал человеком, быстренько оделся, запрыгнул на коня и подъехал к нам. Я был, как обычно, вместе с дядей Славой. С ним одним было интересно беседовать в нашей команде. Олег торопливо взялся рассказывать ночные новости.

– Как мы все по избам разбрелись, Емеля сразу уснул и захрапел. А храп у него тоже богатырский. Тут к уличной стене сеновала подсунулась молодая парочка. Девушка все боялась, что их услышат, а парень ее успокаивал: собака не лает, храп здоровяка даже через стенку на весь двор разносится, – явно все дрыхнут и ничего не услышат. А здесь ветер не чувствуется – закуток.

Дальше Емелькин храп сильно мешал прослушиванию. Этот заглушающий все звуки шум шел не ровной помехой, а рывками с паузами.

Пошла речь о гостях, то есть о нас. Когда мы переправимся через глубокую реку (название было заглушено), нам надо держать ухо остро. С другой стороны живет народец очень

злых карликов. Девушка спросила: наши приедем не скажут? Нет конечно, ответил парень. Точно? Все на иконе клялись. Да и Петька еще лечится. Потом они стихли, видимо взялись целоваться, затем ушли.

– Да, – протянул боярин-дворецкий, – новая поганка приключилась. И что делать будем? – спросил он робкого меня.

– Немедленно скакать назад в Новгород! У меня есть самая нужная вещь!

– И что же это такое? – клюнул на мою незатейливую приманку бывший воевода.

А чего же не клюнуть, все в наличии: огонь в глазах, решительный голос, всем телом подался вперед, бери и пиши картину: Вперед (назад) на врага! Одухотворенность полная.

Теперь надо оживить и собеседника. Сценарий был неоднократно на моих ушах отработан в пионерских лагерях, куда меня упорно пыталась сбить на лето мать. Как только пионервожатый гасит свет и уходит, кто-нибудь предлагает рассказать страшную историю. Народ соглашается. И начинается: в черном, черном городе... Жуть нагоняется не торопясь, с оттяжкой. И в конце рассказчик орет какую-нибудь глупость. Эффект у деток был потрясающий.

У меня с Богуславом пришла пора оттяжки.

– На той улице, где в Великом Новгороде стоит мой дом, – неторопливо начал я, – всегда сухо. Даже в очень дождливую погоду. Поэтому, захожу в свой двор всегда с сухими ногами.

Знатный пока терпел. Продолжим!

– Двор у меня, сам знаешь, большой, места много...

Слушатель явно стал нервничать.

– Да где вещь-то? – зарычал он.

Это вам не боязливый пионер. И прибить может. Пора заканчивать.

– Нужно пройти в дом, найти маленький чуланчик, забраться в него...

– Да не тяни!

– Обняться и бояться карликов! – гаркнул я.

– Тьфу! – плюнул Богуслав, – нашелся мастер розыгрыша!

Я-то, конечно, не бог весть какой мастер. А ты у нас по этому делу просто гроссмейстер! – подумалось мне. Как запугал почти всю нашу ватагу, сидевшего у меня на кухне, вещая голосом самого Сатаны из коридора! И это только одна из его многочисленных шуточек.

Боярин отплевался (хорошо, что не в меня!) и сказал:

– Ты по делу давай. Обойдем или прорываться будем?

– Как нож сквозь масло пройдем!

– А драться начнут?

– Поубиваем!

– А если этих маленьких очень много?

– Очень много маленьких я еще ни разу не убивал, – мечтательно сообщил недавно подъехавший к нам Матвей.

– Еще один зверюга нашелся! – всплеснул руками боярин. – Ну ладно мы трое, все в кольчугах, и то ноги и лица незащищены. А остальные как же? У них-то ничего нету!

А эти мелкие, похоже, лесные. Не силой явно берут, а количеством и внезапностью. Выстрелят разом из сотни луков, метнут пятьдесят сулиц, которые еще дротиками называют, сразу из-за деревьев, и нету с нами больше священника, колдуньи, оборотня, богатыря, кирпичника. А кто их унес? Злая судьба? Нет. Дурость атамана. Потом я карликов всех махом поубиваю. А вашей совести станет от этого легче!?

Мы с ушкуйником пристыженно молчали.

– Спрашиваю еще раз у вас, убийц: что будем делать?

Мы подумали. Первым надумал самый молодой из ушкуйных атаманов Матвей. За его скорость в принятии решений, ему нужно было бы дать прозвище Быстрый, а не Смелый, как его называли ушкуйники.

– Обойти этих мелких гнид.

– Ты знаешь каким путем идти? Где их владения заканчиваются?

– Повернем на Русу. Этот городишко точно наш.

– Это еще день пути. Переправа через большую реку Ловать. Обойдем вражеские земли – надо будет вернуться назад. Еще день, еще неведомая переправа. Самое меньшее – двое суток вылетит. Увязем на реке – трое.

Я перед тем, как нам ехать, посоветовался с проводниками. Все толкуют – надо Полу поужней обходить, тогда мы на эти две здоровенные реки и не попадем. Посмотрим, куда сегодня выйдем, и что местные Полой зовут. Если река, как ей и положено, на запад уходит, обходим ее слева, и от всех

карликов мы в стороне. А если нет, речка какая-то другая, будем думать.

На том и порешили. Поехали дальше.

– А что, карт еще никаких нет? – спросил я у Богуслава, когда мы вновь остались вдвоем.

– Только у тех, кто по морю плавает. И почти все – иностранной работы. Свои у нас иногда поморы делают. А компаса я вообще никогда не видел. Может он врет, уводит нас в сторону?

– Это вряд ли.

Объяснил про магнитное поле Земли.

– Интересно, – оценил дядя Слава. – И понять это нелегко, глазом ведь ничего не увидишь.

– Это верно.

Компас я сделал простейшим методом. Ему меня научил физик в школе. Он был очень молодым, рыжим и нервным. Очень любил колотить по моей парте указкой и кричать:

– Какой ты идиот! Разве тебя можно чему-то выучить!

Мне в этот момент неизменно вспоминалась дразнилка про убийство дедушки лопатой. И в это верилось! Опасался я в этот момент только неожиданного изменения концовки на гораздо худший вариант: убил школьника указкой. Но как сделать самый простой компас, физик меня все-таки выучил.

Две главные трудности при изготовлении такого прибора – первое: намагнитить один конец стрелки, и второе: обеспечить ее свободное вращение.

Это в 20 и 21 веке магниты на каждом шагу даже дома. В дверцах шкафов магнетики не дают дверкам раскрыться, в аудиоколонках, обеспечивают звук, жена и дети прилепливают на холодильник всяческие картинки – магнить компасную стрелку сколько влезет.

А в Новгороде 11 века жизнь какая-то немагнитная. До Курской магнитной аномалии копать минимум 200 метров грунта – не осилишь лопатой зарыться на глубину 60-этажного дома – экскаватор нужен. Используют кузнецы на Руси болотное железо – другого нету. Но эта болотяга совершенно немагнитна от природы.

От чего тут плясать, понятия не имею. Подошел к шуринам. Братья-кузнецы неустанно ковали рессоры для моих экипажей. И Андрей, и Вася, после приветствий и объятий, в один голос сказали, что кусок железа с такими странными свойствами может быть только у Онцифера.

Я опечалился. С этим мастером по тонкой кузнечной и токарно-слесарной работе уже имел дело. Мне понадобилось фирменное клеймо для моих карет. Стали появляться похожие подделки.

По сути, их отличала только одна деталь: мои делались для смягчения тряски от неласковых русских дорог на рессорах, являющихся сейчас техническим прорывом и секретом фирмы, таким ноу-хау 11 века, а фальсификаторы использовали недолговечные ремни. Может быть на этакой подпруге амортизировало и меньше, не знаю, зря говорить не буду.

Но уж очень быстро эта дрянная дешевка разрывалась. А так как чужой брак волокли ко мне, и с меня же пытались взыскать суммы за убыток, надо было начинать отделять зерна от плевел.

По совету опытного Богуслава решил клеймить изготовленные моими мастерами фаэтоны. Посоветовали обратиться к Онциферу для изготовления клише.

Во время заказа у кузнеца решили, что и тут может пойти фальшивка. Поэтому ввели незаметный простым взглядом штрих – малюсенькую буковку «В» на ножке большой буквы «М». Для человека с обычным зрением она казалась мелкой царапкой. А нужно было, чтобы мои приказчики уверенно отличали поддельный оттиск от нашего и могли доказать это обманутому владельцу левого шарабана.

Чтобы приблизить зрение обычного человека к невиданному зрению орла Онцифера, пришлось изготовить лупу. И тут я обмишурился – показал кузнецу через линзу маленькие риски между цифрами на часах. А когда умелец понял, что они показывают время, и сделаны просто из железа без всякого колдовства, и он, если посмотрит, как изготовлен хитрый механизм, сможет его повторить – вот тут и началось!

Сначала Онцифер попросил посмотреть устройство замысловатой вещицы. Для меня часы очень важная и необходимая вещь – ношу их разные модели уже более сорока лет. Не умею, не зная времени, планировать и осуществлять дела, чувствую себя дискомфортно. То, что житель 11 века

без умения часовщика и нужного инструмента сломает их махом, для меня было очевидно.

Восстановить их сейчас, в век солнечных, песочных, водных измерителей времени, было явно нереально. Даже неточные огневые появятся только в 13 веке. До изготовления громадных башенных часов пройдет двести с лишним лет. Так и будешь гонять по Новгороду со здоровенной клепсидрой в кармане. Поэтому работнику огня и железа было отказано.

И пошло-поехало! Он просил, умолял, предлагал деньги (был даже неплохой шанс стать совладельцем его кузницы!), пытался отнять – бесполезно.

Когда Онцифер понял, что заветная мечта рухнула от грубого вмешательства невежественного боярина-каретника, то присел и зарыдал. Финита ля комедия!

Рассчитываться за клеймо пришлось с подмастерьем. Вряд ли мастер будет мне в этот раз сильно рад...

Но деваться было некуда, компас был нужен позарез. Летом или ясной холодной зимой встал утречком, полюбовался восходом солнца, все в головушке и прояснилось – восток найден. Повернулся к нему лицом – по левую руку запад. Поскакали!

А сейчас середина осени. Солнца, бывает, и по три дня из-за туч не видно. Или выйдет днем, в ненужное для ориентации на местности время. Поэтому и по звездам не изловчишься.

Разнообразные описания народных примет обычно начинались одинаково: возьмите в руки компас... Видимо, это и была самая верная примета. Остальные были довольно-таки недостоверны.

Несколько раз сам проверял. Сколько я ни пробовал вглядываться с какой стороны дерева мох растет, ни разу севера не нашел. То он на разных деревьях по-разному растет. То ни с какой стороны вообще не вырос. Иной раз кругом все им затянуто. В общем никакого порядка с этой мохнатостью нету.

Остальные приметы были еще замысловатей и недостоверней. В какую сторону поворачивается бабочка – там и солнце. Ну где я вам поутру отыщу бабочку в глухом лесу? Как усажу ее на плоскую горизонтальную поверхность? Все деревья растут вверх, вбок редко. Найти пень? Как свести их с бабочкой вместе, задача не моего уровня, тут энтомолог, специализирующийся именно на бабочках, нужен. Спец по тараканам или жучкам-паучкам тоже может обмишуриться.

Глядеть как построен муравейник, случайно найденный в лесу обязательно в то время, когда я затеял ориентироваться на местности? В общем, нашей ватаге без двух узкоспециализированных энтомологов в чащобе ловить нечего.

Поэтому заблудившийся в лесу человек в пасмурную погоду сам не выберется. И на рыцарский опыт полагаться было нельзя. У нас сейчас не густонаселенная Европа, где вечно кто-нибудь подсунется и покажет дорогу очередному Ай-

венго.

Народ селится так, что колос от колоса не слышать и голоса. Нааукаешься вволю. Неделю можешь бродить – человеческого жилья и не встретится. Зайцев увидишь, их полно, а вот с людьми в дремучих лесах туго.

В общем, вывод один – нам компас позарез нужен! Некогда нашей ватаге тут белок по перелескам гонять – мы торопимся. Я вздохнул. В голове зазвучали пушкинские строки:

Делать нечего, бояре,

Мы подвластны государю...

И боярин Владимир Мишинич поплелся к нужному человеку. По пути были куплены две металлические иголки, льняные нитки, небольшая деревянная миска, собраны у плотников несколько липовых отрезков и обрезков.

Онцифер в кузнице махал молотом, стоял изрядный грохот. Может, уже остыл после нашей последней встречи, и обсыплет меня сейчас магнитными дарами?

– Нищим не подаю! – рывкнул в мою сторону кузнец.

Н-да. Или вместо даров без всякой ненужной рисовки треснет какой-нибудь тяжелой железякой, специально предназначенной для борьбы со свежеиспеченными боярами, по хребтине?

Попробуем воздействовать хитростью. Вы просите песен? Для вас я найду!

Чувствуя себя Лисой Патрикеевной, начал негромко говорить на ужино-гадючем диалекте, не существующим в при-

роде.

– Ш-ш-ш, ф-ф, щ-щ-щ.

Потом просто спросил по-ненашенски:

– Тан, па бу, вемя стенг?

Кузнец заинтересовался, перестал шуметь. Поглядел на подручного. Тот пожал плечами – тоже не понял. Мысли, что боярин отвлечется от своего главного в этой жизни занятия – обирать народ и придет в кузницу, чтобы нести какую-то чушь, оба не допускали.

– Чего ты там бубнишь? Христарадничать опять пришел?

Желание унижить и обидеть собеседника так и било через край.

Я вздохнул. Тоже охота ответить чем-то вроде: ты только опять не плачь, как девчонка! Но без магнита – как без рук. Работаем дальше на его любопытстве, которое даже кошку сгубило.

– Ну если и у тебя нету, пойду искать дальше.

Сказал громко и внятно, повернулся лицом к выходу.

– Чего это у меня нету? У меня все есть!

– Да откуда у вас здесь в Новгороде такая штука может быть? Вот в Киеве может и найдется...

К любопытству тут же добавилось местничество и проснулась профессиональная гордость. Проснулась и закричала зычным голосом:

– Да мы этих киевских ковалей, не глядя за пояс заткнем! Я саблю какую хошь скую – хоть из дамасской, хоть из бу-

латной стали. Черта прямо в ступе выкую! Ни в чем оплошки не сделаю, клиента не подведу. Ни один мой замок ворье отомкнуть не смогло! Ничего из сделанного мной, раньше, чем через десять лет, не ломается.

Срок годности изделий мастера золотые руки меня впечатлил. Хотя, еще тогда, когда взял в руки изготовленное им клеймо, подумал: крепко сделано, качественно. Имеет шанс и до 21 века дотянуть.

– Мне магнит нужен, в любом виде куплю. У тебя есть?

– Может и есть, да не про твою честь, – ответила горькая обида голосом несостоявшегося часовщика. – А тебе зачем? Девочек на посиделках веселить или так, побахвалиться перед знакомыми боярами?

– Мне нужно в походе к Смоленску стороны света узнать, чтобы не сбиться с пути.

– А железка тебе чем может помочь?

– Магнит всегда на север показывает.

– У меня уже год лежит – ничего не показывает. Хочешь поверну или переложу – ничего не изменится. Это тебя обманул кто-то.

– Давай поспорим? – предложил я.

Онцифер загорелся от близости такой манящей прибыли. В своей победе он был уверен. Как и я в своей.

– Давай! А на что? – решил уточнить кузнец.

А то сейчас ввяжешься за ломаный грош в глупую историю, а работа стоит.

– Ты сколько зарабатываешь в месяц? – теперь стал уточнять я, решив сделать молотобойцу предложение, от которого он просто не сможет отказаться. Гулять так гулять!

– Да это когда как...

– Самое большее за последние три месяца.

– Четырнадцать рублей – протянул коваль, – больше не было.

– Вот я со своей стороны столько и поставлю.

– У меня таких денег с собой нет!

– И не надо. Если ты вдруг ошибешься, отдашь кусок магнита. Можно меньшую его часть.

– Да я за весь магнитный железняк рубль отдал! Чего ж я тебя, дурить буду?

– Ты железом не торгуешь, я не покупаю. Мы спорим. Из двух спорящих, как в народе говорят, один дурак – не знает, а спорит, другой подлец – знает и спорит. Давай я сегодня в дураках останусь, а ты изрядно денег заработаешь – как за месяц огребешь!

– Да ты откажешься, когда проиграешь, скажешь, что пошутил.

– У тебя подмастерье человек верный?

– Давно вместе, не продаст. А что?

– Он сколько самое большее за месяц денег имеет?

– Рублей пять. Точно, Федосий?

– Пять с половиной, – уточнил подсобник.

– Будешь судьей в нашем споре? – спросил я. – Мы тебе

заклады отдаем, и я, один я, плачу сразу шесть рублей. Тебя не будет волновать, кто выиграл, кто проиграл – твоя монета уже в твоём кошельке.

– А если вы заспорите, кто прав, а кто нет? – спросил Федосий.

– Чтобы лишних и ненужных споров не было, решим прямо сейчас, на что будем глядеть. Я толкую, что намагниченная легкая вещь, если она сможет легко вращаться, всегда будет указывать на север.

– Ты толковал про все стороны света! – возмутился Онцифер.

– Зная где север, остальные определить легко.

– Это, пожалуй, да, – согласился умелец. – Но ты, может, фокус какой-нибудь знаешь?

– А чтобы понимать было легче, я изготовлю все прямо при вас. Из рукавов вынимать ничего не буду, прятаться за занавесками не стану. Здесь жарко, разденусь до пояса, как и вы. Сделаю все сам, или объясню, а вы делайте. Можем сделать сразу два компаса – один я, другой вы. И испытывать их будем вместе. Онцифер их пусть и испытывает, я вообще отойду в сторону. Если обе стрелки покажут в одну сторону, я забираю назад свои деньги, свой выигрыш – часть магнита и ухожу. Знаете, где тут север?

– Да. Да! – ответили оба.

– Если стрелки глядят в разные стороны, или не на север, я ничего не беру и ухожу.

Видя, что они колеблются, доверил окончательное решение хозяевам.

– Сейчас выйду, проветрюсь. Как решите, позовете – сказал я. – Если спорим – сразу отдаю Федосию двадцать рублей.

И вышел из кузницы.

Не продал бы уязвленный событиями прошлого Онцифер мне ничего. А в спорах рождается истина! Уж очень мне был нужен магнитный железняк! Намагниченная иголка размагнитится от тряски быстро – через день-другой. Никуда доехать не успею. Как раз в глухом лесу и подведет. Надо ее будет намагничивать. А чем? А именно железняком. Его кусок уступать целому по силе не будет. Хочешь жить – умей вертеться! Не получается купить – выиграй, отспорь.

Минуты через три меня пригласили назад, и пари стартовало. Решение авторитетного жюри было следующее:

– Ты делаешь свой компас и следишь, как Онцифер это повторяет. Я гляжу за тобой, как бы не словчил чего. Все могу взять в руки и пощупать, спросить все, что понадобится. По твоей команде Онцифер пытается найти север, ты держишься на сажень в стороне. Потом втроем глядим, вы каждый высказываете свое мнение. Можете поспорить, пообсуждать. Затем я оглашаю свое решение. И все! Дальше, чтобы никаких раздоров и дразг не было. Выигравший получает все.

Я тут же отсыпал денег, Онцифер отколол от куска маг-

нитного железняка, привезенного с Урала, половинку, размером с кулак взрослого человека, Федосий достал еще одну деревянную миску, и работа закипела.

Разделся до пояса. Иголки прижали на минутку к магниту. Я их изначально взял две. Железная намагнитится легко, а разные виды стали похуже и подольше. А на рынке их было не отличить. Поэтому взял у двух разных купцов – с какой-нибудь, да угадаю. После намагничивания проверил, обе к немагнитной железке липли отлично.

Занялись плотиками для иголок. Нужно было добиться легкого вращения допотопных стрелок в сторону севера, а для этого опустить иголку в воду. Для того, чтобы они легко вращались в воздухе, требовались насадки на ось, для которых шли более сложные технические решения.

Чтобы игла не тонула, ее нужно было положить на что-то плавучее – в школе 20 века брали для этой цели кусочек пенопласта. Выстругали две тонкие и легкие осиновые подложки, привязали к ним иголки. Налили в миски воду, опустили в нее изделия. Старт! Начались испытания.

Я отошел. Больше всего боялся – не осият игопочки крутить деревяшки, слабоваты окажутся. Но когда увидел, как Онцифер на пару с Федосием пытаются сбить работу двух первых русских компасов – крутят тарелки, переносят их с места на место, понял – получилось! Подошел. Концы иголок упрямо и одинаково показывали север.

На прощание Онцифер поинтересовался, все ли компасы

такие, или есть варианты половчей? Рассказал о привычном изделии.

– Я сделаю! – стал горячиться умелец, – махом сделаю, знаю как!

– Сделаешь быстро и качественно, тут же куплю. Мы через пять дней уходим, а потом мне эта штука ни к чему.

– Четырнадцать рублей дашь?

Кузнец, видимо, привык уже считать эту сумму своей и видел возможности ее удачного вложения, но не знал, что через сотни лет историки напишут: «Компас в Европе появился в 12 веке...». В общем, флаг тебе в руки!

– Конечно дам. Андрей и Василий знают где я живу.

А через три дня Вася привел ко мне Онцифера с привычным вариантом компаса – стрелкой, насаженной на шпильку. Придется добавлять в монографии: «..., а на Руси с конца 11 века»!

Глава 4

Вскоре легко, даже не слезая с лошадей, переправились через маленькую речушку – перекаты не подвели. Емеля аж поленился снимать лапти, авось не промокнут, и с привычной легкостью перенес протоиерея с берега на берег.

Скоро доедем до широкой Полы, позевывая после трудной ночи, думал я, объедем ее слева, и карлики останутся за бортом. Да и что это за мифические существа?

Это Европу они изрыли кругом, везде проложили многокилометровые подземные тоннели, которые обнаружили

только в 21 веке, а у нас вроде в этом плане тихо. Или я опять чего-то не знаю?

Есть воспоминания о маленьких чучхе, они же чудь белоглазая, которые живут внутри Уральских гор, записанные со слов очевидцев в конце 19 – начале 20 веков. Правда, писал об этом Павел Петрович Бажов, автор «Малахитовой шкатулки», а судя по этой знаменитой книге на Урале не протолкнуться от всяких мифических существ – бродит хозяйка Медной горы, бороздит Великий Полоз, весело скачет Серебряное Копытце.

Никаких официальных подтверждений существования маленького народа, найденных тоннелей нет. Кроме промелькнувших в прессе 90-х годов сообщений о кыштымском карлике, откопанном из-под земли психически ненормальной старушкой, – ничего.

И история донельзя странная! Несколько человек видели найденыша живым. Потом он умер. После изъятия сотрудником милиции трупа существа были сделаны фотографии и видеосъемка, его осматривали судмедэксперт, патологоанатом и гинеколог. Вывод однозначный – это не человек. Потом приезжают уфологи и увозят останки с собой. Трупик, длиной 25 см, исчезает. Как, когда, и при каких обстоятельствах, нет никаких данных.

История получает огласку. Ей начинает заниматься японская телекомпания «TV Asahi», и предлагает 200000 долларов за труп «пришельца». В те годы за такую сумму можно

было купить Царь-Пушку с Царь-Колоколом в придачу.

Никто, в нашей нищей тогда стране, не заинтересовывается. Убить за тысячу баксов – это пожалуйста, быки в бандитских бригадах скучают без дела, а найти маленький трупик, желающих почему-то не нашлось. Сумасшедшую старушку, перед встречей с японскими репортерами, неожиданно сбивают аж две машины. В общем, концов не сыщешь. Между прочим, Челябинская область, где находится Кыштым, это ведь Южный Урал.

А здесь, возле Новгорода, местность совершенно не гористая, кругом леса да болота. Чего тут накопаешь? Сложи вместе три пальца, в фигуру под названием кукиш, и получишь исчерпывающую информацию о сокровищах здешних недр. Пески, глина да торф – этого копай сколько влезет. Приличному рудознатцу тут делать нечего. Ничего интересного за последнюю тысячу лет не обнаружили.

Так что, скорее всего, местные лесные люди просто невысоки ростом – такие новгородские пигмеи. Те по тропическому лесу лазят, на слонов охотятся, эти по нашей северной дубраве кабана валят. Но лучше, конечно, обойти...

До Пола ехали еще часа три. Дважды наталкивались на болота, приходилось объезжать. Раз въехали в такую глухую чащобу, что еле из нее выбрались. Наконец под копытами лошадей появилась более или менее свободная дорога.

Олег рассказывал Богуславу о крахе своей семейной жизни.

– Женка моя, Агриппиной звать, ошалела последнее время окончательно – не может со мной жить, и все тут! Уж так и эдак бился с ней – бесполезно. Замучался объяснять, что опасности от меня больше никакой нет даже и в полнолуние. В кровать с собой вместе не допускает, не хочу, говорит, уродов да выродков рожать. Давно бы ушла, но без моих денег с оравой деток не прокормишься. Детишек науськала, те по углам от меня прячутся, боятся, плачут.

– Дети малые, что ли? Ты уж, вроде, мужик-то в годах.

– Тридцать семь лет недавно стукнуло. Агриппина моя вторая жена. Первая в родах умерла. Помаялся один, да и женился второй раз на бесприданнице. Семь лет прожили, дети еще маленькие, чего они там понимают! Сказал Титу, чтобы половину моей получки получал у Забавы, да этой дурище на деток отдавал, и ушел с вами в поход.

– Как говорил умнейший человек Горазд Сосипатрыч, никогда не доверяйся бабам, обязательно обманут, – задумчиво сказал Богуслав. – Верить можно только друзьям, показавшим себя в деле. Пустой болтовне и обещаниям женщин веры никакой не давай.

– А кто этот Горазд?

– Мой отец, царство ему небесное.

Мы все трое дружно перекрестились. Да будет земля пухом достойному человеку!

А сколько мы уж вместе крутимся, я и не знал, что боярин Гораздович – никто его при мне так не называл.

– Тебе теперь поумней женщину надо поискать.

– Ну их всех к шуту! – энергично отмахнулся Олег, – один теперь проживу.

Да, нам теперь не до нежных чувств, вернемся ли из похода, неведомо.

Замелькала в промежутках между деревьями река. Пола была, конечно, поуже Волхова, но тоже внушала уважение – с наскоку не перескочишь. Впрочем, наши планы были иными, и мы повернули лошадей на юг.

Ехали минут тридцать, река направление не меняла.

– В наши расчеты, похоже, закралась какая-то ошибка, – заметил я, – либо это вовсе и не Пола, и нас несет невесть куда.

– Да и я об этом же думаю! – рявкнул Богуслав, – Пола в Ильмень-озеро должна впадать, а мы его давно сзади оставили – на востоке. А эту речушку упорно течение на север тащит. Мы –то по ней на юг скачем, вроде бы и неплохо, да вдруг все-таки врет компас, и мы премся черте-куда? А солнца второй день нету.

– Бывает и компасы врут, – согласился я, – вдруг по какой магнитной аномалии идем, бывает такое и без всякой железной руды под ногами.

Неожиданно кони встали – перед нами появилось существо ростиком с полметра, одетое в темно-серый плащ с капюшоном, полностью скрывающим лицо, зазвучал негромкий голос со странными модуляциями. Тональности сменя-

ли друг друга так быстро, что нельзя было понять, кто это говорит – мужчина или женщина, взрослый или ребенок.

– Нужно поговорить. Мне вреден солнечный свет, зайдите к нам. Собака проводит, – и явление исчезло.

– Эт-то еще что за хрень! – зарычал боярин, – откуда взялось?

– Дык и солнца-то нету, тучи кругом, чего бояться? – ошарашенно спросил Олег.

– Дык, дык, дать в кадык! – продолжил Гораздович в привычной для себя манере общения, – что за гадость еще навязалась?! И куда это к ней переться, на дерево что ли лезть?

Я последовательно ответил на вопросы.

– Солнечный свет ослабляется, проходя через тучи, делается, конечно, гораздо слабее, но все-таки действует, совсем не исчезает. Странное существо, по-видимому, гном, или, как говорят на Руси Великой, карлик. На них солнце действует губительно, поэтому эти существа и селятся под землей. А сейчас нас, похоже, приглашают посетить подземелье, по деревьям лазать незачем.

– Ни в жизнь не поползу в их поганую дыру! – зароптал боярин, – с детства всяких погребов да пещер боюсь! Рухнет потолок, прихлопнет, как муху!

– А я до поросячьего визга высоты боюсь, и что? Если очень надо, скамандуешь себе, и карабкаешься куда приказано! А выбора у нас нет – он, как колдун, мощнее нас обоих.

– Это еще поглядеть надо! – не поверил Богуслав.

– А ты проверь – лошадок с места стронь.

Пока этот знатный и опытный лошажник проверял свои навыки, я тоже попытал счастья в понукании коня: подергал вперед поводья, одновременно дергая вперед тазом и поясницей, давал шенкеля, изрядно нажимая жеребцу на бока – все было бесполезно. Обычно веселый Викинг понуро перетапывался на месте, шумно фыркал, вздыхал и не трогался с места. Часто поворачивал ко мне свою красивую ахалтекинскую голову и тихонько ржал, как бы говоря:

– Эх, хозяин, я бы рад, да что-то ноги не идут... Уж извини...

Его укороченный черный хвост, которым он обычно гордо размахивал, молодецки задирая его вверх, обессиленно висел.

Я спрыгнул с седла, попытался повести коня за собой в поводу – не пошел. Мое поражение было полным. Ладно, хватит коника нервировать. Подошел, обнял боевого товарища за шею, и негромко ему сказал:

– Не горюй, браток, всяко бывает. Иногда приходится и уступать. В другой раз верх возьмем. Главное, ты не трус, в бою громадного змея не испугался. А против колдовства ничего поделать нельзя.

Викинг весело заржал, хвост взметнулся вверх, как знамя. Будет и на нашей улице праздник!

А у Богуслава кипел прямо бой какой-то! Он, уже тоже спешившись, пытался тащить коня за повод, орал на него

нечеловеческим голосом:

– Н-но! Иди, волчья ты сыть! Воронья пожива! Я тебя, травяной мешок, собакам на корм порублю! – и хлестал при этом бедолагу плетью.

Несчастный Боец дико ржал, задирая голову, вставал на дыбы, пытаясь вырваться из узды и унести прочь, опережая ветер, но колдовские оковы держали его крепко.

А боярин в гневе был страшен, и свирепел все больше и больше.

С этим древнерусским озверением пора было кончать, не люблю, когда мучают животных. Хотелось крикнуть:

– Перестань! Сломаешь силу духа коня! Боевые этого не терпят! – или жалостно: – ему же больно! – но слова тут не помогут, действовать надо иначе.

Я зашел сзади злюки-всадника, подал себе команду, будящую во мне богатыря, – Во! – и обхватил Богуслава, сжимая кольцо крепких рук с силой громадного удава. Не ждущий нападения со спины, и не готовый к внезапному нападению силы такой мощности, Гораздыч аж захрипел. Я немедленно ослабил стальную хватку, дал раздышаться умнице-боярину, который сам же потом и будет жалеть верного друга и соратника, своего коня.

Ва! Излишняя сейчас для меня и оставшаяся практически не востребованной сила, впитывалась в неведомые пока человечеству хранилища внутренних резервов организма. А в своем обычном состоянии, я здоровяка боярина и двух се-

кунд бы не удержал. Отшвырнул бы он меня, как котенка, и продолжил зверства над безвинной животиной.

Богуслав потихоньку возвращался к своему обычному состоянию психики, усиленно и торопливо дыша.

– Да, ну и мощь я тебе в подарок выдал, – раздышался наконец боярин. – А с чего это меня так злоба накрыла?

– Вас, знатных, не поймешь, не угадаешь. Может, у Вельяминовых так принято, засечь коня перед обедом?

– А у вас, Мишиничей, одни шуточки на уме! Дело то серьезное. Видимо, гном так подействовал, от врага он подослан.

– Проще ему было бы с конями и Марфой не возиться, а просто нам с тобой сердца остановить. По-моему, он бы справился.

– Хм. Может быть, – задумчиво протянул Богуслав, – очень силен.

Марфушка, благополучно переждавшая разборки с конями в сторонке (большого ума девушка!), подошла, села, и глядя мне в глаза, пролаяла:

– Гав гав, гав гав.

Толмач в моем мозгу услужливо перевел:

– Пора идти, карлик ждет.

Да, с ее высотой в холке, гном показался мелковат.

Постой-ка, у меня же все способности кроме памяти были заблокированы! Со мной кто-то очень мощный тоже поработал – снял прячущее и закрывающее волхвовские возмож-

ности заклинания. Ладно, пошли выясняться у чуждого нам эксперта.

Коней оставили на попечение ватаги, велели, пока нас нет, обедать и отдыхать, и ушли вслед за Марфой, как за надежнейшим проводником польских туристических групп Иваном Сусаниным. Куда ты ведешь нас Сусанин-герой? Идите вы нафиг, я сам тут впервой!

Брели по каким-то буеракам минут десять, перелезая через поваленные деревья и с большим трудом пробиваясь сквозь валежник и бурелом.

Среднеазиатка проникала через все препятствия с такой необычайной легкостью, будто сказочный Серый Волк, стряхнувший с себя осточертевшего Ивана Царевича. Бедолага Волчок связался с этим подозрительным Ваней, по блатной кликухе Младший, всего лишь из-за сытного обеда кониной, и был вынужден воровать Жар Птицу, Коня Златогривого, Елену Прекрасную, а все это тянет лет на десять строгого режима. На криминальной разборке из-за передела приватизированного имущества – птиц, лошадей и девушек, был вынужден ликвидировать главарей бандформирований – Старшего и Среднего – а это уже в пожизненное заключение может вылиться. Не раз, наверное, думал: эх, лучше бы я в тот день поголодал или в лесу кого-нибудь, не имеющего такой авторитетной крыши, как у Ивана, которого опекает сам Царь, съел!

Что-то меня сегодня на какие-то глупые шуточки про-

шибло. Кто-то или что-то опять действует.

Интересно, на родине предков Марфы, основоположников породы волкодавов, в Киргизии, лес-то хоть растет какой-нибудь?

– Чары этот карла на нее навел что ли? – недоумевал боярин, – как по родной сторонке плывет! Где он сам-то тут пролез?

– Да гном, скорей всего, к нам и не лазил – уж больно быстро появлялся и исчезал. Фантом вместо себя, похоже, прислал.

– Это еще как?

– Морок наслал, привидение на себя похожее.

– Там бы с нами и говорил, а то премся тут по чащобе! Да еще в дыру какую-нибудь вонючую залезать придется! Мне дура-нянька в детстве вечно на ночь страшные истории о подземельях рассказывала, где упыри гнездятся, которые ночью к непослушным мальчикам приходят. Батя раз случайно услышал, три дня няньку порол – еле жива осталась, и матушке оплеух надавал.

– Вы кого тут, козы поганые, растите?! – орал на весь терем, – ему всего четыре года! Не дай бог трусом вырастет, поубиваю обоих дурищ!

Всех баб от меня отстранил, и приставил к своему единственному наследнику пожилого дядьку Савватия из своей дружины. Дядя Савва вырастил меня так, что я, кроме подземелий, ничего не боюсь. И умом отлично понимаю, что все

это ерунда и выдумки, что упырей уж лет сто, как всех извели, – а боюсь просто неистово, аж до трясучки, и ничего с этим поделать не могу! С голоду сдохну, а в погреб за едой не полезу.

У меня младенцев мужеска пола всего двое нарожалось, так я нянек сразу предупредил, что не дай бог, чего-нибудь ребенку похожее брякнут, выдумают каких-нибудь люлюк или бабаек, засеку точно насмерть. Я им не добренький Горазд Сосипатрыч! От плетей уцелеют твари, лично башку мечом снесу. В четыре года к обоим мальчишкам приставил по дядьке, теток отставил. А то эти овцы, им только воли дай, запугают малышей, чтоб самим поспокойней и послаще ночью в две дырочки посапывать. А тебя кем в детстве пугали?

– У нас это не принято было, – отмахнулся я. – А там, на берегу, карлик поговорил бы с нами, да очень, видно расход сил велик на каждую секунду времени.

– Это может быть, – согласился Богуслав. – Мы, волхвы, ни черные, ни белые, так делать не умеем. Сменить свой облик только ведьмы могут, наводят морок. А послать свой образ на расстояние – этого никто не может, я о таком даже и не слыхивал.

Марфа поджидала нас возле могучего дуба. Не знаю, сколько там в нем обхватов, но баобаб был первейший. Стоял он почему-то не в дубраве из товарищей-погодков, окружали его осины, клены и березы. Дубище был какой-то исконный, наш, древнерусский. Всплыло в голове пушкинское:

Златая цепь на дубе том:

И днем и ночью кот ученый

Все ходит по цепи кругом.

Цепь, видать, гномы утащили в свой где-то близенько выкопанный схрон, и работяга кот под шумок куда-то усвистал, а так один в один. Котяра, небось, мотивировал свое решение, противоречащее каноническому стиху классика, попростому: некому, мол, тут песни заводить, да сказки говорить, и подался в более людное место.

И не дай бог в Новгород! Поет, небось, не хуже меня, похабных баек наверняка знает не меньше, а если по ходу наловчится и плясать на какой-нибудь позолоченной цепке, конкуренция меня просто подкосит.

Все вокруг дерева поросло густым кустарником.

Живенько гляделась молодая дубовая поросль, явно выросшая из желудей патриарха. На юношестве, кроме желтых и красных листьев, еще виднелись и зеленые. Под дубками явно, кроме земли, ничего не было, иначе лист либо бы не вырос, либо висел коричневый и мертвый. Эти деревца всю жили. Непохоже, чтобы тут подземный карликанский бункер базировался. Да и никаких признаков лаза под землю не наблюдалось.

Хотя вон, на высоте двух человеческих ростов зияет здоровенное дупло, в которое при нужде может протиснуться взрослый мужчина. А там, наверное, по дубу вниз уйдешь. Так вот ты какая, дверь в город гномов!

Богуслав тоже глядел на отверстие.

– И как мы туда попадем? – спросил он, – как белки по стволу вверх взлетим?

Судьба белки-летяги тоже не казалась боярину заманивающей, но значительно превосходила в его глазах вариант ныряния в преисподнюю.

Вдруг алабаиха гавкнула как-то особенно звонко, и здоровенный кусок земли вместе с кустами и деревцами отъехал в сторону, открыв изрядный лаз. О как! Хорошо хоть весь дуб не убежал!

Марфа заструилась вниз по невысоким ступенькам, я подался за ней. Какой-нибудь сыростью, затхлостью и не пахло, холодом, как в погребе не охватывало.

Почуяв неладное, обернулся. Богуслав стоял бледный, глаза закатывались, ноги подкашивались, руки бессильно повисли вдоль туловища. Эк тебя разобрало!

Вспомнились рассказы сильно испугавшихся женщин:

– Как вынул он нож, меня прямо оторопь взяла – ни крикнуть, ни позвать на помощь не могу, руки-ноги не шевелятся. Куда там бежать или защищаться! Пусть берет, что хочет, со мной делает, что хочет!

Мой страх высоты перед этим ужасом, вроде легкого дуновения ветерка перед смерчем. Такого я никогда не испытывал! Всегда готов обороняться, наступать, бегать и прыгать.

– Ты, Володь, как-нибудь там один продержись...

Ну уж дудки! Как миленький ты у меня полезешь! Я спустился немного вниз, обернулся.

– Слава, ты только погляди, что там делается! – и показал вниз рукой, – как они пляшут!

Боярин на подкашивающихся ногах приблизился. Когда до меня оставалось еще метра два, начал заглядывать в лаз.

Далеко его хватать нельзя, успеет раскинуть руки, вклинится в дыре, намучаешься с ним потом, плюнешь и один уйдешь. Скоро и мы станцуем.

– Еще шажок, Слав! Всю карусель пропустишь!

Полтора метра.

– А этот, маленький, колесом пошел!

Метр.

Бог даст, успею. Пляшем!

И понеслось. Во! Пришла сила, ускорились реакции. Молнией вылетел из лаза, ухватил железной ручищей, полной богатырской силы, боярина за ворот кафтана, и уволок в подземелье. Выглядело это, наверное, также, как лягушка, ловящая муху языком – мелькнуло что-то и нет насекомого.

Махом стащил его вниз по лестнице. Богуслав, окруженный мрачными сводами подземелья, сомлел окончательно. А я уже быстро-быстро волок его вглубь с бешеной скоростью. Время остатков силы, используемой сегодня уже второй раз, стремительно истекало.

Подхватить боярина на ручки мешала метровая высота перехода. Тут и пигмей со своим ростом 120-140 сантимет-

ров, набил бы шишек на почерневшей от солнечного света головушке, и мне приходилось бежать согнувшись. Кончится сила, я этого кабана здорового не уволеку.

Тревожно бренькнул колокольчик в ухе: Дзынь! Всего десять секунд осталось! Пролаяла Марфа, – сюда! – и ткнула длинным носом в циновку, закрывающую какой-то проем.

Я метнулся туда. Открылась небольшая комнатка. Гном стоял в центре. Закинул Богуслава на скамейку. Успел! Ва...

Сила ушла вся, никакой не осталось – ни простой, ни богатырской. Тоже упал на компактную скамеечку, начал озираться.

Комната была невелика, типа спальни в хрущевке, потолок очень низкий. По стенам, на уровне моего живота, были врезаны лампы, дающие ровный и неяркий желтый свет – примерно такая же люминесценция исходит от светлячков. На интенсивно белое свечение гнилушек это было непохоже.

Перевел глаза на карлика, уже скинувшего плащик. Это был не человек! Любой наш карлик, лилипут или пигмей, в основном отличается от среднего и стандартного меня, только ростом. У карликов еще великовата голова и коротковаты ноги, лилипуты вообще один в один, правда мелковаты ростом, но они мои генетические братья. Болезненные, силой не блещут, так ведь родственников не выбирают.

Это же существо было абсолютно чуждым, и ни в каком, даже очень дальнем родстве, с человеком не состояло. Полметра ростом, коричнево-зеленый индивидум неотрывно

глядел на меня абсолютно белыми, без зрачков и радужек глазами. Вспомнилось старинное русское название: чудь белоглазая. Ладно нету радужки, это о людях говорят – синеглазый, кареглазый, этот пусть будет белоглазый или безглазый – начхать, но как он видит без зрачка?!

Все пропорции были нечеловеческие. Невероятно большая голова вызывала ассоциации с месячным младенцем. Громадные глаза напоминали рисунки, изображающие инопланетян, а уж поразбавить бы цвет кожи с темно-зеленого до средне-зеленого, и милости прошу, пожалуйста в летающую тарелку.

Правда, строение черепа имело какие-то странные особенности. Казалось, что на голову нахлобучен древнерусский шлем – прототип революционной буденовки. Усиливало это ощущение полное отсутствие волос на «шеломе» и выраженный в центре лобной части грубоватый шов, идущий от глаз и до макушки. Приглядевшись к переливам цветности, я понял – это кожа, а под ней залегает сращение толстых костевых пластин.

Вместо носа стояла какая-то малюсенькая ерундовинка, челюсти были к ней подтянуты и тоже незначительны. Здоровенная белая бородища, набившая оскомину в кино, мультиках, картинках, похоже у этого красавца и не пыталась вылезать никогда.

Длинные руки доходили до середины голеней. Прямо девичья засуха! На белом танце влет бы уходил.

Одеждой служила рубаха до пола без всяких украшений и изысков. Отсутствовал даже пояс.

Наконец гном завозился, подал голос.

– Я все увидел. Поговорим.

Богуслав шумно вздохнул – оклемывается бедолага.

– Чтобы твой друг тоже был в силе и смог участвовать в нашей беседе, давай его вылечим.

– Давай, – охотно согласился я, а сам заглянул, как там у боярина в мозгах положение.

Положение было хуже, чем плачевное – раздрой с нарушением связей между структурами психики был налицо. Да, это я, пожалуй, сдурковал, что повлек его сюда – сидел бы боярин наверху, да тихонько себе боялся. Недооценил степень опасности. Придется Богуслава дня три теперь лечить, а то и дольше, – связей порушено немало. Что ж, и на старуху бывает проруха.

– Представь его в полной силе.

– Да я к нему в мозги и не лазил сроду!

– Это неважно. Вспомни хотя бы изменения внешнего вида при какой-нибудь яркой эмоции.

– Это можно.

Тут же всплыло, как гнев на слуг менял лицо боярина-дворецкого, с какой перекошенной физиономией он наводил ужас на челядь, и как все это выглядело в минуты полного удовлетворения. Как изменял хохот внешность дяди Славы, как...

– Достаточно. Начинаю лечить, приводить мышление в порядок. Меня Ыгх зовут, если решишь что-нибудь сказать или спросить о чем, иначе не называй. А то ведь вы, люди, надавали нам в разных странах разных имен. Мы у вас и нижние альвы, и дверги, и цверги, дворфы, трепястоки, брауни, нибелунги, кобольды, лепреконы, дуэнде, стрелинги. В самых первых ваших государствах, Финикии и Египте, несколько тысяч лет назад, нас звали патейками. На Руси сейчас кличут краснолюдами, людками, чудью, копарями. Каждый народ имеет свое, особенное слово.

А мы по всему миру расселились гораздо раньше людей. Нет на свете такой земли, где бы нас не было. Мы тоже разные: лесные, горные, северные, песчаные, но язык у нас один, и одни и те же вещи называем одинаково.

– А как же название гномы, – удивленно спросил я, – оно, вроде, для всех ваших видов одно?

– Нет сейчас такого названия. Ты же из далекого будущего?

Я кивнул. Сильные кудесники видят это легко, отпираться бесполезно.

– Придумают, видимо, это в нашем будущем, а в вашем прошлом. Пока даже ничего похожего нету.

– Но может ты и не знаешь? Выдумали где-нибудь в Швейцарии, пока до тебя эта новость дойдет, пройдут долгие годы. У нас туда никто не ездит, от них я тоже никого не видал...

Ыгх поднял правую руку, останавливая не в меру разго-

рчавшегося собеседника. О господи, какие же у него когтищи! Может правильно Богуслав оценивал уровень опасности от подземелий и населяющих их вампиров? А копарь беседует со мной для пущего нагуливания аппетита? И чувство голода у него стремительно нарастает... А нас звали в гости, чтобы Богуславом пообедать, мной поужинать, а уж Марфа на полдник пойдет?

– Чтобы узнать новости, нам не нужно встречаться друг с другом. Каждую неделю мы общаемся в пространстве мысленно.

– А почему ты не такой, как у нас, в 21 веке, вас описывают и рисуют на картинках?

– Уточни, что ты имеешь в виду.

– Ты слишком маленького роста, нету большой белой бороды, одет как-то не так, здоровенный топор за пояс не заткнут, да и пояса-то никакого нет.

– Ваши художники рисуют наших горных братьев, а мы лесные, и выглядим совершенно иначе. Да и образ жизни у нас сильно отличается. Мы зовем себя антеки, они себя штрелинги – очень похоже на стрелингов у викингов. Они бродят днем, и солнечный свет для штрелингов хоть и неприятен, но безопасен. Для нас он смертелен, поэтому мы выходим только ночью.

Штрелинги много общаются с людьми, делают им оружие на заказ, активно торгуют своими поделками. Мы же стараемся ни в какие контакты с вами не вступать, обходимся да-

рами леса.

Горные воинственны, в конце прошлого века ввязались в большую войну с Эриком Рыжим на Шпицбергене, понесли очень большие потери. Они рассказывают, что он им кричал: я вам устрою полный рагнарек! Выжившие сидят тихо, ни в какие свары не ввязываются, мирно торгуют.

Штрелинги очень сильны физически, хорошие горнорудные мастера, очень любят золото. Вот они волосаты и бородаты, причем даже и женщины. Очень слабы в магии.

У антеков волосы не растут вовсе, с людьми нам делить нечего, чародеев у нашего народа много. Правда, очень сильных, вроде меня, мало – на наше поселение я один такой.

– А зачем вы запугали сельчан?

– Они рассказали месяц назад проезжавшим мимо купцам о нас и наврали, что мы очень агрессивны. Те слетали в Русу, привели большую дружину. Я мог бы и купцов, и воинов легко перебить, но потом придут большие ваши волхвы, начнется страшная война между нами и людьми. Мы не штрелинги, нам это не нужно. Недельку пересидели в тоннелях не высовываясь, переждали. А когда и проезжие, и дружинники ушли, стали пугать ваших землепашцев. Я навел на них морок, что их осадило грозное и многочисленное племя карликов-штрелингов, вооруженное до зубов: большие топоры, грозные палицы, убийственные сулицы. Мне помогал весь наш народ. Деревенские три дня, и днем, и ночью боялись высунуться из своих домушек. Вылез только один наглец,

скотину хотел покормить. Я сымитировал ему удар по боку дубинкой. Больше смельчаков не оказалось. Селяне уж и не чаяли остаться в живых. Собаки воют, коровы мычат, овцы блеют, бабы и дети плачут. Через трое суток они все, включая стариков и детишек, поклялись на своих иконах, что никогда и никому про нас больше ни словечка не скажут, и мы сняли осаду.

– Поубивать бы вас за такие дела, – мрачно сказал Богуслав, – вырезать бы всех в ваших поганых пещерах.

– Нас хотели убить еще дружинники, и абсолютно ни за что: мы никого не убивали, не грабили, не насиловали и не продавали в рабство. Антеки не едят мяса, мы не отбирали ваших охотничьих угодий. Мы не пашем, не сеем, просто собираем дары леса – ягоды, грибы, орехи, всяческие коренья. Нам нечего с вами делить. Но люди не могут терпеть возле себя хоть и разумных, но иных. Извели драконов, затем великанов, перебили все непохожие на себя близкородственные народы.

Видимо и питекантропы, и неандертальцы, и синантропы, и австралопитеки так и покинули этот мир, подумалось мне. Снежные люди, точнее жалкие остатки их племен, усиленно прячутся в труднодоступных горах и лесах от известного гуманиста всех времен и народов – человека разумного, которого уместнее было бы звать человек жестокий, человек не ведающий жалости, человек убийственный. Извели и массу своих племен – бесследно исчезли сарматы, гунны, скифы,

печенег, хазары и еще много-много других народов. Есть страны, где до сих пор охотятся на не уступающих нам в разуме дельфинов. И эти страны находятся не в вечно голодающей Африке, это богатейшие Дания и Япония. Убивать, убивать, убивать – вот три основных принципа существования человечества. И все поражаемся: а почему это инопланетяне не идут с нами на контакт, не несут в клюве свои изобретения: методику путешествий между звездами, принципы изготовления супероружия и прочее, прочее, прочее. Так жить-то хочется! А у нас излюбленные книги и фильмы про звездные войны между человечеством и инопланетянами. Нужно быть голимым инопланетным идиотом, чтобы выпустить людей с Земли, и они занялись в космосе тремя своими любимыми делами – убивать, убивать и убивать. А там, на удаленных от нас на безопасное расстояние звездах, почему-то таких дураков не находится. И нет контакта, хоть ты тресни!

– И наша раса прячется от людей все глубже и глубже, старается никаких дел с вами не вести – продолжил Ыыгх. – Потихоньку исчезли с вашего горизонта песчаные и северные, лесные почти уже не показываются, горные подсовываются к людям все меньше и меньше. Скоро мы останемся только в ваших сказках, легендах да стародавних былинах, и поэтому уцелеем. Через сто лет в этой запуганной нами сегодня деревне, об антеках никто и не вспомнит.

– А зачем мы тебе сегодня понадобились? – спросил дя-

дя Слава, – ехали себе мирно, ни в какие ваши разборки не ввязывались.

В его глазах появился привычный блеск, вся пришибленность страхом исчезла, похоже, сила духа вернулась. Славно подлечил лесной гном!

– Вы едете отводить от Земли очень большой камень. В этом вашей команде надо помочь. Последствия столкновения, даже для нас, будут ужасны – могут обвалиться наши залы, пещеры, переходы, – погибнет слишком много антеков, а мы и так немногочисленны; поляжет и будет гореть лес. Запасов еды у нас на три года хватит, а дальше? Помощи ждать неоткуда. А против вашей ватаги готовится выступить черный волхв Невзор – кудесник большой силы. Ночью я бы его осилил, а днем мы, антеки, не бойцы. Вряд ли темный будет ждать захода солнца. Постараюсь вам помочь отсюда.

– А что ты можешь сделать из своего схрона? Посочувствовать, когда нас будут убивать? – презрительно усмехнулся боярин.

– Для начала я уже снял твой страх перед подземельями.

– Да ладно, – не поверил Богуслав, – пробовал очень сильный волхв, не тебе чета, ничего не получилось.

– Пройдись до выхода, проверь.

– А я тут у вас дорогу найду?

– Собака проводит.

Я тоже, на всякий случай, пошел: вдруг сомлеет по дороге. Отодвинули полог, вышли. Марфа побежала впереди без

всяких команд. Вначале Богуслав шел бойко, но перед лазом взялся притормаживать, озираться. Вот и началось! – подумалось мне. Перед лестницей встал, покрутил головой. Затем зарычал:

– Какого черта! – и молнией взлетел наверх.

Ну пойду огляжусь, как он там чудит, подумалось мне, – то ли убежал, то ли опять от ужаса сомлел. Поднялся.

Дядя Слава вдыхал осенние запахи полной грудью и, похоже, ничего не боялся.

– Слышь, Вов, а страха-то нет совсем.

– Это ты на волю вылез, вот оно и полегчало, – скептически заметил я, – поглядеть надо, как себя поведешь, когда под землю лезть придется.

– Проверим, – согласился Богуслав, и без тени сомнений нырнул вниз.

Во как! Ловко налечил гномик! Мы отправились назад.

– А чего ж ты останавливался, головой крутил? – поинтересовался я.

– Сомневался, не накроет ли опять ужас. Только этого и опасался. А так, здесь или наверху, какая разница? Похоже, отделался я от этой доуки!

Вернувшись, стали беседовать дальше.

– А зачем ты во мне такую лютую злобу вызвал? – спросил Ыгха боярин, – я ж коня чуть не убил.

– Мне хотелось вам силы добавить. А перед этим надо было поглядеть, на чем она у вас основана. У тебя на одной

злобе, у него (кивок на меня) слишком много добра и веселья. Усилишь вас, один поубивает всех кругом, другой будет хохотать, как дурачок и всех кругом жалеть. Пусть уж лучше будет все, как есть. Лучшее – враг хорошего, как вы, люди, это говорите. Что смог – сделал: каждый из вас теперь будет чувствовать смертельный удар, нанесенный другому и сможет попытаться прийти на помощь. Реально подлечить, конечно, сможет один Владимир (у любого из вас я вижу имя) – в нем способность к лечению – главное качество. Его я и усилил: раньше ты мог ускорить сращивание и изменение тканей организма в несколько раз, теперь это будут десятки и сотни раз. Теперь сможешь лечить и себя самого не хуже чем других.

– А мне это качество зачем? – надулся боярин – все равно неловок и бестолков.

– Владимир легко сможет качнуть с тебя при нужде часть твоей силы. Можешь просто помочь – подай, принеси. В каждого из вас я заложил лишние полчаса жизни при смертельном ранении – может быть они и окажутся решающими.

– Невзор нас в последнем бою сразу убьет!

– Это как получится. Вы можете и победить, но со страшными ранами.

– А зачем ты мои способности раскрыл? – спросил я, – отодвинет ведь теперь меня вражина от схватки, сразу отсечет. Не успею ни из арбалета стрельнуть, ни нож метнуть.

– Ваши с Наиной волхвовские умения я прикрыл завесой

невидимости, так что колдуйте сколько влезет, останетесь врагами незамеченными. А вот Богуслава закрыть не осиливаю – слишком он крупен для меня. Это как небольшой плащ – маленьких укутаешь, а большой все равно вылезать будет. Вам обоим добавил выносливости, дорога предстоит не близкая. Еще посчитал нужным омолодить Богуслава. Процесс уже пошел, за месяц-другой сбросишь лет десять-пятнадцать. Владимир будет лечить гораздо лучше и быстрее. Теперь легко вырастишь новые хрусталики в глазах у старых людей, выправишь быстро мозги у сумасшедших. Если уцелеете в неравном бою, увидите, что мои подарки останутся с вами на всю жизнь.

Собаку я усилил и сделал нашим связующим звеном. Она врага теперь за три версты учует, неожиданно темный кудесник не навалится. Опять же в дороге, покажет мне своими глазами то, что считает нужным, а я через нее, если нужно, дам вам совет. Марфа всегда покажет ближайший брод на любой реке, легко будет ориентироваться на местности и вести вас, заранее обходя болота, очень глубокие овраги и расщелины, непролазные чащобы.

В вашем бою с Невзором, помочь не смогу, далеко слишком, а вот морок для других черных волхвов наведу. Если убьете его, и они это заметят, враз кинут на вас новые силы, и в этот раз их будет против вас гораздо больше. А морок будет как живой, и ответит то, что надо, на расстоянии не поймут. У очень сильных волхвов, и черных, и белых, связь между

собой от дальности не зависит. Без помех будете заниматься дальше основным делом, враги мешать больше не будут.

Где найти нужных дельфинов, подскажу, а вот человека за морем не определю – не сумею. Как столкнуться с морскими обитателями для меня тоже загадка – вживую их никогда не видел, а на расстоянии никак не пойму, о чем они там свистят и цокают. Так что нелегко вам будет и без вмешательства темных кудесников.

И, на прощанье, хочу вам посоветовать: не надо слишком торопиться. Одновременно вышло двенадцать групп, и, если вы чересчур вырветесь вперед, вас встретят с особенной заботой и увеличенным числом встречающих. Если придете последними, навалятся всей толпой. Лучше быть в вторых или третьих. Я вижу, как идут все ватаги, через Марфу могу сообщить. А теперь прощайте.

Мы вышли, вдохнули запах прели.

– Вот так сходили, – захохотал Богуслав, – вызнали о себе: я буйный зверина, ты дурашливый скоморох, и больше для спасения мира из Новгорода послать некого! Хорошо, что омоложусь. А молодой я, не только баб приласкаю, но и кучу девок перепорчу!

Глава 5

Путь Новгород – Смоленск изобиловал реками и речушками. Марфа, проведя нас по приличной дороге, выходила точно к броду и коротко взлаивала. Я переводил:

– Здесь переезжаем, не слезаем с коней, – или

– Емеля! Раздевайся, тебе тут по грудь будет.

Ошибок или промашек не было. Емельян первые три речки сторожился, перебирался крадучись, боясь ухнуть в омут с головой, но, уверившись в надежности сведений от верной проводницы, уже уверенно спускал протоиерея на землю и сбрасывал одежонку.

Куда там смотрит в этот момент Наина – любитесь невиданными красотами богатырского тела или пялится как обычно в кусты, никого не интересовало. Вот когда раздеваться пришлось самой прорицательнице, тут уж Ваня проконтролировал отсутствие зрительского интереса лично – тема была для него животрепещущей. Даже служителю церкви, он, смущаясь, предложил:

– Ты бы, святой отец, того, отвернулся что ли... и Николай, не вступая в схоластические споры, типа: да мне на голых женщин сан глядеть не позволяет, стал любоваться лесом.

Мы с Богуславом сразу отвернулись от девичьих прелестей и продолжили беседу о нюансах воздухоплавания. Боярин доказывал мне, что воздушный шар мы можем построить и сейчас, и быть кумовьями королю: черные нас с земли не достанут, лететь будем быстро и по прямой, можем махом преодолеть и Черное море, а я нудно растолковывал ему, что без руля и двигателя наше изделие утащит черте куда совершенно не попутным ветром, воздух в нем слишком быстро остынет, и мы брякнемся со всего маху об землю. Вдобавок

шар мы можем изготовить только небольшой, а орду народу с конями, это чудо древнерусского воздухоплавания не потянет. Ударная сила Невзора может вверх стукнет еще сильнее, чем по горизонтали, и, если чудом не пришибет нас, аэростат развалит обязательно.

Наина в плавании не подкачала – выросла на Днепре и форсировала неведомую реку, о которой собака пролаяла, что брод в пятидесяти верстах ниже по течению, со скоростью мастера спорта по плаванию в момент. Когда она уже грелась и сушилось у костерка, раскинутого Емелей, укрытая Ванькиной епанчой, переправу начали и мы.

Просохли у большого костра, Богуслав дослушал лекцию о паровых, бензиновых, дизельных, керосиновых и даже атомных двигателях, всяких клапанах для спуска излишнего давления, форсунках и прочего, мое заключение, что, когда мы все это изобретем и опробуем, Земля уже начнет восстанавливаться после страшного удара метеорита, и сделал свой закономерный вывод о моей технической неловкости. А счастье было так близко...

Теперь мы не торопились – давали лошадям передохнуть, вдумчиво и не торопясь обедали, варили кулеш из купленной в очередном селе крупы и пеммикана, отдыхали после еды. Сами пару раз ели у землепашцев солянку, которую те звали селянкой с курицей и грибами, безо всяких более поздних выдумок: томата, каперсов и всяческих оливок. Размялись разок щами с говядиной. Все было удивительно вкус-

но. Богатырь жрал в три раза больше остальных мужиков, доказывая, что у более мощных двигателей расход топлива всегда очень велик.

Ежедневно связывались через Марфу с Ыыгхом и уточняли свое место в ралли Новгород – Черное море. Постоянно было приемлемое второе-третье.

Пару раз останавливались на ночлег в селах, но в основном спали в лесу. Города не попадались, да может их в 11 веке по этой дороге и не было. Все было тихо и мирно, к нам никто не привязывался. В поселках я на ночлег вместе с Богуславом и Олегом не умащивался – хватило мне одной ночки, проведенной с древнерусским маньяком, натерпелся.

Через десять дней появился Смоленск. Большой город стоял с нашей стороны Днепра. Поменьше, конечно, второй столицы Руси – Великого Новгорода, но тоже впечатлял сиянием куполов церквей, количеством населения, шумом рынков. Вот Днепр, который здесь называли Славутич, разочаровал и вызвал желание изменить гоголевские строки из «Страшной мести» на более близкий к истине вариант:

Редкая птица НЕ долетит до середины Днепра, – в основном, курица.

Ширина реки здесь была всего-то метров сто, и то в дождливый осенний период. С величавой красавицей Волгой и не сравнить. Вдобавок, здесь Славутич был бурным, как горная речушка. Да, несолидный какой-то древнерусский поток.

Смоленск стоял на семи холмах. Детинец и все храмы бы-

ли еще деревянные. Народ был одет так же пестро, как и в Новгороде. Настилы по улицам не наблюдались, было грязно. Впрочем, на Руси всегда так. Город был значительной вехой на пути «из варяг в греки», кишели иноземные купцы.

Мы остановились на приличном постоялом дворе с харчевней. Поставили в конюшню лошадей, расположились по парам в комнатах. Я обосновался вместе с Николаем в надежде на совместное посещение церквей и вечерние богословские беседы, Богуслав с Олегом – пусть вместе куролесят по ночам, Наина с Иваном продолжили привыкание к семейной жизни, Емельку пристроили к Матвею – будет кем покомандовать бывшему атаману ушкуйников, словом, все были при деле.

В это время наша команда возглавила гонку, и мы решили не рисковать – пусть аутсайдеры подтянутся, а для этого отдохнуть в Смоленске пару дней. Кормили прилично, в комнатах было чистенько, клопы не донимали – чего бы не пожить. Марфа была при мне, протоиерей не роптал.

Богуслав потихоньку молодец: разглаживались морщины, улучшался цвет лица, понемногу изменялись черты лица. Бабенку нашел себе через два часа после того, как мы появились на постоялом дворе. Женщина была приятная на лицо и в манерах, голосок заманивающий, словом, этакий цирлих-манирлих, с деревенскими простушками и не сравнить. Лет тридцать – тридцать пять, среднего роста, приятной полноты – все как надо. Вдова. Муж умер от неведомой болезни

год назад.

Олег только завистливо вздыхал – он, вроде бы и помоложе, и холостой в данный момент, а боярин и не скрывал, что женат и многодетен, но выбрали все равно Богуслава. Звали ее Василиса, второе имя Мавра. Ну, пусть дядя Слава позабавится.

Удивила реакция протоиерея на эту связь.

– Гнать эту вонючку прочь надобно, – хмуро заметил Николай, – вся сердцевина у нее гнилая. Знаешь, как имя Мавра с греческого языка переводится? – Я не знал. – Темная, черная. Неужели вонь не чуешь?

Не чуяли мы все – я, Богуслав, Иван, Матвей, даже Олег, с чутьем, как у волка. Неожиданно подняла хай и Наина.

– Она же ведьма! У нее имя выдуманное, внешность – морок, сквозь который вы, мужики, увидеть ничего не в состоянии! Она может быть и жуткой старухой, а вам невесть что покажет. Не верьте ей ни в чем! Вся ее сила идет от злого Чернобога, а не от Макоши, как у меня. Это бог холода, смерти, зла и безумия. Какую-то гадость она затевает! Остерегаться ее надо.

– Но Богуслав же достаточно сильный волхв, чтобы разгадать любую угрозу, – попробовал возразить я, – а он молчит.

– Из мужчин это могут увидеть только наши равнины, ну, может быть кто-то из ваших попов.

– Протоиерей очень похоже высказался, порекомендовал гнать бабешку в три шеи. Он еще какой-то тяжелый дух, иду-

щий от Василисы чувствует.

– Есть и в вашей церкви большая сила! Не зря к ней народ тянется. Если нам со святым отцом не веришь, попробуй завтра затащить ведьму в церковь. Сдохнет, а не пойдет! Эти твари только на Лысую Гору летают охотно, а в Божий храм под страхом смерти не заходишь.

Мы беседовали у нас в комнате. Протоиерей куда-то вышел. Ванька был, как обычно, возле любимой, и сейчас переводил взгляд с меня на Наину, не зная, на чью сторону встать – при нас обоих он числился подчиненным. Вроде я глава похода, но волхвица половчей меня в колдовстве.

– И не могут эти твари прикоснуться к главным символам наших обеих вер: христианскому кресту и иудейской Звезде Давида – корежит гадин. Она же, поди, представляется православной?

– Вроде да.

– Вроде в огороде! Потребуй, чтоб показала. Если вынет из-за ворота крестик, значит я ошиблась, и глаза мои врут, а коли нет – взашей немедленно, пока не напакостила чего!

Я задумался. Насчет Звезды Давида никаких знаний у меня не было, кроме многочисленных американских фильмов про шерифов с шестиконечной звездой на груди и дверце казенного автомобиля, а христианский крест, особенно подкрепленный истовой верой, это известный оберег от разной нечисти.

Может и на ведьму действует. Хотя бабенка показывать

крестик может и не захотеть по чисто женским заморочкам: шнурок плохонький, или металл не начищен до блеска, пятнами пошел, – кто ее знает!

Правда, минут десять назад Богуслав проводил нас с Олегом из своей комнаты и остался с Василисой наедине под явно надуманным предлогом. Зная его ловкость, можно не сомневаться, что наличие или отсутствие нательного креста в скором времени будет боярином установлено.

Женщина на скромницу тоже не похожа – сама так и липнет, отказу не будет. Решит мужчина потянуть время, она затащит в кровать недрогнувшей рукой, или другой опытной и ловкой частью тела. Поэтому можно не горячиться, надо просто обождать.

Только я открыл рот, чтобы высказать свою глубокую мысль, как почувствовал удар в грудь и тут же накатила боль в сердце. Слава! Он умирает! Боль отошла, а я уже несся по коридору – времени оставались прощальные полчаса, подаренные гномом.

Дверь была заперта. Начал пытаться вышибить ее всем телом вначале один, а затем с подбежавшим Ванюшкой – бесполезно. Дубовые доски двери были крепки, косяки пришиты к бревнам стен на совесть, железная задвижка выкована из качественного металла.

– Отойдите в сторону! – рыкнула Наина, – не мешайтесь! Сейчас открою, – и мы с Иваном уступили место умелой колдунье.

Но она провозилась минут семь-восемь, прежде чем запор уступил. Я уже хотел нестись искать у трактирщика топор, как дверь распахнулась. Ворвались в комнату.

Богуслав сидел на кровати, откинувшись на стену. Он умирал. Грудь слева, живот и порты были обильно залиты кровью, которая толчками вылетала из разреза на рубaxe на уровне сердца. Стилет валялся рядом.

Я тут же свел миокард на ране, кровотечение прекратилось. Победой это назвать было нельзя. Пока мы возились с защелкой на двери, раненый потерял не меньше полутора литров крови. С такой кровопотерей не выживают без переливания крови.

Я идеальный донор – первая, она же нулевая группа крови в сочетании с отрицательным резус-фактором практически подходит любому человеку. Но как ее перелить? Системы для капельницы нет, если вводить струйно – ни шприцов, ни иголок нет.

Пока раздумывал, активно пытался сделать тромб и заткнуть им смертельную дыру – не буду же я держать мышцы сердца пока организм сам осилит. Это не незначительный сосуд, на который хватит пары минут, это четверть часа, а то и больше. За такое время я Богуслава безвозвратно потеряю.

В голове, пока я выдавливал тромбин из тромбоцитов и замешивал на нем эритроциты с лейкоцитами, появилась дикая, но единственная идея.

– Иван, беги и, где хочешь, найди пучок гусиных перьев,

спицу для вязания прямую и бутылку водки. Быстро! Очень быстро!

Ваня улетел, а я продолжил лепить тромб. Получившийся комок был рыхловат, но, главное, достаточен по размеру. Ничего, под моим присмотром постепенно почерствеет. Забил его в дыру, хорошенько укрепил. На все про все ушло минуты три – четыре. Кровотечение было остановлено.

Хорошо, что у этой подлюки ножа пошире не оказалось. Хотя любым другим ножиком нанести удар нужно уметь – ребра будут отклонять острие в ненужные стороны.

Как мне объяснял Матвей, профессиональный убийца с пятилетним стажем при обучении искусству владения оружием, чтобы точно попасть, ударить надо снизу вверх – под ребра слева от грудины. А стилетом не промахнешься и его очень трудно отклонить – очень остро заточенный трехгранник с шириной граней в полсантиметра, годится, чтобы пробить любую кольчугу. И это не шпага – из-за того, что довольно-таки короток (длина лезвия всего сантиметров пятнадцать), сломать его очень трудно.

В общем, как считали в Европе, идеальное оружие для мизерикорда – прощального удара милосердия при добивании соперника в латах. Вот сбил ты врага копьём с коня, а он лежит, гад, веселей прежнего – сейчас подлетит оруженосец с ратниками, поставят его на ноги, и вам еще долго биться между собой. И бабушка надвое сказала, кто одолеет. Мечом и копьём ты толстенные латы не пробьешь – скользнут

вбок и начинай опять биться, на этот раз пешком. А мизерикорд-стилет, направленный в стык доспехов, не отклонится и не промахнется. А есть просто чудесные места, мечта рыцаря – ударил в левую подмышку и стилет пробил сердце, любой глаз тоже подойдет. И рыцарские романисты, захлебываясь ввали какое это милосердие – добить поверженного противника, чтобы не мучился от ран. Правда и лишним пленным добивали тем же мизерикордом. Так что милосердие, скорее всего доставалось тоже победителю – один удар, и нет больше хлопотливой и ненужной возни – нет человека, нет проблемы, иди рубись дальше.

Вот и к боярину ведьма проявила свое черное милосердие: зачем тебе, Богуславушка брести невесть куда, спать на земле, переправляться через бурные речки? Того и гляди или Невзор больно стукнет, или злой дельфин укусит. Полежишь спокойно в сырой земле Смоленской, и ни забот тебе, ни хлопот.

И ведь не побоялась, что ее кровью обдаст с ног до головы, кинжал из раны выдернула. Сердце от такого шока по любому встанет, а так кровотечения было бы в несколько раз меньше, стилет дыру бы перекрыл.

Мне сейчас было бы гораздо легче без такой массивной кровопотери – депо крови заместило бы ущерб махом, и можно было бы спокойно сращивать эндокард и перикард, закрывая тромб с двух сторон, как капсулой. А тут депо уже почти весь резерв выкачали, организм отсек от потребления

печень и почки, а жизнь Славы держится только на колдовстве карлика – в сосудах по-прежнему пустовато. По моим расчетам оставалось всего минут пятнадцать – двадцать до безвременной кончины друга.

Прибежали Иван с Матвеем, принесли все требуемое. Я окинул глазом обстановку и начал командовать.

– Ребята, кладите Богуслава на правый бок, лицом ко мне. Подтаскивайте вторую кровать вплотную к этой.

Пока они, уложив боярина, двинулись за кушеткой Олега, я укладывал руку раненого поудобнее для переливания крови. Топчан поставили рядом с кроватью боярина. Вот теперь места хватит для нас обоих.

Выбрал два самых длинных пера, одно потолще, другое потоньше, заточил оба с одной стороны, обрезал другой конец, счистил всю пушистость, прочистил пористую внутренность стержня от ненужных перегородок спицей. Изделие стало похоже на привычную толстую иголку для внутривенных вливаний, насаженную на полую трубку от системы. Можно работать.

Нужен был помощник, не боящийся вида крови. Тут раздумий не было. Ушкуйник кровь не переливал – он ее обильно проливал. За пять лет должен бы привыкнуть не только к виду, но даже и к запаху. Шведов, немцев, болгар, черемисов, мордвы, половцев, а иной раз и русских, порубал немеряно. По сравнению с его производственным опытом, вся моя возня покажется бойцу мелочью. Бывший атаман,

по прозвищу Смелый, не подкачает, в обмороки валиться не станет. На всякий случай спросил:

– Матвей, сможешь кровь перелить?

Глупых сомнений и колебаний не было.

– Враз! Кого притащить? Одного хватит, или двоих тащить?

Вот это номер! Он не считает зазорным притащить любого и откачать у него крови. Понадобиться – можно и больше народа доставить на пункт переливания. Так и хочется в ответ крикнуть:

– Таскать тебе не перетаскать! Пол Смоленска в дело пойдет! Обескровим русский город!

Вместо этого хмуро буркнул, раздеваясь по пояс:

– Только моя кровушка хорошо Богуславу пойдет, чужая добить может – не каждую брать можно.

– А чего ж делать то надо?

– Сейчас начну и по ходу тебе растолкую, где мне помощь нужна.

Искать тряпки и щипать из них корпию времени просто не было, ваты тут сроду и не водилось, поэтому действовал по-простому: набулькал в стакан водки, окунул туда заточенные концы перьев, втянул ртом через эти доморощенные соломинки напиток, резко его выдул наружу.

Срезал у Богуслава правый рукав рубахи, намазал ему и себе локтевые сгибы той же радостью алкоголика – вот вам и вся асептика, и антисептика.

Уколол его правую срединную локтевую вену более толстым пером. Артериальное давление у умирающего было на нулях, кровь в самодельную иголку не пошла. Меня это не смутило. Я и сквозь кожу хорошо видел – в вену попал, а значит моя кровяшка дорогу найдет. Лег на поставленную впри-тык кушетку и проколол ту же вену у себя, только на левой руке. Вот тут-то кровь поперла струей. Свел наши руки, чтобы лежали рядом, позвал Матвея:

– Матвей, помогай! Не торопись, потихоньку, воткни мое перо в его. Потише, потише, вот хорошо. а то мне одной рукой неудобно. Стык придержидай, чтобы не выскочил.

Начали заливать животворную жидкость раненому товарищу. Посмотрел, как смешивается моя кровь с остатками его. Не сворачивается, вот и славненько, универсальный набор факторов не подвел хозяина. Время надо мной не властно – как был идеальным донором, так им и остался. На всякий случай усилил ток своей крови к Славе. Теперь можно и расслабиться.

Да уж, в народных сказках это все гораздо проще – обрызгал живой водицей, и дело на мази. А тут семь потов с меня сошло, а еще не вечер – вдруг опоздали, и все-таки потеряем знатного бойца и самого сильного среди нас волхва. Не угадаешь.

Через десять минут дядя Слава порозовел, крови уже стало хватать и на печень с почками. Вскоре пришел в себя, начал озираться.

– Ваня, беги придержи боярина, чтобы сесть не пытался, – подал команду я, – Наина, дай нам обоим попить.

– Водки? – спросила пророчица.

– Чур меня! Воду подсоли немного и давай в кружках. Мне в руку дай, а Богуслава попой, сам еще, пожалуй, не удержит.

– Да я возьму! – заверил дядя Слава, приподняв голову.

Наина фыркнула.

– Мало того в крови весь, еще и водой облейся!

Старый боец от пары слов-то устал, уронил голову и прикрыл глаза. Попили, полежали, попереливали. Минус был в том, что количество перелитой крови было не учесть. Безопасным при гемотрансфузии для донора считается количество в пятьсот миллилитров. А то тоже уйду в шок. И для меня трансфузиолога тут нипочем не сыщешь. Придется рискнуть, Богуславу сейчас гораздо хуже, чем отдельным медицинским работникам.

Правда, и для него риск всяких осложнений нарастает. Поэтому в 21 веке стараются переливать кровь только твоей группы, а не от всяких сомнительных идеальных доноров. Ну нам деваться некуда – чем богаты, тем и рады. Поэтому переливали до той поры, когда у меня закружилась голова, стало подташнивать, замелькали темные мушки перед глазами.

Все, пора и честь знать. Попросил подать водку, намочил в ней пальцы правой кисти. Вынул из обеих вен перья, смазал

места пункций алкоголем, согнул руки в локтях.

– Матвей, придержи боярину руку так, сам уронит и разогнет.

Все. Первое в мире переливание в нашей цивилизации (за Атлантиду не скажу) крови завершено. До экспериментов с собачками еще пять сотен лет.

Глава 6

А жизнь пошла дальше. И мне, и Богуславу нужно было восстанавливать кровь. Попросил Наину с Ванюшкой добыть бутылку кагора, заказать на кухне суп с большим количеством мяса, жареную говяжью печень с любой кашей.

Ну что ж, в Смоленске мы, видать, зависли не на шутку – сила махом не вернется. Через полчаса поели, я сидя, Слава пока лежа – его Наина покормила. Дернули по пол стакана полезнейшего для выработки крови кагора.

Отправить ватагу дальше без нас? Погибнут без всякого толка. В общем, куда ни кинь, всюду клин.

Ребята перестелили нам постели, и мы переехали кто-куда: я обосновался возле раненого – ему присмотр и лечение нужно, на мое место подался Емеля, к Матвею пристроили Олега. Положить возле протоиерея оборотня не удалось, святой отец запротестовал вовсю. Ушкуйнику было наплевать с кем спать в кубрике, лишь бы не тревожил во сне. А богатырь к наезднику прикипел всей душой, да и Николай к нему привык.

Марфа, как обычно, была при мне. Невзирая на невидан-

ный ум, ее любовь и преданность к хозяину никуда не делись. Собака – и этим все сказано. А неблагодарное человечество из этого славного имени своего лучшего друга сделало ругательство.

Мы с Богуславом весь вечер валялись на кроватях, стоявших теперь в метре друг от друга, и обсуждали минувшие события. Ткнула его стилетом в сердце, конечно, Василиса-Мавра.

– Как же ты дался? Такой опытный боец, а опростоволошился, как зеленый мальчишка.

– Подольстилась как-то гадина, не ждал от нее этакой паскуды. Да и оружия при этой заразе не приметил. А как взялась целовать да обнимать, вовсе и осторожность, и ум потерял, как токующий глухарь стал – ничего не вижу, ничего не слышу. Подходи и бери голыми руками. Очень ловка. Я таких ловких баб и не видывал сроду.

– Наина говорит, что это была ведьма от Невзора подосланная.

– Вот оно что! Теперь все понятно. А то тоже лежу голову ломаю, как это я так не уследил. А ведьму разве уловишь. И мужиков злые колдуньи гнут, как хотят, не чета они простым бабешкам. Обычной женщине, чтобы такого эффекта добиться, повезти должно, подойти ей надо к твоей душе, как ключу к замку. Без этого строй глазки, не строй, в постели ловчи, не ловчи – мужик холоден останется. А ведьме только нужное заклинание прочесть, и готово – вей из му-

жика веревки.

– Не пойму, зачем эта Василиска стилет из твоей раны выдернула? Прибытка никакого, а кровью обдаст. Будто чуяла, что кровопотерю потом замещать придется и решила пла-тьем пожертвовать. Ладно бы кинжал очень нужен был, так нет, тут его и бросила.

– А ты много мне крови отдал?

– Литр или полтора, учесть трудно было. Я раньше, бы-вало, по пол литра сдавал, гораздо лучше себя, чем сейчас, чувствовал.

– Выходит мы теперь побратимы? Кровные братья?

– Выходит так.

Браток смущенно покашлял и повинился.

– Подлая Василиска сразу умелась. Это я, Володь, ножик выдернул, думал так лучше будет. А потом сознание поте-рял.

– Ну с тебя какой спрос, ты же не врач из 21 века.

– Надо было тебе, Вов, у кого-нибудь другого кровь взять, сейчас бы хоть ты в полной силе красовался. А ты – и голова, и душа похода.

– Так бы и сделал, да побоялся тебя добить.

– Как так? Почему?

Я взялся объяснять про группы крови. До резус-фактора дойти не удалось.

– Хватит, хватит. Кончай свою заумь нести – сил нету слу-шать. Скажи лучше, а почему ты своей крови залить не по-

боялся? Чем она краше?

– Мою кому угодно перелить можно, реакции не будет.

– Это колдовство такое?

– Это задано, как цвет глаз.

Боярин замолчал. Посопел.

– Выходит, ты мне жизнь спас? – спросил каким-то пере-
хваченным, необычным голосом.

– Выходит, – развел руками я.

– Это из-за похода?

– Не поход нас вместе свел, а ранение князя. А потом мы
езде вместе были, от тебя я только добро видел и давно по-
нял, что лучше тебя у меня друга нет. Ты мне Вечерку вместе
с землями и лесопилками устроил, боярином Мишиничем
меня сделал, лучших коней на всю ватагу из жадного князя
выбил, одел как знатного человека, дал силу невиданную и
реакцию сверхбыструю, собаке ума долил. Обычно я всем в
этой жизни помогаю, а чтобы кто-то мне столько раз и со-
вершенно бескорыстно помог, кроме отца и матери, не ви-
дал. Так себя ведут только очень близкие кровные родствен-
ники. Я бы и совсем чужому крови дал, я лекарь с божьей
помощью, что в той жизни, что в этой, но не больше, чем
пол литра – своя жизнь дороже. А тут лил, пока голова не
поехала. Теперь мы точно братья, биться друг за друга будем
на смерть.

– Обнял бы тебя, брат, да подняться сил нету, – просипел
Богуслав.

Я, покачиваясь, встал, кое-как сделал пару шагов и обнял лучшего друга и побратима. Вернулся и опять упал к себе. Полежали молча.

– На склоне лет своих нашел я тебя, братишечка. Всю жизнь, как одинокий волк брожу, бабы не в счет, – взглянул на меня увлажнившимися глазами Слава.

Я смолчал. Сам тоже на исходе дня, большую жизнь, считай, так же одиноко прожил. Женщины менялись, а одиночество со мной не расставалось. А теперь комок стоит в горле – обрел старшего брата, о котором мечтал с детства.

Минут через пять Богуслав поинтересовался нашим состоянием дел.

– И когда мы теперь выйдем?

– Не могу сказать. Даже на приведение меня в норму дня три надобно, а лучше пять. О тебе вообще молчу.

– Да я могу!

– Поднять ногу. И отличиться по-собачьи. А ехать еще рановато.

– Ты вон Мстислава как быстро на ноги поставил, а он весь разодранный был!

– У него даже кишки целы были. Опасность больше от заразы всякой была, что в рану попала. Кишки промыли, рану зашили, нечисть волховской силой прибили. А у тебя мышца сердца проколота с двумя оболочками, и пока их не зарастим, о походе можно и не мечтать – риск больно велик.

– С тобой не поспоришь, ты лекарь видный. Выходит, тут

будем торчать до морковкина заговенья?

– За морковку не ведаю, но поторчать придется.

– А если нас лежа с тобой повезти?

– На телеге, боюсь, растрясет твое сердчишко.

– Тебя на телеге, а меня на носилках.

Я поразмыслил, опираясь на богатый скоропомощный опыт.

– Народу маловато. Для переноски больного с таким как у тебя весом, на дальнее расстояние на носилках, надо самое меньшее троих человек – в головах гораздо тяжелее чем в ногах, туда двоих придется ставить. А у нас ни протоиерей, ни Наина на это дело не годятся. Если только вперед Емельку поставить, а сзади остальных менять, получится неплохо, но медленно, и мужиков сильно умаем. Далеко отсюда до Киева?

– Пятьсот верст.

– Далековато. Дней семь бы в полной силе добирались, а так будем брести не знаю сколько.

– Народ мучить не будем.

– А как же?

– Между коней меня привяжем.

– Это еще как?

– От головы одной лошади до хвоста идущей сзади привяжем по длинной лесине слева и справа. А между конями подцепим носилки со мной. Каждая лошадка понесет половину моего веса. По два пуда их не отяготит. Периодически

коняшек будем менять.

Задумано, вроде, было и неплохо, но я о таком даже в учебниках не читал.

– А сам ты видел что-нибудь подобное?

– После каждой битвы так раненых дружинников везли, испытанное дело. А ты себе телегу помягче закажи, ты же в них горазд, знаешь, как надо мастерить. За цену не ведись, денег, если что, у твоего тезки Мономаха добудем – после Киева нам Переславль, где он сейчас княжит, по ходу будет. А в силу войдешь, груз на коляску с Зорьки свалим.

Однако, подумал я, главная голова у похода больше не моя. Есть другая – и поумней, и поопытней... Под эти мысли позаращивал еще рану, дернули еще по сто грамм полезнейшего церковного красного винишка, заели только что изготовившейся говяжьей печенкой.

– Богуслав, давай-ка ты теперь у нас атаманом будешь, – предложил я другу. – Ты все-таки опытней меня гораздо в этих походных делах, сколько лет дружины, как воевода водил.

– А вот это уж совсем ни к чему, – решительно отверг мою идею Богуслав, – коней на переправе не меняют. Ты у нас признанный лидер, наше знамя, наш стяг, наша хоругвь, народ за тобой уверенно идет. Они все тебя давно знают, видели, как ты из нищеты в богатые люди вырвался чисто своим умом и удачей. У тебя все получается, за что бы ты не взялся. А без веры боевой дух враз упадет, потащит людишек в

разные стороны. А я для них звук пустой. В деле они меня не видали, прежняя ратная слава тут не выручит – противник у нас невиданный, здесь подход совсем иной требуется. А ты как раз славишься необычными подходами и нестандартными решениями. И удача тебе всегда сопутствует. А без нее мы такого страшного врага не одолеем. У меня этого нет, я больше умением беру. А для такой битвы ни у кого из нас умения нет. Давно уж не бились черные с белыми, не одна сотня лет минула. Все опасаются – и мы, и они. Поэтому Невзор ко мне ведьму и подослал. Хочет заранее самого сильного бойца из схватки убрать, а потом уж с оставшимися спокойно разобраться.

– Выходит он и к нам с Наиной убийц может отправить?

– Вас он не видит, Ыыгх вашу силу от чужого вражеского взора укрывает. Да и я ее видеть перестал. Но уж очень вы маленькие!

– Какие уж есть! Чем богаты, тем и рады. Уж не взыщите.

– Да были бы вы побольше, вас прикрыть тоже бы не удалось. Кинули бы против нас все резервы. Поэтому уж с чем идем, с тем и идем. А ты сиди руководи и не рыпайся. Заменить тебя нечем. Как это в Библии про таких, как ты сказано: вы соль земли, и если соль потеряет свою силу, чем сделаешь ее соленою? Так что соли, и ничего не бойся. С тобой во главе, Бог даст и одолеем воеводу, и спасем народы от апокалипсиса!

– Ох, твоими бы устами да мед пить!

– Оклемаемся, и на водке перетопчемся. Ты пока, как Марфа настраивайся.

– Это еще как?

– Я пока из нее умницу делал, в мыслях волкодавских порылся. Там как – увидел врага больше себя, испытываешь подъем в душе и радость: такого здоровенного я еще не душила!

Закончив обсуждение этой темы, я еще позаращивал раны Богуславу, после чего уснули.

Утром возле нас собрались все участники похода.

– Пойдем, наверное, уже завтра, – оповестил я народ. – Богуслава на носилках привяжем между двух наших коней – Бойца и Викинга, пусть несут. Мне Олег сделает узкую телегу, желательно на ремнях, для мягкости хода, в нее впряжем Зорьку и Вихря. Оборотень пусть пока в зверином облике побегает.

– А чего все Олег да Олег, – недовольно заметил Иван, – давайте я коляской займусь.

– Тебе нельзя.

– Это почему еще? Чем он таким краше?

– Олег один пойдет, он мужик взрослый и рассудительный. А за тобой Наина увяжется.

– Я-то вам чем не угодила? – обиженно поджала губки предсказательница. – Неопытна аль не рассудительна?

– Ты у нас умница-разумница, и опыта на троих мужиков хватит. Сноровкой и хваткой Господь тоже не обделил.

– А за что тогда гонения?

– Из-за непорядочности наших мастеров. Они, как женщину увидят, подсунут весь хлам, что у них в наличии, сделают обязательно дрянь и при этом три шкуры сдерут. Борьба с этим бесполезно и долго. Бабу они оценивают, как существо низшего порядка, бестолковое и не способное ничего понять. А у нас всего один день, волынить и брать дрянь просто некогда. А Олег у нас дипломат известный и умелый, промашки не сделает. Вы пока с Наиной закупите провиант в дорогу и людям, и коням.

Олег, теперь к тебе. Заказывай коляску поуже обычной. Хороших дорог на Руси очень мало, вечно по каким-то тропам крадемся. И договорись, чтобы повесили основу, на которой я буду лежать, на крепкие ремни, чтоб не очень трясло. Хорошо сделать навес, чтобы дождь меня и вещи не мочил. Обычно, как дело касается чего-нибудь нового, мастера сходу встают в тупик. Поэтому лучше поискать ребят помоложе, они гибче тех, кто в возрасте, податливее как-то. Стоить это должно рублей пятнадцать-двадцать самое большее. Кто попросит больше, разворачивайся и уходи, ищи других умельцев. Если сделают сегодня к вечеру или завтра к утру, можешь заплатить вдвое больше, не обедняем. Обязательно проверь, как сделали, нет ли дефектов – нам в дороге чиниться и доделывать будет некогда. Принимать изделие идите втроем: ты, Матвей и Емеля. Везти вас берите Вихря. Брякайтесь в люльку все втроем, и проедьтесь кружок по кочкам

вокруг рынка. А там видно будет. скрипеть будет сильно или вихляться – не берите. Не дай бог, оборвется какой-нибудь ремень, пусть заменяют все на более прочные.

– И морды еще набить за такой ударный труд, – дополнил Матвей.

– Вот и идите заказывать сразу втроем. Там эту тему перед мастерами творчески и разовьете. Чтобы они понимали, с кем имеют дело, подцепите каждый к поясу саблю.

– А у меня ничего нету, – огорченно заметил Емельян.

– Да и я не разжился, – подытожил Олег.

– Возьмете мою и Богуславову, но чтобы оба были во всей красе. И ведите себя этак по разбойному, в стиле «ворованное – пакуй». Емелька пусть у Матвея спросит: атаман, а награбленное все залезет? Олег на него зашипит: молчи, дурак! Как столкуетесь и аванс дадите, хорошо спросить: а если плохо сделают? – ответить – сделаем как обычно, и большим пальцем по горлу себе чиркнуть. Потом быстро уходите, пока деньги не вернули. Будут пытаться догнать, сделайте зверские рожи и скажите: уговор дороже денег! Думаю, сделают хорошо.

Иван, пожалуйста, выгуляй по ходу Марфу, возьми ее для порядка на поводок. Она тебя хорошо знает, привыкла уже. Пойдешь с ним, Марфуш? – Собака кивнула. – Вот и славненько. По ходу купите жерди-лесины или длинный брус, чтобы боярина везти.

– А какой длины?

– Прикиньте сами: две длины лошади, рост Богуслава, ну и прибросьте немного для верности.

На том и порешили. Народ разошелся, а я опять увлекся лечебным процессом. По ходу Слава одобрял мою манеру руководства.

– Все по-доброму решил, не рычал, не страшал, всем все объяснил, любо-дорого было послушать. Я так сроду не умел, не дал Бог такого таланта.

Русская тройка ввалилась с рынка через час, искренне веселясь. Полились задорные истории о беседах с мастерами. Чувствуя себя в привычной, почти ушкуйной среде, Матвей радовался от души. Перефразируя известную шуточку брежневской поры об образовании: выпускник воровского института, факультет карманной тяги, ближе к нашим реалиям, рассказ слушателя грабительского университета, факультета разбойников и убийц Олега, звучал так.

– Как спросили у атамана, а с этими что делать будем, если напортачат? – он даже пальцами по горлу водить не стал. Цыкнул зубом и по-доброму ответил: да как обычно, кожу обдерем и все дела. А этот здоровяк Емелька в этот момент взялся рукава засучивать. Как у мастеров рожи-то перекосило! Будто уксусу выпили.

– Да мне просто жарко стало!

– На сколько столковались?

– Решили за пятнадцать, обещались к вечеру исполнить – отдадим тридцать. Обманут, уж не взыщите – обдерем, как

и договаривались!

И общий хохот в заключение.

– Чего с жердями для Богуслава?

– Там Ванька торгуется.

– А как он их с рынка поперет?

– На Наину погрузит, она опытная и жилистая! Га-га-га!

– Емельян, Олег, бегом за жердями! А то на месяц без полочки оставлю!

Ф-ить! – унесся богатырь. Сзади не отставал оборотень.

– Ишь ты, – подивился Матвей, – как ты их! А шли такие гордые – именно нам не поручали, чего мы жилы рвать будем, пусть там Ванька выслуживается. Понеслись, будто кони! А мне же ты ничего сделать не можешь? Лесопилка у меня своя, изба своя, земляца своя, пол речки мои.

– Да я и не пытаюсь на тебя такого гордого воздействовать. К чему тебе помнить, кто все это тебе даром выстроил, у нахального Акинфия отнял, и подарил, чтобы твоя жена, ребенок будущий и отец не нищенствовали. Ты же теперь сам себе хозяин, и слушать никого не намерен. Так что иди отдыхай, нищета сейчас все притащит.

Бывшего атамана аж перекошило.

– Зачем ты так, – глухо спросил он. – Я в гадах никогда не ходил и ходить не собираюсь. Пойду гляну, чего они там и как тащат.

И тоже умелся.

– Ну, это прямо вершина твоего таланта, – оценил, улы-

баясь, побратим.

– Да ну тебя, – отмахнулся я. – Сейчас вот они короткие жерди припрут, а потом твою боярскую личность раза три завтра в грязь уронят, вот тут вместе и посмеемся.

Несмотря на все трудности, на следующий день наш отряд вышел из озаренного усмешкой ведьмы Смоленска. Богуслава несли Боец и Викинг, меня на удобной колясочке везли Зорька и Вихрь, протоиерей покачивался на уютном плече Емели и рассказывал ему правду о сотворении мира, волкодак Олег бежал и весело перегавкивался о чем-то с волкодавухой Марфой – жизнь шла своим чередом. Никакие коварные происки врага остановить нас были не в силах. Правда, смогли сильно обескровить...

Глава 7

Днепр все так же струился и весело блестел на солнце по правую руку от нас, лошади особо не уставали, ребята периодически бежали рядом с конями, но и на третий день после выхода из Смоленска наше со Славой состояние оставляло желать лучшего. Мы хорошо ели в придорожных корчмах, запас кагора у нас не иссякал, но силы практически не восстанавливались.

Я еще мог кое-как добрести, поддерживаемый верным Ванюшкой до ближайшего ельника или орешника и там сходить в туалет, а Богуслава носил Емельян, живое воплощение физической мощи русского народа.

– И как я буду биться? – спрашивал меня Слава потихонь-

ку на привалах, когда мы лежали рядом и чужие уши нас услышать не могли – нельзя было ронять боевой дух ватаги и вызывать пораженческие настроение и уныние, граничащее с паникой, – громко пукать в сторону врага? Не ошеломлю звуком, так хоть запахом, как хорек, отпугну?

Вспомнилось по ходу, как в начале двухтысячных занесло меня в одном райцентре в краеведческий музей. Посетители там были редки, и очаг культуры пустовал. А мы прибыли на фирменном автобусе из дома отдыха толпой, и администрация на радостях выделила нам ласковую даму-экскурсовода, зрелую районную интеллигентку. Ее функциями, кроме ознакомления буйных и нахальных отдыхающих с местными красотами, был еще и надзор чтобы чего-нибудь исторически важного не сперли, а, главное, не разгромили единственный в городке музей старинного быта здешнего края.

Покуда нам демонстрировали всякие пряслица, веретенца, липовые корытца, деревянные ложки и кружки, осколки и черепки каких-то горшков, наглые и молодые пришельцы-экскурсанты чахли от тоски и скуки прямо на глазах. И вдруг нас вывели в малюсенький зальчик, где была представлена фауна здешнего бора.

Разнообразием животное царство местного леса не блистало: зачуханный заяц, ободранная лиса, размером с него же, никому не ведомая облезлая землеройка. Не было ни страшного волка, ни могучего двухметрового медведя, вставшего на дыбы, ни красавицы-рыси, ну в общем ничего

интересного и поражающего просвещенный и пресыщенный избытком информации взор современного человека.

И вдруг утомленные провинциальными изысками областные отдыхающие заметили притулившегося в уголке любимого героя американских мультиков и фильмов, на которых это поколение взрастили пьяный президент и его вороватые советники.

– Скунс! – вырвалось разом из десятка глоток ровесников перестройки.

Опытная экскурсоводша, видимо, сталкивалась с этим заблуждением молодежи не в первый раз и, совершенно не удивившись невежеству посетителей, взялась неторопливо объяснять, что скунс – зверь заокеанский и у нас не водится, а это животное наших лесов – хорек, небольшой лесной хищник, иногда наносящий ущерб и приусадебному хозяйству охотой на курочек и петушков прямо в курятнике по ночам. Хорек и скунс оба из семейства куньих, и практически близнецы-братья, только у нашего отсутствует яркая белая полоса на спине. Даже и реакция на опасность у них одинаковая – выделить из особых желез резко пахнущее вещество и этим отпугнуть хищника.

– Все ясно, – заявила самая разбитная из наших говоруний деваха, – скунс – американская вонючка, а хорек русская!

Зверька уже и не помнили, и не знали, как он выглядит, никогда не нюхали его изысканного запаха, а выраже-

ние-оскорбление – хорек вонючий, пережило века.

Богуслав продолжал, безжалостно обрывая мои сладкие воспоминания о прошлом, которое для этого времени было далеким будущим.

– Силы-то ведь никакой нету! Ладно ты, один Матвей-уш-куйник пятерых таких бойцов заменит, а ведь меня и близко заменить некем. Вы с Наиной, даже и объединив ваши магические силы, немногого стоите. Мелкие сошки, не в обиду вам будет сказано. Может нам отсидеться в Киеве, восстановить силы?

– Нам все равно надо там побыть – я Наине обещал несколько дней пожить в столице, пока она будет у раввина получать развод с постылым мужем. Заодно и обсудим с тамошними волхвами, нельзя ли нам чем-нибудь и как-нибудь помочь.

– Ничем и никак никто нам не поможет! Это я тебя, как не последний среди кудесников маг заверяю. Нет у нас такой человеческой магии, чтобы большую потерю крови заместить.

– Пусть тогда учитель Добрыни волхв Захарий замену тебе ищет. Я-то и с коляски боем поруковожу.

Богуслав скрипнул зубами.

– Обидно. Столько лет готовился, ждал этого похода, и из-за левой ошибки всего лишился! Жаль, что Марфе ведьму не показал.

– А собака-то чем тут может помочь? – не понял я.

– Вместе с умом я в нее нюх на всякую нечисть и черных колдовских людишек, в том числе и ведьм, заложил, увидит – не ошибется.

– А она Мавру разве не видела?

– Да Олег взялся гнусить: напугает этакая зверюга безухая и бесхвостая добрую женщину, не надо нам тут никаких собак. Повелся тоже оборотень на ее чары, разомлел. Думал небось, хватит тут и одного волчары, нечего всяких средне-азиатских волкодавов в дело впутывать. При Марфе-то и ты всегда в наличии, вдруг не на минутку заглянешь, а присядешь вдали от богатырки-жены с приятной бабенкой сбить хлебать, кто ж тебя знает. А этим создашь ему нешуточную конкуренцию в борьбе за постельные утехы.

А сейчас Марфа нас не только от зверья лесного и лихих людей караулит, но и от леших, водяных и болотных бережет. Черный волхв или ведьма тоже незамеченными не подкрадутся.

Сторожевая Марфа неожиданно внимательно и напряженно стала вслушиваться в ночную темень, поводя головой. Послушал за компанию и я.

Ничего необычного. Заливисто храпит тучный святой отец, ему жиденько вторит двухметровый богатырь, тихонько возятся Ваня и Наина, всхрапывают лошади, взвизгивает периодически оборотень. В общем, у нас в лагере все, как обычно, тихо и спокойно.

– Вон, забеспокоилась собачка, – заметил я, – слышит или

чует какую-то опасность в чаще.

– Не обращай внимания, – отмахнулся Богуслав, – мало ли в спящем лесу неслышимых человеческим ухом звуков – перетаптывается во сне лось, храпит отожравшийся за лето кабан, подкрадывается к какому-нибудь спящему зверьку ночной хищник соболь, всех не перечесть. А сколько ночью шарахается филинов и сов, сычей и сипух? Ого-го! В общем, есть кого ночью послушать чуткому сторожевику.

Какая-то из ночных птиц прямо в тему заухала в ночи.

– А это кто? – спросил я знатока местной фауны.

– А черт их разберет! – ответил знатный краевед.

Мы за день особо не утомились, боярин лежал целый день в люльке, я покачивался в комфортной колясочке, поэтому пока умаянная команда дрыхла без задних ног, беседовали о разных разностях.

– Оставь меня только не в Киеве, а на родине – в Переславле. У меня там жена, дети, усадьба...

– Князем сидит родной сын – Владимир Мономах, – ласково продолжил я.

– Догадался все-таки, пришелец из будущего, – вздохнул Богуслав, – эх, не умерла бы так рано моя Настенька, не женился бы ни в жизнь! А у вас что, пишут о моем участии в развитии рода Рюриковичей?

– О тебе в летописях ничего не пишут, а у Анастасии и имя забыли. Историки ничего узнать не могут, имена крутят самые разные – тут тебе и Анна, и Ирина, и Анастасия, и

еще кто-то, но чаще пишут гречанка или девушка из византийской императорской фамилии. Уверенности в том, что она дочка самого императора, никакой нет. Все запорошила пыль веков.

И, как писал великий русский писатель и поэт Иван Алексеевич Бунин:

Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.

А среди Рюриковичей одни из самых лучших и разумных, это твой сынок Владимир Мономах и внучек Мстислав Великий. Чувствуется действительно знатная кровь боярского рода Вельяминовых.

Полежали молча. Богуслав погордился своей славной кровью, поразбавившую гниловатую кровицу Рюриковичей, у которых частенько князя носили прозвища Окаянный, да Гореславич, а я думал: а вдруг подлетит какая-нибудь черная паскуда?

Вспомнились истории о полетах ведьм на помеле, летающих йогах, средневековом монахе Джузеппе из Копертино, полеты которого видели тысячи людей, среди которых был папа римский Урбан восьмой, повелевший это запротоколировать в церковных записях, кардиналы, адмирал и даже одна принцесса.

Сотни полетов известного своей чрезвычайной тупостью будущего католического святого в храмах и возле них на глазах у многочисленных прихожан, невозможно оспорить. Ко-

нечно, инквизиция потащила его на разборки, и после их пыток он окончательно отупел и даже перестал летать, но от реальности этих полетов не отопрешься рассказами о непреодолимой силе земного тяготения. И очевидно, что за Джузеппе, он же Иосиф, похлопотал кто-то из ватиканского руководства, иначе его, как и остальных летунов той поры, проводили бы в присутствии ликующей толпы на костер.

В православной церкви ни одной такой истории не зарегистрировано и не запротоколировано. Конечно, наши не злые инквизиторы – пытаться будущего святого в подвалах. Пришибли бы быстренько грешника где-нибудь на задворках, и концы в воду. Но все это лично мои языческие измышления, не имеющие под собой никакой реальной основы. Документов-то никаких нету!

– А вот то, что ведьмы летают, это реальные истории или выдумки? – поинтересовался я у Богуслава.

– Конечно реальные, зачем про это придумывать.

– Ну, может чтобы уважали больше...

– Какое уж тут к этим паскудам уважение! Самый негодящий и подлый народ во всем мире! След вынуть, порчу навести, человека сглазить, скот поморить, неурожай вызвать, от них подлостей не перечесать!

Бабам ворожат, помогают им мужиков приваживать. Приворожит несчастного какая-нибудь дурища, он света белого не взвидит, подстилкой перед ней делается, так ей это не весело, она вишь гордого любила, за такого замуж хотела, вот

и начинает его от себя гонять. А мужичок хуже собаки к ней ластится, готов ноги целовать, даже бить себя позволяет.

Ну, натешится эта поганка его унижениями, иногда обрет до нитки, разлучит с настоящей любимой, истинной суженой, а то и уведет из крепкой семьи, от верной жены и деток, оставшихся без него голодными, и выкинет, как износившуюся тряпку. И остается мужик нищий, бессемейный и несчастный один-одинешенек – прежняя то жена обычно назад не принимает. А если примет, еще хуже докука – он по разлучнице день и ночь тоскует. Вот эти присушенные в петлю и лезут. Бывает травятся или топятся, но это гораздо реже.

А если выскочит за него замуж эта гадюка подколодная, так обоим весь белый свет немил. Она уже этого мужчину терпеть не может, изводит его и тиранит, как умеет, даже спать с собой рядом не кладет – ютится он, бедолага, в каких-нибудь холодных сенях, на коврике возле печки или возле кровати своей повелительницы. А чаще его гонят на конюшню, в сарай или на сеновал.

И лечить их очень тяжело – только ведьма, которая эту гадость на человека навела, точно знает, как ее снять. Не дай бог в такую кабалу попасть!

– А как это – след вынуть?

– Страшное, брат, дело. Самая злая порча, какую только выдумать можно. Находит ведьма след, оставленный человеком где угодно – на песке, сырой земле, примятой траве.

Колют этот след иголкой, произносят заклинание, потом аккуратно вынимают, несут домой, суют в дымоход и умеренным жаром сушат. Вот тут-то и настигает человека про-руха: вся жизнь ему делается не мила, берет его злая тоска-печаль, настигает тревога, хотя причин для нее никаких нету. Говорят, что можно и вдавлину от головы на подушке использовать, но сам я с этим не сталкивался, врать не буду. И лечатся такие несчастные люди гораздо хуже обычных сглаженных. Тут наша магия вообще не действует. А не лечить – их эта болезнь быстро изводит, и они в молодые годы безвременно умирают. Удар кинжалом и то человечней – мук меньше. Поэтому знающие старики внимательно следят, как бы ненароком свой след где не оставить, затирают явный оттиск носком обуви.

– И вообще что ль помочь нельзя?

– Как нельзя, все можно. Но для этого вынуженную след колдунью надо поймать и выбить из этой мерзавки, чтобы она эту злую порчу сняла. А потом лучше ее просто убить, чтобы она тебе не мстила, а добрым людям не пакостила.

Просить будет, умолять о пощаде – не слушай, руби сразу башку напрочь, сам целее останешься. Милосердие тут неуместно. А отпустишь – хлебнешь горя полной чашей. Два раза эту змеюку подколодную поймать еще никому не удавалось.

А полеты их на метле я не раз видал. Несется этакая подлюка голышом, только волосенки по ветру выются.

– А почему голышом?

– Да кто ж их знает! Глубокие старухи, правда, одетыми летают, но они обычно в ступе, а метелкой только рулят. То ли в них силы побольше и раздеваться не надо, то ли уже куража такого в душе нет и светить дряблыми телесами и обвисшими да высушенными старостью грудями неохота, пес их знает. Эти ведьмы сплошные загадки.

– А мужчины могут так летать?

– Нет. Многие, даже очень сильные пробовали – ни у кого никогда не получалось. И я как-то пару раз пытался – не идет, хоть тресни. И тайные их заклинания давно выведали, а проку все равно нету.

– А почему так?

– Они женщины, а мы мужчины.

– И что из того?

– Ты можешь рожать?

– Ну, это нет...

– А бабы легко. Им это дано. Они же совсем другие, чем мы. Так же и тут. Им дано летать, а нам нет.

Я задумался. Видимо, дело в половых отличиях и связанных с этим анатомо-физиологических особенностях женщин – выработка особого гормона яичниками или маткой, а то и молочной железой. Может быть дело в особенностях женской психики? – не угадаешь. Этот вопрос не исследовался никогда.

Правда, инквизиция в свое время нашла метод исследо-

вания для определения ведьм: их связанными бросали в воду. Если честно тонет, быстренько вылавливали и отпускали – извините, ошибочка вышла. А коли и не думала тонуть, делалась легче легкого – пройдемте на костер, и никакие отмазки не помогут. Отловлена и изобличена! И вот в состоянии такой же легкости бабенка, видимо, и делается пригодной для полетов.

– А если задумает такая летунья на нас напасть, Марфа ее враз приметит, и ватагу оповестит. Я не в силах, ты тоже вряд ли эту погань одолеешь, да и не знаешь как, так что пусть Наина ее гоняет. А теперь давай спать, припозднились мы нынче что-то, заболтались.

Марфуша подошла и ткнулась холодным носом – явно хотела что-то прогавкать.

– Это срочно? – спросил я ее шепотом, как и велась вся эта ночная беседа.

Марфинька орицательно помотала здоровенной головушкой.

– Залаешь – весь народ перебудишь. Или ты шепотом можешь?

Опять жест отрицания.

– Завтра утром поговорим.

Кивок – да.

– А теперь я спать, и ты тоже отдохни.

У Марфы и подремывание на сторожевые функции не влияло – она была всегда на посту, границу неустанно дер-

жала на замке. С этими мыслями я и уснул.

Глава 8

Утром, еще до завтрака, Марфа оповестила, что антеки предлагают верст на двадцать отклониться от маршрута для поправки здоровья вглубь леса. Там нас встретят местные лесные карлики и займутся нашим лечением. Неожиданно воспротивился Богуслав.

– Чего эти коротышки в человеческом здоровье понимать могут? Мы же абсолютно разные! В прошлый раз, какая от них польза была? Только чуть коней не поубивали! А теперь они нас самих своим лечением уморят. Нельзя им верить.

Его, естественно, поддержал протоиерей Николай и его подголосок Емеля.

– Нечего якшаться со всякими непонятными и чуждыми нам язычниками!

– Да, да, святой отец, и я тоже также думаю!

Только думалка у тебя еще не выросла, дурилка ты богатырская, думалось мне. Но разброда и шатания в команде допускать было нельзя. К чертям ваши гордость и предубеждения против чуждых – я и сам не отсюда, а уж дельфины на вас и вовсе не похожи. А придется со всеми дело иметь, от этого зависит успех нашего предприятия. Можем спорить тут хоть до зари, астероиду на это наплевать. Погубитель нашей цивилизации, а может и убийца всей матушки Земли на подлете. И снисхождения от него не дождешься! Поэтому сопли на кулак наматывать не будем и дискуссии прекратим.

Донес до народа свое авторитарное решение.

– Значит так: я с Марфой иду искать антеков, мне в силу надо входить. Прошу проводить меня Ивана и Наину. Богуслав и протоиерей могут продолжать движение к Киеву. Один из-за слабосильности, другой из-за вредных для нашего дела взглядов из состава участников исключены. Спасибо, что прошлись с нами вместе, с вами было интересно. Может, когда еще и свидимся. Емельян уволен.

– За что? Я в полной силе!

– Пока ты в полной дурости. Мне чужие подпевалы тут не нужны. Ступай в церковь, учись на пономаря, святой отец за тебя походатайствует. А я и без тебя обойдусь.

Игра в капитана пиратского брига закончилась полной капитуляцией бунтовщиков.

Первым крякнул Богуслав.

– Эк ты как! Ну если ты, Володь, так решил, я в любую дыру за тобой полезу, спорить не стану.

Протоиерей отвертелся ловко:

– Да это я так, в виде схоластического диспута говорил. А если считаешь нужным, веди в пещеры, твоя рука владыка, роптать не буду.

Емелька в разговорном жанре в отличие от наставника не блеснул, но свою позицию обозначил четко.

– Я ваше молчать могу! А тебя с боярином в любую дыру легко затащу!

Мнение остального коллектива было единым: вбок, к ан-

текам!

Вспомнились стихи великолепного поэта «серебряного века» Николая Сергеевича Гумилева:

Или, бунт на борту обнаружив,

Из-за пояса рвет пистолет,

Так что сыпется золото с кружев,

С розоватых брабантских манжет.

И пистолеты еще не изобрели, и манжет у меня никаких нету, а эффект получился тоже неплохой.

И мы, презрев географию, решительно отвернули в сторону от маршрута. Через два часа чащоба стала совершенно непролазной для коней и повозок. Сменили тактику. Часть коллектива оставили варить кулеш и отдыхать, а мы двинулись пешком. Марфа показывала направление, в любую щель пролезая как лиса, Ваня прорубал заросли купленным в Смоленске топором, делая просеку для беспрепятственного прохода тяжело груженого Емели, Олег замыкал шествие в образе волкодлака, защищая наш караван от диких животных. На шее богатырь нес меня, на руках боярина.

Стояла ясная солнечная погода, температура воздуха явно была выше двадцати градусов. Климат Руси 11 века был гораздо теплее 20-21 веков. Вдобавок мы с каждым днем продвигались все дальше на юг. У нас в будущем такая погода была бы характерна для начала сентября или бабьева лета.

Через полчаса мы пролезли к гостеприимно распахнутой двери в подземелье. Емеля спустил меня на землю, и я, при

поддержке Ивана, двинулся в мрачную дыру. Следом богатырь понес Богуслава.

Ощущение, что мы сделали круг и вернулись в подземелья недалеко от Новгорода было полным. Отличий не замечалось никаких. Да и комната, куда нас привела Марфа, располагалась точно так же и выглядела один в один с обиталищем Ыыгха.

Поэтому удивления, когда нас встретил такой же, как и он карлик, вдобавок еще и одетый с ним одинаково, не было никакого. Дети подземелья, обитатели ночи, что с них взять. Беседа тоже пошла в знакомом русле.

– Я дам вам новую способность – отличать любую ведьму, невзирая на защитные чары и заклинания для наведения морока, – сообщил голосом с колеблющимися модуляциями антек. – Вдобавок, вы получите возможность подчинить такую женщину своей воле, вплоть до того, что сможете заставить ее даже сражаться за вас со вчерашними черными друзьями.

На это ушло минут десять – пятнадцать. Теперь мы видели истинную сущность ведьмы под любым мороком. Надо было только мысленно пожелать.

А выделить ее из толпы стало вообще легко – вокруг ее обманного или истинного образа колыхалось прозрачное фиолетовое облако. Нам показали картинку, возникшие прямо у нас в мозгу.

Насчет подчинения вражины пришлось поверить на сло-

во. Необходимые заклинания возникали для каждой ведьмы свои при непосредственном контакте – не далее трех метров. Новые установки и задачи было необходимо поставить голо-сом, мысленно получалось не очень.

И, конечно, все эти речи следовало хорошенько продумать, а не кричать на радостях что-то с бухты-барухты – перепрограммирование было делом трудным и хлопотным. Вначале надо было отменить прежнюю установку, а потом забить новую.

Защитив нас от новой угрозы, лесной гном перешел непосредственно к лечению.

– Вначале я прибавлю вам силы, а то оба еле сидите.

Споров не было – сидеть было в самом деле нелегко даже мне, а Богуслава придерживал за плечи Емеля. Судя по лицу боярина, он свой моторесурс на сегодня уже выработал и подумывал опять пристроиться к богатырю на ручки.

Заливание в нас чужой мощи прошло быстро и успешно. Мы оба воспрянули молодыми орлами. Я гордо распрямился, а Слава небрежно смахнул со своих плечей чужие ручки.

– К сожалению, эффект будет не очень длинен – только до вечера.

Мы разочаровано переглянулись – эх, а наивные людишки думали, что это навсегда...

– Для закрепления надо будет выпить настойку на травах – и нам было выдано в руки по пиалушке черной дурнопах-

нущей жидкости.

Я подумал и выпил. Богуслав подумал, еще раз понюхал и зароптал.

– Да откуда вы, чуждые людям существа, можете знать, что нам для здоровья надобно?! Может это для вас лекарство, а для меня голимый яд!

– Мы в этих случаях говорим: недоверчивость – лучшая защита для не знающего, – начал отстаивать свою методику лечения Ыыгх-2.

Меня пробило на улыбку – и мы в будущем говорим похоже, только пообидней: защита для дурака. Но суть дела от этого не меняется.

– Это мы последние сто с небольшим лет стали чужды, – продолжил лесной и подземный житель, – а всего шестьсот лет назад вы назывались анты, а мы антеки. Наши народы долгие годы дружили и торговали между собой. Потом вы стали склавены, потом славяне, затем русы. В конце концов остановились на русичах, русских, а мы так и остались антеками. И все эти годы мы лечили ваш народ и приобрели в этом деле все необходимые знания. Себя-то мы лечим уже несколько тысяч лет – антеки более давняя раса, чем вы.

– А за счет чего наши народы разошлись по разным дорогам? Сейчас-то вы от русских просто прячетесь.

– На Русь пришла новая вера. Ее священники вытеснили волхвов, а наш народ объявили врагами. Встретишь в лесу – убей, святой отец тебя за это богоугодное деяние похвалит.

Все упоминания о нас вымарали из рукописей. Мы остались только в сказках, да народных преданиях. Исчезли антеки с русской земли почти бесследно.

Давайте дальше про лечение, это сейчас нужней. Наша настойка сильно оживит ваши органы кроветворения, потеря крови будет возмещена тебе – кивок в мою сторону – в течение суток, а тебе – Богуславу – двух.

– В костном мозгу? – поинтересовался я.

– Да. В костях таза и трубчатых костях.

– Опухоль это не вызовет?

– При достаточности крови в сосудах, напиток самоликвидируется. Я же говорю: за нами несколько сотен лет изучения вашего организма и лечения.

За нами почти тысяча, подумалось мне, а прошли по нужной дороге недалеко. Богуслав откинул сомнения и тоже выпил неаппетитный напиток.

– Бр-р-р! – выразил он свое мнение о вкусовых качествах чужого пойла.

– Идти далеко, – продолжил антек, – и проводить вас мы не в силах, днем идете. Но считаем ваш поход делом очень важным и постараемся всячески помочь. На всякий случай я усилил ваше умение видеть, что вам лгут и заложил получение основного знания о чем. А мелочи выбьете из лгуна сами.

Ваши враги могут быть очень многочисленны, и вам даже с умением убивать их по пять-десять человек, может быть с

ними не справиться.

– Втроем осилим! – опять встрял Богуслав.

– А если их будет тысяча? Или две?

Боярин захлопнул рот.

– А орды половцев иной раз очень многочисленны. Поэтому вы их теперь сможете разом напугать всех – такое умение в вас тоже заложено.

Теперь по маршруту путешествия. Так как вы идете по реке Борисфен, она же Данаприс, а славяне теперь зовут Славутич, к Эвксинскому Понту, для вас Русскому морю, хотим предложить вам не добираться до города Олешье, который находится в самом устье, то есть возле впадения реки в море. Берег моря там довольно-таки пустынен, и дельфины редки – они любят играть возле человеческих кораблей. У Олешья постоянной торговли с Константинополем нет, а ваши поиски арабского поэта придется начинать оттуда. Чтобы избежать потери времени на поиск дельфинов, а потом на ожидание судна следующего в столицу Византии, предлагаем двигаться через греческие города-государства: Херсонес, он же Херсон, Керкинитидита, Нимфей, Феодосия.

– А Херсон, это не Корсунь? – спросил многоопытный Слава.

– Иной раз и так зовут.

– В нее и пойдем. Она больше всех, вроде главного города византийского подчинения этой стороны Русского моря. Оттуда до Константинополя добраться – раз плюнуть, корабли

каждый день ходят.

– Ты бывал там?

– Нет, но наши купцы ездили часто. Они и рассказывали. Говорили, что любопытной и веселой рыбы там полно – вечно из воды высовывается. Это поди, дельфины и есть. Местные их зовут люди моря, и запрещают на них охотиться.

Тут и мне все стало ясно. Объявил:

– Решено – идем в Корсунь!

Ваня с Емелей не удивились. Все с самого начала знали – далеко идем, через море плывем, с умными рыбами и чужеземными поэтами придется договариваться.

– Тот напиток, что я вам дал, уже ушел вглубь вашего организма, и извлечь его оттуда теперь невозможно – не нужно и стараться, нанесете вред только самим себе.

Произнося эти слова, антек почему-то повернулся к Богу-славу, а у того сделался какой-то подозрительно смущенный вид. Сомнительные поерзывания боярина по лавке уверили меня в мысли, что карлик только что разоблачил коварного злоумышленника. Наверное, Ыыгх-2 просто читает ничем не защищенные незатейливые мысли жителей 11 века.

– Если понадобится помощь, скажите это вашей собаке, она передаст кому следует. Мы живем вдоль всего вашего будущего пути, и при нужде близко оказавшийся Ыыгх-3 окажет новгородской команде посильную поддержку и содействие.

Вот черт, и 21 век тоже с глупыми мыслями залетел!

– Я всей вашей ватаге добавил еще несколько незначительных умений, но на счет этого у нас очень мало данных – у кого они проявятся, у кого нет, но это маловажно.

– Магической силы бы мне добавить, – обиженно прогундел боярин.

– Рады бы помочь, но к сожалению, это не в наших силах. Зато мы лет пятьдесят назад натолкнулись на золотую жилу. Торговли у нас уже давно нет, да и в будущем не предвидится, – антек повернулся ко мне, я кивнул, – поэтому было решено сдать золото на ваши нужды.

– Только на поход? – буркнул Богуслав.

– На усмотрение командира Владимира Мишинича. Нанимать шлюх, – это в Славину сторону, – не рекомендуется.

Он вынул из складок своей одежды небольшой брусок желтого металла и подал его мне худой рукой с очень длинными, явно нечеловеческими когтями.

– Здесь четверть пуда очищенного самородного золота. Чистоту гарантируем – это примерно 98 проба в измерении 21 века.

Пока я вертел увесистый самородок в руках и пересчитывал на привычные меры веса, антек добавил:

– Если перевести это на международную систему единиц будущего, получается примерно четыре килограмма.

Он и в моей памяти роется так же уверенно, как и в мыслях!

– Мы бы рекомендовали вам изготовить херсонские мо-

неты в Киеве, они везде имеют хождение, вплоть и до Константинополя.

– Где уж нам, русскую-то монету последнее время делать перестали, – кинул ложку дегтя боярин.

– Ваше производство временно свернуто, – подтвердил местный Бьгх, – мы тоже не горные гномы, умений в этом деле не имеем, нужным оборудованием не располагаем. Но киевская еврейская община делает это замечательно. Наина подскажет, к кому из родни лучше обратиться.

– Ростовщики и фальшивомонетчики ее родня! – угромыхал Богуслав.

– Не одним ростовщичеством жив человек – иудеи заняты и ювелирным промыслом, и торговлей. Да и для вас, русских, к этому занятию нет никаких препятствий – давайте деньги в рост, да поставьте процент пониже, чем у евреев, народ к вам, русским, своим в доску, валом повалит, а почему-то почти нет желающих заняться этим доходнейшим делом.

– Русскому вообще денег не вернут! – горячо вмешался в обсуждение Ванька.

– Это свои-то? Честнейшие и набожные русские? Что ж так? Неужели русский может обмануть и обобрать своего же? Но они это, наверное, делают по забывчивости? Разве среди киевлян или новгородцев могут быть мошенники и негодяи? Никогда этому не верил! Ах, ах, ах.

Ваня огорченно покивал и тоже недоуменно развел руками – вот ведь как бывает!

– А евреям почему-то отдают – удивительнейшее дело! – завершил удар Ыыгх-2.

У меня в памяти при всем этом балагане внезапно возник кусочек из величайшего романа всех времен и народов Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита» – сцена беседы Воланда с буфетчиком.

Эти гномы просто подземные черти какие-то! И селятся, видимо, к хозяину поближе! Кусок золота неожиданно как-то неприятно оттянул руку. А вдруг даст по головушке...

Я быстро понял в чем дело, и ход моих мыслей кардинально изменился. Да гномы наши лучшие друзья! От массивной кровопотери скоро вылечат, магических способностей добавили, золотом осыпали, что еще нужно для дружбы простому человеку! Брусок ощутимо полегчал. Да, но шапку нужно все– таки начинать носить! Все, молчу, молчу...

После небольшой паузы, во время которой русаки понуро молчали, а гномы (у них же постоянная прямая связь!) видимо хохотали всем подземным царством, наш лепреконт продолжил.

– Монета, вдобавок такая известная, просто удобней в обращении и лучше идет – ее не будут перевешивать и распиливать, как простой кусок золота. Поэтому евреи ее и изготавливают. Обвеса и обмана тут никакого нет. Поэтому разнообразные дяди Соломоны охотно отчеканят родной племяннице херсонские деньги. Но в Киеве об этом лучше не рассказывать.

Серый капюшон повернулся ко мне. Я быстро понял, что нужно делать.

– Нельзя о том, что евреи льют фальшивые деньги распространяться! Всем понятно?

– Конечно, мастер! – Ваня.

– Да понятно, хозяин, я не дурак, болтать где не попадя...
– Емеля.

– Не мальчик, – Богуслав Гораздович.

– Ну что ж, пора нам расставаться. Мне нравятся твои шутки, Володь, особенно про шапку. Отменить ваш поход и убить черного волхва, я, сожалению, не могу, но может быть у тебя есть какое-нибудь и другое, простенькое желание?

– Желание-то есть, да боюсь оно в этом веке неисполнимое.

– Ты говори, говори, вдруг получится. Я у антеков верховный вождь, вроде как у вас великий князь или император, зовусь Антекон Двадцать Пятый. Я еще молод, мне всего триста с небольшим лет, и ваши чувства мне понятны, а многие даже близки. Ты же всю жизнь живешь по принципу: это невозможно? А вот сейчас попробуем! И так как многое после этого удастся, тебя все считают баловнем судьбы. А ты просто никогда ничего не боялся. И был всегда весел. Я нахально прошелся по твоей памяти, извини. У тебя в жизни было все – и радость, и горе, но никогда ты не падал духом, и не пускал все на самотек. Вот и сейчас – давай попробуем, а вдруг опять, на зависть всем и наперекор судьбе, получится?

Безумное желание затопило меня всего, без остатка. Забава!

– Хорошо, сейчас я подведу ее к зеркалу, и вы поговорите. У вас всего пара минут.

Сердце бешено колотилось в грудной клетке. Господи, как же я ее люблю! Вдруг появилось мерцание в воздухе, и, сквозь него, стали проступать стул и кровать в нашей комнате. И тут показалась Забава! Я вскочил, она бросилась ко мне, протянула руки, но наткнулась на что-то жесткое. Любимая усмехнулась и своим необыкновенным голосом сказала:

– Вот и дожилась одна, суженый уже в бреду стал являться... убили, наверное, соколика моего...

– Забавушка, я жив!

Она ахнула и схватилась за лицо руками. Потом протянула их ко мне, и вновь уперлась ладонями в холодное стекло.

– Иди же ко мне, желанный мой! Будь ты хоть трижды морок, я прижмусь к тебе! Жив ты или мертв, я приду к тебе!

У нее потекли слезы. И у меня тоже...

А времени все меньше. А тут слезы глаза застыт. Я не плакал с девяти лет. Возьми себя в руки, старый осел, потом поплачешь! Наплачешься еще вволю, успеешь... Я вытирал пятерней слезы и торопливо рассказывал:

– Забава! Я жив, но очень далеко отсюда, аж возле Киева. У меня все хорошо. Битвы с черными еще не было. Как ты, как животик? Говори скорей, у нас очень мало времени!

– У меня все отлично, – затараторила радость моя, – живот растет, тошнить перестало, очень тебя прошу...

Изображение погасло. Я упал на лавку, перевел дух.

– А связаться еще раз никак нельзя, Ваше Императорское Величество? – жалобно и льстиво попросил я. – Очень хочется узнать, о чем она просит.

– Просит твоя жена ерунду – связаться с ней еще раз после боя с черным кудесником. Ей очень хочется убедиться, что ты остался жив. Но ближайшие дни канал связи с Новгородом останется недоступным.

– А я выживу?

– Этого пока никто не знает. Будущее колеблется. Не выживешь ты – и Земле конец. Почему-то именно на тебя приходится развилка нашего мира. Не цивилизации, нет. Мы бы просто поглубже зарылись в землю и обошлись бы и без вашей цивилизации. Астероид несет разрушение всей Земли на части, ее больше не будет. Черные этого не понимают, думают, пройдет все как в прошлый раз, с Атлантидой 13000 лет назад и станут они опять над людьми властвовать. Ан нет, погибнем все – и хорошие, и плохие. Растений, животных, воздуха, воды – ничего не останется. И только ты можешь это предотвратить. Почему-то на тебе сошелся клином этот свет. Другие даже если и прорвутся, что-нибудь у них пойдет не так: или не столкнутся с дельфинами, или не найдут Омара Хайяма, или всей толпой не сумеют отвести камень, несущий страшное бедствие для нас всех.

– А у меня все получится?

– Никто этого не знает. Но шанс есть только у тебя. Ну и пока вы у меня в гостях, могу сказать, что свободен канал с Францией. Поработает, правда, тоже недолго, но очень уверенно.

Богуслав усмехнулся.

– Кому она нужна эта Франция!

– А ты что, не хотел бы увидеть Анастасию?

Слава схватился за сердце. Глухо сказал:

– Не надо издеваться. Она умерла много лет назад здесь, на Руси. Я ее, голубку мою, вот этими руками в гроб клал.

– Анастасия недавно родилась в новом теле во Франции. Сейчас ей пятнадцать лет, и выглядит она точь-в-точь, как в эти же годы на Руси. Ну не хочешь, не надо, мне заботы меньше.

– Так не бывает!

– Мы с Владимиром думаем иначе.

– Она меня не помнит!

– Память о прежней жизни можно открыть.

– Я уже стар для нее!

– Это ваши дела. Меня не касаются. Давайте прощаться. Напоминаю, что ты уже начал омоложение, и через пару месяцев будешь выглядеть лет на тридцать пять.

– Показывай скорей, – прохрипел Богуслав, разрывая правой рукой рубашку на горле.

Появилось окно, начали кружиться какие-то дома, деревья,

дороги, речка.

– Это поселок Мулен на реке Алье в центре Франции. А вот ваша девушка.

Рыженькая девушка стригла какие-то кусты здоровенными ножницами.

– Включить ей память о прошлой жизни?

– Скорей!

Девчонка бросила ножницы и начала усиленно тереть лоб. Вдруг опустила руки и стала с удивлением осматриваться.

– Готово. Знание русского и греческого языка я ей тоже вернул. Подойди к линзе – она тебя увидит.

Богуслав махом подлетел к магическому окошку, откуда только живость взялась.

– Настенька! Лада моя! Узнаешь? Это я, Славка! Староват, правда, уж стал...

Рыжеволосая симпатичная худенькая девушка подняла на него взрослые бездонные и громадные голубые глаза.

– Как же я тебя не узнаю, любимый ты мой. Ты в моей душе всегда и был, и будешь единственным мужчиной. Я не мыслила и раньше своей жизни без тебя. Возраст твой никакого значения не имеет. Повезет – век коротать до самого конца вместе будем. И поэтому, когда мой муж, Всеволод Ярославич, прознал про тебя, и про то что Володя твой сын, и стал требовать, чтобы мы расстались, я и приняла яд.

– Господи, – с мукой в голосе прошептал Богуслав, – тебе же было в ту пору всего тридцать лет!

– Тридцать один, любимый, почти тридцать два. Я не могу жить без тебя. Я и в этой жизни замучилась без тебя, и только сегодня поняла, чего мне не хватает.

– Ты сейчас где, и кто ты?

– Я Полетта Вердые, живу в маленьком городишке Мулен на речке Алье. Мне пятнадцать лет, я не замужем, и мужчины у меня в этой жизни никогда не было. Но теперь все ночи с тобой я могу вспомнить в мельчайших подробностях, желанный ты мой.

– Немедленно выходи за меня замуж!

– Приезжай, забирай. Привози пятнадцать золотых, и родители отдадут меня безропотно.

– А что это за сумма? – опешил боярин.

– Мои отец и мать сейчас нищета, голь перекатная. Папа, он был неплохим бондарем, и мы жили хорошо, грех жаловаться. Но сильный пожар три месяца назад сжег мастерскую, материалы, закупленные для заказов, инструменты. Отец полез тушить, и пламя повредило ему обе руки. Работать пока не может, да и не с чем – все огонь сожрал. А с заказчиков уже были взяты немалые деньги вперед. Теперь они ходят и требуют или готовые бочки, или вернуть назад их деньги. А у нашей семьи уже и есть нечего стало. Скоро зима, а нас грозят за долги выселить из дома, и отнять его. Чтобы хотя бы отдать долги, надо раздать одиннадцать золотых. Ты знаешь, считаю я всю жизнь плохо, да и память на всякие расчеты-подсчеты у меня не ахти какая. Папа говорит

эту сумму и в меди, и в серебре, а я хорошо помню только про одиннадцать золотых. Поэтому, когда нашелся один старый богач, ему уже пятьдесят пять лет, представляешь, какой дед, и он уже заморил жестокостями и побоями трех жен, и начал свататься ко мне, отказу ему не было. Но мои требуют пятнадцать золотых, а месье Жан Клермонт дает всего десять. Пока все дело из-за этого и встало. Но я очень боюсь, что скоро все у них сладится.

– Убеги!

– Такие девушки, как я, от родителей, а потом от мужа, не бегают. От судьбы не уйдешь, моя точка зрения никогда не меняется. В прошлой жизни, как ты меня не звал с тобой убежать, а я всю жизнь от тебя, свет моей души, без ума, как увижу – вся горю, притронешься – делай со мной, что хочешь, все стерплю, ради тебя все преодолею, но не убегла, уж не взыщи. Девичий стыд с тобой и в прошлый раз махом позабыла, и в этот жду не дождусь новых твоих причуд. Велишь – на площади перед церковью после богослужения голая при народе плясать буду, но против родителей или венчанного мужа не пойду. Против души моей это. Яду, как в прошлый раз, у меня никакого нету, и достать его тут невозможно, придется утопиться. Речушка, правда, у нас мелкая, но пару омутов я знаю. Камень на шею для верности, и вперед. Чужому не отдамся ни за что! Хватило мне этой гадости и в прежней жизни, натерпелась на десять жизней вперед. Прослежу только, чтобы этот древний гаденыш родите-

лям деньги сполна отдал, а то потом, после моей смерти, с него и не вырвешь, и отправлюсь в речку, на покой. Так что поторопись, любый. Очень жду! Слезно прошу тебя по мере сил, если меня уже в живых не застанешь, помочь сэкономленными деньгами милым родителям, а не ...

Окно затряслось и растаяло в воздухе. Богуслав рухнул на скамью и зарыдал в голос. Прорыдавшись, он жесткой рукой протер лицо, поднял его к императору и зарычал:

– Слушай ты, лекарь нечеловеческий двадцать пятый, ... твою антековскую мать! Дай мне хоть ведро своего пойла поганого, только чтоб я сразу в силу вошел, и в эту нерусскую страну Францию ускакал! Деньги хоть все возьми, – боярин содрал с себя полотняный жилет с деньгами для похода, – оставь только двадцать золотых: пятнадцать Настеньке, пять мне на дорогу! Назад или саблю продам, или коня, доберемся как-нибудь! Только бы успеть!

– Интересное предложение, учитывая нашу бедность, – замодулировал на разные лады нечеловеческий голос, – напхни только, сколько в этой сумочке твоих денег? Изложи отдельно про добытое твоим нелегким трудом золото, твоими заботами серебро, сэкономленную тобой медь. Поделись, как ты шил этот жилетик, варил пеммикан, сушил его, лазал за рябиной. Не один день, поди, старался, чтобы Полетта, которую ты Настенькой зовешь, прожила не пару – тройку месяцев до прилета каменюги неведомой, а годами нежилась в теплой боярской постельке, да бойко рожала тебе новых

желанных деток, красавиц и умников? А где ты в великолепной Франции без побратима и его собаки, которая все дороги знает, будешь этот то ли мелкий городишко, то ли крупную деревушку искать? Она в центре страны, не порт, не столица, никто ее и не знает. Местность там густонаселенная, не то что тут, на Руси, нипочем с ходу это село не сыщешь. В общем искать тебе, не переискать. Полгода коня и саблю продать будешь, пока при большой удаче это иностранное село отыщешь. А найдешь быстро – тут же и погибнете, обнявшись с любимой. Володя в одиночку такое дело не осилит, да еще по ходу и погибнет – это ему не чирьи на боярских толстых задницах лечить. А он ни в одной битве вообще никогда не участвовал, так, в мелких стычках и то с простыми людьми. Ну на это, конечно, наплевать – у тебя этих побратимов немеряно, одним больше, одним меньше, не обедняешь, а вот нерусскую в обеих жизнях девушку жалко. И тебе-то, конечно, наплевать, кем эти деньги и как были заработаны – чужого, да еще легко доставшегося, совершенно не жалко. И чужака из будущего, вырванного из уютной и обеспеченной жизни 21 века, чего жалеть? Наплевать на то, сколько он тут вертелся, чтобы монету для спасения этого мира, к которому чужой, может быть и отношения никакого не имеет, помнишь, как ты рассказывал ему о параллельных мирах, добывал – пусть у нас потрудится! Не задумываться, почему за девять с лишним веков, из миллиардов других людей, не нашлось хотя бы еще одного достойного? Все-таки вдво-

ем им половчей бы тут крутиться было. И почему Владимир вместо того, чтобы броситься в церковь просить Бога, или к волхвам, умолять Макошь доставить его обратно, возглавил этот почти безнадежный поход? Сообщаю еще раз, для особо понятливых бояр, что твоя сила вернется через два дня, без всякой дополнительной оплаты. Прошу только во время сообщения мою маму, особенно в нехороших выражениях, больше не упоминать!

На Славу было жалко смотреть. От неласковых слов он корчился, как полураздавленный червяк. Кругом от большой любви обделался! И как не обгаживайся и спасение мира не предавай, все равно в конечном итоге ничего не выиграешь, опорочишь только честное боярское имя.

Посидели молча. Антекон двадцать пятый, так и не дождавшись интересного доклада о заслугах Богуслава, продолжил беседу.

– Насчет диеты по продуктам и употреблению красного вина разногласий у наших медицинских наук нет. – Тут он завершил свою лекцию, и, как всякий хороший оратор, спросил: – еще вопросы есть?

– А конкретно не можете нам сообщить время прилета метеорита и до какого числа мы еще можем его отвести от Земли? – спросил назойливый я.

Последовала пауза. Видимо, мой вопрос был сродни тому, как если бы слушатель, ненадолго прибывший в столицу нашей родины Москву за покупками и впечатлениями,

и случайно затесавшийся в аудиторию полную физиков-теоретиков, спросил у докладчика после прослушивания интереснейшей лекции о пю-мезонах: скажите, а вот там у нас, в Н-ской области в позапрошлом году коровенка в болотине утопла, нельзя ли оказать научное содействие для извлечения и оживления несчастной животины?

Потом верховный антек начал объяснять в соответствующем стиле лекции ключе.

– Прошу заметить, что мы, антеки, народ искушенный в лечебном действии трав и медицине, а отнюдь не астрономии, и строительством подземных обсерваторий не увлекаемся. Может быть встреча с известным знатоком и практиком этой науки Омаром Хайямом облегчит для вас путь к знаниям о космических скоростях и расстояниях. Мы же не освоили пока даже мелочей – физики колоссальных пространств, дифференциального и интегрального исчисления, и поэтому помочь вам не в состоянии.

Читает, подлец, ой извините! – умник и разумник подземный, мысли мои и воспоминания, ох читает!

– Маленькое дополнение в виде средневекового сувенира для уважаемого нашим народом Володи. Теперь ты можешь закрыть любой сундук, шкатулку, даже просто холщовую сумку словом «закройся», а открыть – «откройся». После твоего закрытия никакой взломщик или колдун, без нарушения целостности ларца, доступа к его содержимому не получат. Замки для тебя теперь в этой жизни излишни. И со-

всем мелочь. Мы не можем перекинуть тебя в 21 век. Но доступ к его знаниям недавно был получен. Это оказался выход в Интернет. Теперь ты можешь просмотреть не только однажды прочитанное, а вообще все! Информации очень много, часть ее недостоверна, но уж чем богаты, тем и рады. Если что-то понадобится от нашего народа, скажите Марфе. Она передаст, кому надо, и вас найдут. По пустякам не беспокойте! На этом все, что я хотел сегодня сделать и сообщить. Поэтому разрешите откланяться, – и антек просто поэтапно, как Чеширский Кот у Льюиса Кэрролла, растворился в воздухе. Даже улыбки не оставил!

У средневековой публики, не видевшей мультиков и фильмов «Алиса в Стране чудес», от удивления отвисли челюсти. Ваня растерянно огляделся.

– И что теперь делать?

– Уходить – ответил ему любимец антеков – некий Володя, известный коллекционер сувениров, полученных им от малых народов. И мы ушли.

Глава 9

По дороге через прорубленную Ваней просеку к месту стоянки нашего отряда, Богуслав немножечко оттаял от перенесенной радости и последующего за этим горя. Завязался разговор. Теперь Слава сидел на шее богатыря, а я неторопливо шел сам по осеннему лесу.

– Как думаешь, неужели мне повезет, и я увезу Настю живой из этого вертепа, как он там?

– Мулена?

– Во-во.

– А какая тебе больно разница, рвануть из Корсуни или отсюда?

– Как это?

– От Киева скакать, придется проехать Польшу, Чехию, Германию, а возможно и карабкаться через горы Швейцарии. Везде убивать кучи разбойников и воинов, служителей тамошних бояр. Все будут пытаться тебя ограбить или убить.

– Да я...

– Да, ты – это сила. Но ведь и иностранцы не лаптем щи хлебают, есть и у них не слабее тебя свои кудесники. Наверняка есть и такие, что убивают и грабят проезжающих через их земли. То есть то ли прорвешься через четыре враждебные тебе страны, то ли завязнешь и погибнешь, бабушка еще надвое сказала.

– Вот черт!

– Многие из них и не скрывают, что они в сговоре с дьяволом.

– С чертями?

– Да нет, бери выше – с самим Сатаной!

– Вот ведь какая незадача..., – растерянно отозвался боярин и белый волхв.

Видимо, соперник показался ему великоват.

– И что же теперь делать?

– Вот об этом я тебе и толкую. Биться с черным явно при-

дется еще до прихода на Русское море.

– Почему?

– Он не даст нам прорваться к дельфинам, постарается извести после выхода из Киева.

– Уверен?

– Ну вот гляди. Сейчас Василиса доложила ему, что ты убит. Всем понятно, что без тебя мы ноль без палочки, и ему нужно уточнить, что мы теперь станем делать. Если повернем назад, он переключится на другие отряды, а если попытаемся идти и без тебя, быстренько нас перехватит и всех поубивает. А потом уже можно заняться и остальными. Я не особо верю, что слуг у него куча, поэтому скорее всего для выяснения будет послана та же ведьма, просто в новом обличье. Тут то мы ее и изловим!

– А что дальше?

– А дальше будет видно после ее поимки.

– И при чем тут Франция?

– А при том, что из Корсуни до Никеи на корабле добраться можно гораздо проще и безопасней, чем по суше.

– А что за Никея такая?

– Это крайний французской город-порт. В наше время, это место отдыха знати – Ницца.

– И что у нас общее море с Францией? Эка ты хватил!

– Схвати сам. Называется все по-разному: Русское море, Босфор, Мраморное море, Дарданеллы, Эгейское море, Средиземное море. Но если плюнуть на названия, то быстро пой-

мешь, что на берег в этом плавании можно не сходить. Плы-
вешь себе и плывешь. На одном конце Русь, на другом Фран-
ция. Залез на корабль в Корсуни, слез в Никее.

– И это правда?

– В этом-то Интернет врать не будет.

– Про что вы все толкуете? Интернет какой-то...

– Ты Библию читал?

– Интересовался.

– И как книга?

– Толстенная, страх!

– Вот Интернет в тысячу раз больше этой книги, и в нем
написано обо всем, что знает человечество. Впрочем, это я
сболтнул. Не в тысячу.

– Вот и я думаю, что это ты загнул!

– В тысячу миллионов раз.

Богуслав чуть не навернулся с Емельки. Богатырь еле
успел поймать боярина правой ручищей.

– Как же это может быть? Где хранить такую бездну зна-
ний?

– У меня умещается вот в такой коробочке, – и я показал
руками размеры ноутбука. – Все знания хранятся где-то да-
леко. Я спросил, мне ответили. Захотел прочесть какую-ни-
будь книгу на другом конце Земли, мне ее дали почитать,
услышать какую-то песню – мне ее спели. И наплевать, что
это сделали очень давно, ее увидели особым глазом – каме-
рой, и это знание будет храниться сотни лет.

– Это какое-то несусветное колдовство!

– Я тоже так оценивал раньше, потом привык и несколько лет назад наловчился этим пользоваться.

– Ты величайший колдун, там, в своем времени!

– И нас таких – каждый второй. А если взять наших детей и внуков, они с этим вырастают, и умеют пользоваться этим, как мы с тобой ложкой и ножом.

– И карлик вывел тебя на все это?

– Да. Правда, знаний о вашем веке не так много, поэтому приходится изворачиваться. Например, чтобы найти Nikeю, пришлось проглядеть всю историю Ниццы.

– И это точно?

– Вот это – совершенно точно. Как и мой рассказ о морях и проливах.

– А далеко ли от Мулена до Nikeи? Не три года скакать? Что за город Мулен?

– Это надо поглядеть. Есть ли он еще в 21 веке, а то наищешься. Емельян! Сажай меня на руку!

Все махом было исполнено, и мы поехали дальше.

– Есть этот городишко и в наше время, – порадовал я Богуслава минут через пять, – но в ваше время, это скорее деревня.

– А далеко?

– Немного ближе, чем от Смоленска до Киева. Полдня пути на коне разница.

– Всего-то?

– Так будет в 21 веке, вряд ли и сейчас эти городки расползлись. Просто поменьше стали по размеру.

– А далеко от Корсуни до Никеи? – вошел во вкус Слава.

– Два расстояния от Новгорода до Корсуни.

– Всего? Да тут на двадцать дней пути!

– А что поделаешь, – зато безопасно. И уйдет время на изгибы пути, остановки для заправки водой и пищей, в общем, клади не меньше месяца.

– Да наплевать! Это все легко решаемо!

Тут он опечалился.

– Доживет ли только счастье мое...

– Не горюй. В неделю раз будем на нее поглядывать. Думаю, антеки нам, пока воюем против камня, не откажут.

– Да он не велел часто-то...

– Антекон двадцать пятый понимает, что тебе только дай волю, каждый день на любимую глядеть будешь. Поэтому строгости и ввел. А в неделю раз император нас может и перетерпит.

– Дай-то бог...

– Бог то бог, да не будь и сам плох! – козырнул я одной из своих любимых пословиц. – Ты чем тосковать да заранее горевать, планируй лучше, как нам Невзора извести, да Мавру к этому делу половчей припрячь!

– Конечно, конечно...

Я обвел глазами наше окружение. Марфа держалась в опасной близости.

– Марфуша! Слетай на версту вперед! Взгляни, не караулит ли нас враг какой неведомый!

Застоявшаяся от нашего тихоходства собачка с готовностью унеслась.

– Мне тоже куда-нибудь сбегать? – спросил толковый и верный Иван, поняв мой хитроумный замысел.

– Тебе нет. Ты же у антеков глазами и ушами не служишь?

– Я? – нет, конечно.

– А Марфа – да. Так что если хочешь, можешь и послушать.

Он почему-то захотел. Удивительное дело!

– Ты понимаешь, Богуслав, мы ведь про антеков ничего не знаем. Про горных гномов много всего пишут: и женщины у них бородатые, и до человеческих баб мужчины-гномы сильно охочи, и еще всякую чушь. Рассказчики противоречат друг другу на каждом шагу. О детях карликов практически ничего не говорят. А как это на самом деле, особенно у лесных, мы понятия не имеем. Никого из нас они в свою жизнь не допускают. Мы вот у них два раза были, ты хоть одну женщину или ребенка видел?

– Да нет.

– И я нет. А ведь за детками не уследишь – тут заорут, там пробегут. А тут полная тишина. И никого не видно. И ведь наша бабенка из любопытства хоть одна да высунется. А тут полное безгномье оба раза. Может их женщины страшные, как моя жизнь и они их за прочными решетками от нас пря-

чут? А есть ли у них вообще женщины и дети?

– Ну а как иначе?

– Разделился на две одинаковые половинки, и все дела. В природе и так бывает. Не все, как мы, плодятся. Поэтому есть ли у них любовь, нам неизвестно. Вон, Марфушка уже назад несется. Закончим про сомнительное.

Марфа подлетела, прогавкала, что врагов близко нет, но спугнула лося. При ней оживился Слава, и беседа потекла дальше.

– А чего говорят, что ты там жил уж больно хорошо? Зарабатывал-то много?

– Какие там заработки на государственной службе! Слезы, а не заработки.

– Что ж так?

– Не ценят наш труд.

– Но жил, как и здесь, достойно? Прислуга, дом свой, лошади?

– Пахал, как лошадь, это было. Приходилось бегать на две службы, кое-как сводил концы с концами. Но заработал реальные деньги отнюдь не лекарем.

– Кареты, как и тут делал?

– Кареты нет, но крутился всячески. Машины гонял в другие города, пусконаладку в районных городах, да в крупных мастерских налаживал, свой большой грузовик по дешевке купил, людей нанял, возили грузы и еще всякие затеи были. Вот с этих денег жили хорошо – жена не работала, квартиру

супруге отделили, а главное, я себе на старость жилище приобрел, оформил пока на мать, мало ли что. Вторая половина моя в последнее время нахальничать да дурковать стала, бросать было пора. Ну и денег накопил для безбедной жизни. Только вертеться, как бес перестал, меня сюда и закинуло.

– А зачем жену бросать? Проще избить ее, как сидорову козу, да приструнить.

– У нас порядки другие, и уже давно.

– Неужели бабе волю можно давать? Это вы сделали большую ошибку!

– Возможно да, а возможно и нет – уж очень жизнь за эти столетия переменялась. Да чего сейчас об этом судить да рядить – я от своей Забавушки из этого времени никуда. Никого я так не любил никогда, как мою красавицу, хотя женщин за жизнь грело мою постель немало. Последняя, видно, это моя любовь, самая сильная и окончательная. Емельян, опусти меня на землю, дальше опять на своих двоих пойду, хватит кататься.

Пришли, отдохнули пообедали, и двинулись опять в сторону Киева. Так и шли до позднего вечера. Остановились в большом селе Подстепновка. Большая церковь красовалась в центре села, избы были справные, народ приветливый, а постоянный двор с хорошей харчевней просто утешил умаявшуюся от похода душу.

Да, не турист я, ой не турист. Выраженный домосед и урбанист. Нету города, и в большой деревне на мягкой кровати.

ке с удовольствием повалюсь.

Постоялый двор предлагал все мыслимые для 11 века услуги: вкусную еду в харчевне, удобную ночевку лошадям в конюшне, девочек и женщин на ночь. Впрочем, этой услугой воспользовался один Олег – очень соскучился по женскому полу после длительного общения с очень неласковой к оборотню женой.

Я, Богуслав, Матвей сильно тосковали по любимым. Матюха, вдобавок, опасался повторного заражения венерической болезнью.

Прошлый раз от такого паскудного залета молодожена и его избранницу вылечил все тот же я. Елена, слава богу, и не прочухала по своему наивному девичеству всю глубину проблемы, а то за заражение нехорошей болезнью, вдобавок полученной от иногородних шлюх, долбила бы суженого до гробовой доски.

Протоиерей вообще оказался до этого дела не охотник, и ушел в гости к сельскому попику. Ванечке вполне хватало его Наиночки, Емелю нечего было баловать, а своих денег он еще не заработал.

В общем, опорный пункт на знаменитом пути «из варяг в греки», потешил путешественников. Проваливался я в сон с мыслью, где же они тут степь нашли, в честь которой свое поселение назвали? Леса же дремучие кругом...

На следующий день мы поехали дальше. Я уже почти вошел в силу и слезал с Викинга, только когда он умаивался.

В этих случаях я пересаживался к Славе, уже катившему на коляске, и отряд двигался дальше.

Говорили про Средиземное море, страны, которые нужно будет боярину миновать, обсуждали Францию, частенько справляясь о мелочах в Интернете. На третий день после Подстепновки показался стоящий на семи холмах Киев, мать городов русских.

А где же отец? Москва, что ли? Так ее еще и в городах-то нету, так, простая деревушка пока. Когда еще до нее Юрий Долгорукий своей отнюдь не короткой рукой доберется...

Новгород и не претендует на столь высокое звание. Как писал замечательный русский историк Василий Осипович Ключевский: Новгород является старшим сыном России, родившимся, однако ж прежде матери.

Выходит, все наши города голимая безотцовщина? Столь странное наименование разъяснил нашей безграмотной ватаге высоко ученый церковнослужитель Николай. Оказывается, мать городов, – это неловкое переложение греческого термина метрополия, означающего в правильном переводе – столица.

Тут поучаствовала в роли гида по своему родному городу и Наина. В наличии уже было четыреста храмов, восемь рынков и трое ворот – входов в столицу. Конечно, зайти в стольный град через уже каменные Золотые ворота было бы очень празднично, но нам для удобства лучше воспользоваться неказистыми деревянными Жидовскими воротами, и

пройти через них в главную часть города – Подол.

Все смолчали, но видимо подумали: какой проводник, такие и ворота. Да и на Подоле-то неизвестно какая нация селится... В общем, с бойкой нерусской девчушкой ухо надо было держать остро, а то вместо Константинополя враз где-нибудь на Иудейских горах в Иерусалиме окажешься, за ней не заржавеет.

Хотя вход в город через Лядские ворота вызвал бы еще большие сомнения, теперь уже насчет нравственности девушки. Пусть уж лучше по национальному вопросу пошущукаются, любимый в этом деле явный интернационалист, юдофил из юдофилов, чем ему, еще неискушенному в этой жизни, в уши напойют: а ты точно знаешь, чем твоя девица в родном городе была занята? Вон через какие ворота повела, не к подружкам ли по основной своей профессии поближе держится? Выбор Наины, если не брать в расчет всякую мелочь, типа близости ворот к точке нашего нахождения, был понятен: уж лучше быть трижды иудейкой, чем один раз перед милым нарисоваться в шляхах!

Впрочем, все наши антисемитские опасения оказались напрасны, Подол в самом деле оказался самой крупной частью города, небольшое количество Наининой родни погоды не делало, в трактирах, вместо пирогов и судака, тушеного в сметане, мацу с рыбой-фиш по-еврейски не подавали. В общем, даешь Жидовские ворота!

Да и то сказать, если бы каждому жестко было предписа-

но проходить через соответствующие ему ворота, что бы мы имели в итоге? Наина при полном параде вошла бы через Жидовские ворота, пронося на плечах Ванечку, мы с Богуславом кое-как протиснулись бы в калиточку при Золотых, а остальные? Не в Лядские же им переться! Вдобавок, там вечно большая очередь из представительниц слабого пола.

Матвей и Емеля уверенно через Кремлевскую стену перемахнут, ночью еще и Олег, повизгивая и карабкаясь в одних трусах, с элегантным вырезом для волчьего хвоста, тоже перелезет, а протоиерею в поле с лошадьми что ли ошиваться? Недоработки в названиях были очевидны.

Вот попробуйте перекинуть эти входы на российскую эстраду 21 века, что вы в итоге получите? Людей, неспешно шагающих под ручку со спонсором через Золотые ворота, умников и умниц с хитрыми глазками, уверенно проходящих в Жидовские, и при этом очень мелодично исполняющих «7.40», вал симпатяшек и просто красавиц, берущих штурмом Лядские ворота, в общем все, как всегда.

Но надо же еще бережно провести приятнейших мужчинок, которые пришли обнявшись, и исполняя свой гимн – «Голубую луну», в трусиках, как у оборотня – с дырочкой на попчке, и без пра-а-тивного хвостика! Он же будет мешать более тесному общению, милый...

Вернемся к меню в общепите разных русских городов. Вся разница в блюдах между киевской и новгородской кухней заключалась в более интересном и сложном великолепнейшем

борще с идущими к нему в придачу вкуснейшими пампушками, аналогами наших пышек, которые тут подавали в горячем виде и с ароматной чесночной подливкой. Соленое сало тоже торжествовало кулинарную победу над чисто русскими аналогами.

Отъевшись вволю, народ подался кто-куда: мы с Богуславом пошли поваляться в номер, обожравшаяся Марфа брела следом и другого времяпровождения, кроме как полежать и отдохнуть возле любимого хозяина, пока не представляла; Наина повела Ивана знакомиться с будущей родней, особенно с тещей и падчерицей; Николай, прихватив с собой для усиления Емелю, пошел полюбоваться Софийским собором, а заодно и помолиться. Вдобавок ему нужно было передать церковному руководству письма от новгородского епископа Германа.

Матвей решил полюбопытствовать на базарах насчет хорошего оружия, а Олег устроить проверку в местных веселых кварталах. В общем, все были при деле.

Можно было не спешить: антеки через среднеазиатскую овчарку передали, что мы стали первыми среди аналогичных групп, движущихся параллельными курсами к Русскому морю, и поэтому нам надо переждать несколько дней, пока подтянутся отставшие. Это было очень кстати: Наине нужно получить у нелюбимого мужа развод через раввина, а мне посетить учителя Добрыни – Захария. Нужно было разобраться, где же все-таки разыскивать Омара Хайяма.

Насчет контакта с дельфинами никто ничего толкового сказать не может, в этом я уже убедился. Обещала, правда, помочь Наина, но это пока были теоретические построения, ничем практическим не подкрепленные.

Пока народ гонял по Киеву, мы лежали и отпыхивались в предоставленной нам комнатухе. Насчет нее Слава высказался, что для бояр можно было бы поискать приют и побольше, и посимпатичней, но был мной безжалостно пресечен.

– Давно ли ты старый хрен в лесу кусты обминал, да по буеракам валялся? А теперь на роскошь потянуло? А сколько нам еще бродить и в какие это суммы встанет, никто не знает. Сколько стоит перевозка нашей орды через море, да еще и с лошадьми, где нужно бродить в поисках арабского поэта и какие деньги в это придется вложить, неизвестно. И на возврат ватаги домой придется отсыпать. Если кто погибнет в неравном бою, похоронить надо будет по-человечески, а не закидать в лесу опавшей листвой. Понадобится гроб, приличное место на кладбище, здоровенный крест. Нигде это даром не сделают. А тебе потом плыть с конем две тысячи верст и скакать по Франции еще четыреста пятьдесят. И все это будет стоить немало. Так что пятнадцать золотых может тебе еще придется в дороге зарабатывать: петь жиденьким голосом на базарах, да фокусы показывать. И это сегодня пятнадцать, а когда ты соизволишь прибыть, может будет уже все тридцать? Тут не угадаешь – они ведь живые

люди, им что-то тоже кушать надо, заболеть могут, еще и дом до кучи кредиторы могут подпалить. А тебе плевать, тебя походная касса всегда прокормит. Если что, всякие нерадивые из других веков сбегают да где-нибудь заработают, вернуться как-нибудь. А ты пока пошикуй, пошикуй! Золота и серебра у нас немеряно, аж кони перегружены! Да каждый день еще пудами подваливает, девать этот хлам некуда! Ни в чем тебе, главному нашему бойцу, истребителю черных, откату не будет! Сегодня к вечеру, будь добр, предоставь список побежденных злых кудесников уровня Невзора.

Боярин обиженно сопел, но не спорил и правоту свою не доказывал. Вот чем он мне всегда нравился – вину свою, конечно, ни за что не признает, но, если виноват, будет сидеть молча и на ус наматывать – делать правильные выводы.

Потом полежали молча. Затем Богуслав сказал:

– Надоел кагор хуже горькой редьки. Давай на ужин водки выпьем.

Я подумал. В диетах, которые применяются при лечении всех болезней, и зовутся столами Певзнера, водка не упоминается ни разу. Причем многие продукты, считающиеся вредными, типа молочных супов и белого хлеба, в ней активно применяются. Сам большой советский ученый Мануил Исаакович Певзнер считал, что эти пятнадцать столов иной раз лечат болезни гораздо лучше всяких лекарств. И я с этим мнением всю свою долгую врачебную жизнь солидарен.

Поэтому строго обозначил свою нестигаемую врачебную

позицию:

– Не больше ста грамм на каждого!

Стресс, понимаешь, возникший после неожиданной встречи с любимыми, надо было снимать... По сути, мы были уже практически вылечены, и оставалась только незначительная слабость.

Чего ж тут перед каждым известным ученым-диетологом преклоняться да кагором надуваться? Сто грамм да нажремся всяческой вкусной древнерусской еды вволю!

И сейчас добавлять хохляцкой, совершенно незачем. Мы, русы, в 11 веке на украинцев, белорусов и русских еще не делимся. Главный город наших врагов в 21 веке, сейчас мать и столица городов русских. А подойди к дружиннику любого киевского князя и сболтни – вот вы, украинцы, – и ничего хорошего, кроме славного древнерусского удара в ухо и возмущенного крика: ты где тут, паскуда, окраинца, увидал?! – не дождешься.

Через часок, отлежавшись, решили пройтись по Киеву, поразмяться. Марфа эту спорную идею одобрила, была взята для верности на поводок, а то вдруг второпях да по ошибке, какую-нибудь дорогостоящую и здоровенную боярскую псину, которая не понимает, что алабаиха опасней любого волка, задушит, и пошли гулять.

Тут Днепр был гораздо шире, чем у Смоленска, и мой любимый писатель Николай Васильевич Гоголь насчет птицы преувеличивал ненамного. Прошлись до Золотых ворот. Бо-

гуслав любовался на их величие, а я, взглядом профессионала, изучал кладку. По сути, то же, что и в новгородском Софийском соборе – кругом плинфа, аналог современного мне кирпича, чередуется с камнем.

А то – у вас глина плохая, надо из Киева возить, да вас как липку обдирать! А приглядишься, и оказывается, что это просто излюбленная кладка 11 века – вон как каменюги из стены торчат. Наверняка и местный Софийский собор выложен так же, те же булыжники топорщатся.

Наш вариант кладки – полностью из сделанного на моем дворе бывшими скоморохами кирпича, по сути той же плинфой, только утолщенной, мне нравился гораздо больше. Очень жаль, что не было времени в продолжении коротенького антековского сеанса связи спросить у Забавы, не пришибло ли кого только что выложенной моими ребятами стеной будущей церкви. У них там может быть и порядка-то никакого нет, а в связи с этим и качество кладки упало? Мастер в моем лице ушел в поход, и увел с собой строгого бригадира Ивана.

Все руководство стройкой оставили на попечение бывшего дудочника – длинного Егорки, прославившегося только любовью к чужой бабушке, своей квартирной хозяйке. Другие и о своих-то так не заботятся. А Егор с любого нашего выступления у купцов норовил утащить побольше вкусной еды для любимой старушки.

Остальные кирпичники были еще хуже. Вечно впадали в

ступор, и начинали ныть: это мы не знаем, этого не умеем... Тьфу!

Наверное, зря я не пресек эту стройку перед нашим уходом. Сейчас бы одной заботой за спиной было меньше. Кирпичников разогнать, народные пожертвования отдать священнослужителям, и пусть глину, а то и сразу плинфу из Киева возьмут!

Все равно я от этого вида своей деятельности никогда рубля не видел. Конечно, между делом, вернул себе деньги за строительство сарая для производства кирпича и потраченные на покупку инструментов для кладки стен церкви, так как за все годы моей разнообразной деятельности в обеих жизнях убытка от моей возни никогда не допускал. Повезло, не повезло, заработал или нет, это неважно – вложенные средства обязательно должны ко мне вернуться. А тут быть возле воды и не напиться, просто даже глупо было бы как-то!

Вдобавок, все народные пожертвования появились только после исполнения мной необычайно красивым и сильным голосом, подаренным ведуном Игорем своему ученику, песни-молитвы «Аве Мария». Так что возместить свои расходы, я считал себя в полном праве.

А вот постройку каменной церкви надо было прикрывать. Все равно для епархии денег я заработал на три таких строения. Но не разогнал свою шаругу вовремя, теперь броди по Руси и переживай.

Потом решили поглядеть не крадется ли за нами злая

ведьма Василиса. Решили для начала просто походить по улицам.

– А что за понятие такое, второе имя? – спросил я Богуслава, вспомнив, что Василиса была еще и Мавра.

– Есть еще крестильное. Вот Мстислав, к примеру, еще и Феодор. Есть по родне – на Западе князя зовут по деду Гарольд. Как ты говоришь, будет толково через много лет править всей Землей Русской, став киевским князем, и получит прозвище Великий. Оно-то вместе с основным именем и останется в веках.

И долго проживет прозвание его отца Владимира – Мономах, которое он получил по византийскому дедушке – Константину Девятому Мономаху. А его крестильное имя – Василий, уже и сейчас мало кто помнит. А у ведьмы, поди, оба имени выдуманные. Ты же знаешь, что такое василиск?

– Смутно помню истории о каком-то страшном существе.

– Есть старинная легенда о том, что если старый петух снесет в свежий навоз яйцо, а высидит его жаба, вылупится страшилище с очень большой головой зубастого петуха, крупным телом, покрытым грубой чешуей, и очень длинным здоровенным змеиным хвостом, убивающее все вокруг себя взглядом, запахом или прикосновением. О нем написано даже в Библии. Я в это не верю, учитель мой тоже не верил, но кто его знает – в жизни есть много неожиданных событий и неведомых вещей. Может в похожести имен Василиса-Василиск есть что-то эдакое?

Я сказал, что ни в каких василисков тоже не верю. А имя, если его можно выдумать самому, это не показатель.

– Почему? – начал горячиться Богуслав, – имя, – это очень важно!

– В наше время, – объяснил я, – имя и фамилия заверяется особой грамотой, – паспортом с подробной картинкой, изображающей твою личность. Поймают тебя на улице воины, следящие за порядком, под названием милиция или полиция, без паспорта – волокут в поруб для выяснения твоей подозрительной личности. Для любого дела требуется эта грамота. У вас я и живу уже черте-сколько, и дом отстроил, и дела веду многочисленные, – никто ни разу никакой грамотки не спросил. Недавно Твердохлеб Мишинич выдал грамоту, что я – Владимир Мишинич, благодаря тебе, и за месяц никто и нигде ее ни разу не спросил. Какой должен быть документ у простого человека, не боярского рода и не благородного звания?

– Да никакого! У послов в другие страны, да крупных купцов, идущих с товаром через переволоки, должны быть заверенные князем грамоты, иностранцев тоже бывает проверяют, там в силе или княжья печать, или их гостиный двор свою печатку шлепнет, а у простого человека ничего нету. В Новгороде есть знатки, для пришлых людей, которые подозреваются в лихоимстве каком или для получения купеческого звания, а поручителей нету, и это все.

– И какую же ты знатку с Василисы требовал? Она, поди,

сразу сказала, сейчас предъявлю – я ее вот тут под юбкой между ног прячу!

Отсмеявшись, боярин буркнул:

– Тебе бы все хиханьки, да хаханьки! Какие с бабы грамоты? Она что, человек что ли?

– Моя Забава человек, да еще какой! И другие женщины, кого я тут знаю, люди интересные, возьми хоть Наину. Вон Марфа, после твоих уроков поумнела и стала вполне самостоятельной личностью.

Моя собачка горделиво замахала обрубок хвоста.

– Остальных не знаю, судить о них не берусь.

– Ну ты хватил! Паспорт еще с рисунком своей псине выдай! – заявил боярский грубиян.

Марфа сразу повесила отсутствующие уши. Эх, обидел мою девочку старый подлец! Ответим ударом на удар, не спустим безнаказанно обиду!

– А твоя знакомая Анастасия Мономах, она же Полетта Вердье, является человеком? Или так, беспаспортная французенка, урожденная византийка?

От гнева Богуслав аж затрепетал и схватил меня за грудки.

– Как ты посмел такое сказать про мою Настеньку, козлина?! Моя Настя не человек? – зарычал он.

Моя верная подруга и соратница ответила тем же. Ее не менее грозное рычанье означало – хоть ты кто будь, не дам хозяина обижать!

Про боярина мне подумалось: ишь, как тебя разобрало!

– А мои Забава и Марфа нет никто?

Его как холодной водой обдали! Побратим потихоньку отошел от своего неразумного гнева. Бросил за меня держаться, и просипел:

– Ну, извини...

Вот то-то же! Марфа перестала рычать на своего хулителя, и опять гордо замахала остатком хвоста. Уши бы у моей собачки, при их наличии, вздернулись, как у немецкой овчарки. Любимый хозяин Володя поставил ее на одну доску с женой! Так она невесть где, а я тут, рядом с ним! Защитил от злобного побратима!

Каждой особе женского пола независимо от того, из гоминидов ты или псовая, так же, как и мужчине или псу, надо хоть раз в жизни почувствовать себя самой любимой и нужной. Марфа вышагивала по столичной мостовой, как чемпионка среди всех собак на свете. Я, конечно, сухоносый примат после этого, но не буду разочаровывать верную зверюгу, что Забаву люблю все-таки гораздо больше нее.

Походили часа два, никого не поймали, и вернулись на постоянный двор. Там мы опять завалились в кровати, а веселая и довольная жизнью Марфа разлеглась возле меня на полу во всю длину.

Глава 10

Страшный аппетит прошиб нас, лишенцев по крови, через полчаса. Костный мозг у обоих работал от души, и настойчиво требовал еды. Богуслава, как более потерпевшего,

прошибло раньше и сильнеей.

– Пошли сожрем чего-нибудь? Расстегая какого, или пирожка, а заьем все отваром из ягод или трав?

Я был еще не очень голоден, и отвечивал довольно-таки вяловато.

– Может не будем портить аппетит перед ужином? Осталось-то всего три часа.

И тут меня тоже накрыло! Уже натягивая сапоги, я бойко тараторил:

– Побежали скорей! Где тут этого ужина дождешься! Да вставай же, старый лапоть!

Слава, тоже очень быстро натягивая обувку, отбрехивался.

– Можно подумать, что ты лапоть молодой!

И мы рванули в обеденную залу. Залетели, крича в две голодные глотки:

– Половой! Половой!

Неторопливо приближающемуся работнику по доставке разных вкусностей с кухни, добавил оборотов выкрик Богу-слава:

– Полтинник сверху!

На махом подскочившего, излили каскад наших желаний.

– Расстегай! Пирог! Взвар! Копченое сало! Грудинки!

– А не желаете, – робко начал трактирный работник, – все желаем! Тащи скорей!

Половой убежал. Скатерть вызывала во мне глупые мыс-

ли, – а может она из чего съедобного замастрячена, и ею до путной еды можно поразмяться? Слава тоже как-то по-особенному хищно озирался.

Половой не заставил себя долго ждать и быстро завалил столик едой. Господи, как ослепительно пахнет! Мы жрали, ели, потом спокойно кушали. Уф!

Разговаривая о том, о сем и подъедая сладкие крендельки с маком, мы обратили внимание на наших товарищей, сидящих за соседним столиком с двумя очень колоритными девицами. Наши были представлены протоиереем Николаем с его верным попутчиком Емельяном.

Дело житейское, зашли пополдничать намолившись вволю, а вот девахи были довольно-таки необычны. Одна была широченная и толстенная, но лицо довольно-таки приятное. На такую бабищу мужики клюют только после третьего стакана водки, когда уже любой одушевленный, а бывает и неодушевленный предмет, кажется реальным эротическим объектом. Причем женщины и девушки кустодиевского типа, этикие полненькие симпяшечки, в 11 веке были нарахват.

Моя совершенно не худенькая Забава шла из-за этого, как говорили в брежневскую пору за третий сорт и только в сельской местности. Мужики за глаза говорили о ней: эх, сальца бы ей с пудик добавить! Поперла бы девка! – имея, видимо в виду, что вот тогда-то они бы на ней отличились. Но этой девушке, похоже, к варианту моей супруги добавили еще пу-

да три. И в плечах, и в бедрах она была вдвое шире меня. Впрочем, талии не было совсем, и поэтому делить, где уже, где шире, было просто неуместно. Столичная тумбочка была ровной. Ее сарафанчик с короткими рукавами открывал виды на две очень полные руки, равные по толщине моим бедрам.

Тем разительней был контраст с подругой. Та была просто невероятно худа, с ввалившимися щеками, руками и ногами, напоминающие щепки. Почему-то сохранилась талия, перехваченная симпатичным, но слишком ярким красным поясом. Прямо анорексичка какая-то! Но вопреки этому диагнозу, сушеная воблочка кушала активно и весело, цвет кожи просто кричал о редкостном здоровье. Худой нос был изрядных размеров, и торчал вперед, как форштевень корабля.

Святой отец что-то им рассказывал, размахивая руками от вдохновения. Мы с Богуславом прислушались. В зальчике, кроме нас и группы при протоиерее, был только какой-то бритый и длинноволосый иностранец. Он, не торопясь, что-то хлебал из тарелки.

Обед давно прошел, до ужина было еще прилично времени, поэтому народу пока и не было. Только постукивание деревянной ложки да голос священника нарушали тишину. Слух волхва обычно превосходит способности обычного человека, поэтому слушать клирика, не приближаясь к говорящему, для нас труда не составило.

– Твое имя – Оксана, это в православии Ксения, значит и

крестить тебя должны были под этим именем.

– Кто знает, как маманька крестила, – равнодушно ответила худышка, продолжая что-то нажевывать, – а я малая была, не помню этих дел.

– А эта святая родилась давным-давно в знатной и богатой римской семье.

– Сразу повезло! – оценила деваха.

– А как подросла, дала обет безбрачия.

– Да может особо и желающих-то не было. Хотя на богачку всегда кто-нибудь польстится...

На саму Ксюшку в Киеве спрос, видимо, был невелик. Чужую историю всегда как-то на себя примериваешь. Судя по ее высказываниям, местная Оксана изначально была и не богата, и происхождением не блистала, да и заманивающей внешностью Господь не одарил – куда ни кинь, всюду клин.

– Чтобы не терпеть постороннего вмешательства в свою жизнь, покинула с двумя служанками родительский дом.

– А эти-то куда поперлись? – удивилась слушательница, – хотя если она им денег изрядно отсыпала, можно и побродить по свету...

Видя, что девица холодна к его растолкованию жития святой, протоиерей решил свернуть эту тему.

– Ну, как время будет, расскажу эту историю полностью.

Молодуха неожиданно воспротивилась:

– Хоть как-то, святой отец, закончи!

– Последние годы жизни, святая соблюдала очень строгий

пост, и ничего, кроме кусочка хлеба, смоченного ее слезами, за день не ела.

– Ишь как отличилась! Может нормально поесть не на что было? Или она ночью на харчи налегала?

– Служанки часто предлагали хозяйке мясо, рыбу, овощи, зелень, она ото всего отказывалась и скоро умерла!

– Надо же, как себя заморила! – всплеснула руками Оксана. – И денежка-то была, видать в наличии, бабы эти даром возле нее крутиться бы не стали.

– Была канонизирована!

– А как без этого, – зевнула девушка, – это само собой.

Николай, обозлившись на дуру, и чтобы не взбеситься окончательно, сменил тему без всяких велеречивых объяснений.

– А ты знаешь, как твое имя с греческого языка переводится?

– Откуда мне знать, я вовсе неграмотная...

– Ксения, это значит гостеприимная!

– А вот это точно! Вот уважил, так уважил! Я всех на ночку принимаю, отказу никому нету! Полтинник – и гуляй в моем доме всю ночь, делай что хошь, только меня не бей. Маманьке по зубам отвесить, если назойливо бормотать чего будет, это всегда пожалуйста, взыску за это не будет; меня в постель за ночь сколько хочешь раз таскай, только не бей! Тебе, отче, за еду щедро купленную, большое спасибо. Если хочешь, давай пройдем в твой номер, обслужу, как умею, ни

в чем отказу не будет.

Протоиерей аж перекрестился, и от услуг дешевой проститутки отказался.

– Может я за него сойду? – решил сорвать впервые в жизни кусочек счастья Емеля. – Я везде могу, и тут, и у тебя. А хочешь, в конюшню пойдем.

– Молоко еще у тебя на губах не обсохло, мальчишечка, чтобы с тобой просто так ходить. А ты сегодня копейки на меня не потратил, да и кошель у тебя никакого нету. Плати полтину серебром, хоть на помойку с тобой пойду, и не такие виды видывала, куда меня только не водили! А нет денег, не взыщи. Подбери сопли, да иди зарабатывать.

– Я работаю!

– И много получаешь, толстогубый?

– Рубль в месяц! – гордо заявил богатырь, думая, что это солидный доход, видимо, при этом ориентируясь на деревенские заработки односельчан, и тамошний уровень жизни.

– Не густо, – оценила его вознаграждение столичная жрица любви, – еще за постой платить надо, и жрешь ты, лоб этакий здоровенный, поди немало.

– За все хозяин платит! Вон он сидит, боярин Владимир Мишинич, со своим другом, боярином Богуславом. А я чистый рубль получаю, куда хочу, туда и трачу!

– Получал уже деньгу-то? На две ночи сможешь у меня остановиться.

– Да нет еще!

– Чего тогда с тобой, зеленым толковать-то? Денег нет, в постели еще не ловок, какой с тебя прок может быть? Так, возня одна.

– Я сильный очень во всем!

– Эх, мальчишечка, в этом деле не сила важна, а опыт и умение, этакая особенная ловкость. В глазах твоих бояр она видна – горит этаким огонечком, а у тебя нету, щенок ты еще. Тебя еще учить да учить, намаешься с таким неловким юношей. И это тоже денег стоит. А с боярами я бы охотно и даром пошла, лучше с двоими сразу, уважили бы девушку от души. Да знатные ко мне не ходят, посимпатичнее меня девушек ищут, обычно из своих же, крепостных. Там ему, крепостнику, любую девку оприходовать можно, бесплатно и сколько хочешь раз. А родители, братья, муж, если есть, при боярине не только что возразить, дышать-то боятся! Только чего-нибудь против боярина заикнешься, враз дружинники зверствовать начнут, всей деревне мало не покажется.

– А у нас дома никаких бояр и не было...

– Так ты еще и деревенщина! Тебя еще тяжелее, а значит и дороже учить придется. вы же кроме того, как своих девок кулаком между лопаток бить, да за толстые задницы их сквозь сарафаны щипать, ничего сроду и не умели! Ни ласки какой, ни поцелуя от вас и не дожدهшься! Ваше главное умение и доблесть, – девку на сеновал силком затащить, да там измять всю! А до главного доходить боитесь – родители и свои, и девушки, шкуру спустят – без женитьбы никак

нельзя! Больше от вас девушки ничего не видят. Ни гребешка, ни бус, ни интересной беседы, ни ласкового слова от вас никогда не дождешься. И любовь в ваших женитьбах неважна, главное, это какое приданое за суженой дадут. Дадут козочку аль лошадку, можно жениться. Козу какую-нибудь паршивую начнут всучивать, или вовсе парой подушек решат отделаться, иди-ка ты милая отсюда, не больно тебя и хотелось! А я тут шаловливые ручонки в одиночку, без всяких баб разомну, я парень сильный... Так?

– Да так...

– То-то! А у меня, по дешевке, чо хошь, то и получишь. И на всю ночь. За деньги отказу не будет. Решишь появиться, харчи с собой бери – мне вас всех кормить нечем. Да еще маманьке кусок надо кинуть – какая никакая, а все-таки мать, кормить надо. Найти меня легко, обратись вон к Таньке, она своего пацаненка с тобой пошлет, он мою избу покажет.

Она кивнула на товарку, в продолжение всего разговора глядевшую в пол.

– Слышь, Таньк, покажет Максик дорогу ко мне?

– Покажет, покажет, куда он денется, – мрачным голосом ответствовала мощная подруга.

– А ты чего унылая такая? Все за своего бывшего горюешь?

– Все харчевни поблизости вчера обегала, нету этого аспида нигде! Прячется от меня, паскуда кривоноса! Поймаю, излуплю, как гада! Я в него всю душу вложила, кормила и

водкой пять дней потчевала, а он взял и шмыгнул! Зараза противная! Раз даже дорогого южного вина взяла, он, вишь, от водки, дармоед этакий, устал! Ничего эти мужики не ценят. Сегодня будет какой пьяный выламываться, я его башкой об все косяки обстучу, не буду больше с ними цацкаться!

– Наплюй, все они такие. Я за жизнь приличного мужика и не встречала.

Интересно, а чего эта жрица любви от жизни ожидала? Очереди из принцев на белых конях к ее избушке, где она передком торгует и мать тиранит?

– Не пойму я что-то, – решил вклиниться в разговор протоиерей, – зачем вам девушки с пьяными связываться? Пьет да пьет, кому он больно мешает-то?

– Я богатырша, святой отец, вышибалой тут служу. Сидит тихий, пусть даже и пьяный, никто его тревожить не будет. А вот если какой пьяненький наглец берется тут грубить, или столы с лавками крушить, – выкидываю из корчмы без всяких сожалений. Могу еще и оплеуху дать или леща отвесить.

– А если пьяные кучей накинута, тебя в отместку бить? Человек пять?

– Я их пересчитывать не люблю. Сколько есть, всех отоварю, приласкаю, как родных. Зарекутся сюда лишний раз шляться, как без зубов останутся.

– А если они вооружены будут?

– У меня этого их хлама полный ящик, наотнималась вволю. Вон возле стены здоровенный такой сундук стоит. Чего

там только нет! И мечи, и сабли, и шестоперы, и кистени, булавы и палицы. Всяких ножей да кинжалов просто без счета. Обычно приходят, выкупают, а тут чего-то и ходить за своим барахлом не хотят, не помнят, что ли?

– Они боятся, что обозлишься, как в тот раз, – вмешалась худоба.

– Когда это?

– Да ден десять назад, когда они тебя ватагой пришли пугать. Посадник еще после них приходил, говорил, если тот, щекастый, помрет, придется за него виру платить.

– Не ходит больше, видать, выжил щекастый. Надо мне какую-нибудь булаву себе под руку отковать. Как взялись грубить, давать им дуракам ее подержать. Не очень тяжелую, с тебя весом. Пусть понимают, с кем связываются. У меня их в сундуке две или три, не помню, но уж больно легкие, прямо хоть Максимке отдать поиграть.

Зато тут платят хорошо, и кормят вволю, грех жаловаться. Да нормально мне и на пристани работалось. Перекидала быстренько мешки и ящики, сиди отдыхай. Деньги за троих мужиков получала.

– Как же это ты так ловко пристроилась? Услуги еще какие прямо на пристани оказывала?

– Не, это для тебя, мужика где угодно уважить. Ты в этом сильна, а я в другом. Мне платили за троих, работала я за пятерых-шестерых, пьяная или с похмелья на работу никогда не приду. Всегда при нужде в ночь выйду. Обедаю по десять

минут в день, и стараюсь такое время прихватить, когда я свободна. Если срочно просят чего-то погрузить-разгрузить, могу и голодная походить, не издохну. Никогда передыхов во время работы не делала. Взятся за гуж, не говори, что не дюж. Никогда не прогуливала и не опаздывала. Врать, как мужик, что у меня кто-то в семье заболел, или бабушка померла, ни за что не буду – против души это мне. И платили гораздо больше чем здесь, и с пьяными вожжаться не надо было, – мечта, а не работа!

– А чего ж ушла с такого золотого места?

– От Славутича в осень какая-то нехорошая сырость в этом году пошла, коленки стало и по вечерам, и к перемене погоды ломить. Побоялась вовсе обездвижить, как бабушка Протасий, вот и ушла.

– Ты ж молодая еще совсем!

– Его тоже не старого сковало. Лежал после на печи, как Илья Муромец, пятнадцать лет, пока не помер. Ни встать, ни походить не мог, сидел – и то с трудом. А у меня сын – малолетний оболтус на шее. Его кормить, поить, одевать, обувать нужно. А я стану не работница, кому он кроме меня нужен будет?

– У тебя же мать его любит.

– И что? Это она сейчас старушонка бойкая, а возраст-то уж не малый, я ребенок поздний была, последыш. Мама сейчас на боку дыру вертит, возле этого бандита малолетнего крутится: Максюша, Максюня поет, не знает, чего ему в жад-

ное хайло засунуть – не дай бог, любимый внучок изголодается, а он уж скоро толще меня станет. Если бабушка заболит, или помрет часом, чего он с неходячей матерью делать будет? Нам помочь некому. Брат мой родной, Евстафий, уж семь лет, как умер. Вдова его, нас знать не хочет, других родственников нету. Вот я и ушла с хорошей службы в эту дыру.

Хозяин прежний чуть не плакал, – приходи, говорит назад, как полегчает, тебя на работу всегда возьму и платить пуще прежнего стану. А тут корчмарь с вышибалами умаялся – бегут и бегут, сколько не плати. Место нехорошее, порт рядом и район бандитский. Все норовят к вечеру тут объявиться, опороться водки и напроказить тоже здесь.

Ну, я никакой работы не боюсь. За два месяца, что служу, у нас зримо лучше стало, приличные люди начали приходиться и потише прежних сидеть. Хозяин не нарадуется – и спокойней теперь, и выручки увеличились. Мне, конечно, здесь очень нудно, но уж зиму и раннюю весну тут, в тепле и сухости пересажу. А дальше видно будет.

– А знаешь, как имя твое с греческого переводится? – опять завел излюбленную тему преподобный.

– Говори, – усмехнулась вышибала.

– Татяна – это устроительница, победительница.

– Хм, в этом что-то есть, – заметила богатырша.

– Да вылитая ты! – заверила носатая. – Везде свои порядки наводишь.

А протоиерей уже всю излагал историю гонений на свя-

тую Татиану.

– Пытались нечестивые заставить поклоняться ее своему каменному идолу – Аполлону, несуществующему богу, но произнесла благочестивая будущая святая искреннюю молитву господу нашему Иисусу Христу, и землетрясение разрушило часть этого языческого капища, а каменные обломки перебили много народу.

– А чем же народ-то провинился, – опять полились сомнительные в религиозном отношении комментарии ночной бабочки, – они, может, тоже на божье чудо, да будущую святую зашли взглянуть? Или просто так, по пути с рынка завернули?

– Дьявол, обитавший в идоле, – раздраженно и громче прежнего продолжил проповедник, – с громким криком и рыданием бежал от того места...

– Так это может Аполлон испугался землетрясения и рванул оттуда?

Такой гадкой паствы протоиерей не встречал никогда. Уже как-то растерянно он добавил:

– ... причем все слышали вопль его и видели тень, пронесшуюся по воздуху, а было там множество людей...

– А ты говоришь его нету! А римляне эти наглые, – земля ходуном ходит, камни им на башку валяются, уж Аполлоны побежали, а они все стоят и пялятся! Мы бы все вперед этой тени унеслись!

Святой отец вскочил, плюнул, и убежал. Вслед ему слы-

шалось:

– Что рванул, отче? Нас не трясет!

Потом дикарка Ксюха, как-то удивленно озираясь, завершила идеологический разгром православного миссионера:

– Ишь, как его на свою же историю разобрало! А с виду такой солидный и степенный дядечка...

И никого убивать и съесть не понадобилось! Все-таки здесь Святая Русь, а не какие-нибудь дикие острова!

Ворвался с улицы толстый и на удивление грязный отрок. Сразу взялся голосить:

– Мамка! Меня Сося обидел! Он меня толстым бараном обозвал! Здравствуйте, тетя Оксана!

– Ты Сосю-то не пришиб? – с интересом спросила Татьяна.

– Да он знаешь юркий какой! От удара увернулся, потом прямо через руки прошел и убежал! Гонял его, гонял, догнать просто невозможно. Братья его далеко стояли, их я гонять не стал.

– Ну и бог с ними. Ты не голодный?

– Бабка кормит целый день, я аж устал жевать!

– Ну так не ешь.

– А мне охота!

Ребенок обратил внимание на новое действующее лицо в спектакле по имени «Полдник в харчевне».

– А ты кто такой? Ты здоровенный, а моя мама сильнее! Ты мой новый папа?

От такой детской ласки Емеля растерялся. Он тут мостится в постель к одной, а ему пытаются подсунуть другую, по- крупнее, да еще с таким здоровенным довеском!

Я бы тоже был озадачен каким-нибудь похожим ребячьим предложением, типа, – ты поживи с моей мамой, хоть она и сильнее. Конечно, было бы ловко завести от жены-богатырки любовницу-богатыршу, и вдвоем они нарожали бы мне дочерей-паляниц удалых. Вошли бы и дочки в силу, началась дележка меня и имущества, вот тут бы я, как сыр в масле катался – от оплеухи до оплеухи!

То одна к решению животрепещущих проблем богатырскую руку в сердцах приложит, склоняя глуповатого и доброго меня на свою сторону, то другая, а сторон-то, как и положено в географии – четыре! Вот бы и зажил, как кум королю, а судьба у кумовьев царствующих особ обычно ох и нелегкая...

Глава 11

Только мы собрались с боярином, который за день все-таки изрядно устал, пойти опять полежать, – на этот раз до ужина, как вечер перестал быть томным.

На этот раз в дверь влетел Олег, и вид он имел какой-то предосудительный, можно даже сказать, – самый жалкий. Он был голый до пояса и разутый. Под левым глазом лиловел синяк, а по всему телу были видны многочисленные ссадины и другие следы физического насилия.

– Побили! Ограбили! – зашумел потерпевший.

Дальше он торопливо изложил историю своего грехопадения. Олег очень желал провести свой досуг в женском обществе, состоящем из безотказных «ночных бабочек» – очень хотелось получить за гроши ласку продажных представительниц слабого пола. Вначале не очень везло – шлюхи, видимо, попрятались до позднего вечера, но вдруг к оборотню подошел раскосый мужик и предложил отвести сластолюбца в надежное место, где самые красивые девушки Киева исполнят самые оригинальные его желания и реализуют разнузданные и необычные фантазии клиента за ломаный грош. А выбор девиц мужчине просто поразит: любой возраст, рост, вес тела, цвет волос были в наличии. Завершен был процесс заманивания классической фразой:

– Всю жизнь, уважаемый, их вспоминать будешь, а меня благодарить!

Растренированный долгими годами семейной жизни, Олег подвоха не почувствовал и безропотно зашел в какую-то зачуханную калитку вслед за своим визави.

Тут период ожидания счастья вдруг неожиданно закончился. В пару к косому откуда-то выскочил кривой, в левом глазу любителя клубнички вспыхнул фонтан искр, и он потерял сознание.

Очнулся волкодлак ограбленным и избитым через несколько часов в какой-то сточной канаве. Где он бродил в самом начале, где его били, где канава – ничего не помнил. Травма черепа с ушибом головного мозга память не улучша-

ют. Вдобавок, абсолютно чужой город ориентации на местности не благоприятствует. Олег пока до корчмы добрался, дорогу спрашивал семь раз. Пройти с Марфой по следу было маловероятно. Так я это конюху и объяснил.

– Можем искать хоть три дня, все равно ничего не сыщем. Следа нет, брать Марфе нечего.

– У тебя же способности!

– И у меня, и у Богуслава. У тебя при себе какая-нибудь значимая вещьца была?

– Это как? – опешил оборотень.

– Шкатулка, медальон, кинжал старинный, кольцо, цепочка, крест на груди... – терпеливо объяснял я охотнику до баб требуемое.

– Не только при себе, по жизни ничего такого отродясь не было! Есть дешевенький крестик на толстой нитке, так на него и не польстились.

Я глянул – небольшой железный крест на груди был в наличии. Кафтана, рубахи, пояса, шапки, сапожек, которых в пределах Киева тысячи, не было – ибо украдены. Я вздохнул.

– Ничего мы из твоего барахла отыскать не сможем, уж не взыщи. Похитители неизвестны никому, поэтому...

– Известны, еще как известны. Это Митька Косой, да Сенька Кривой, – знакомо запротестовало глуховатое меццо-сопрано. – Они так и грабят прилично одетых прохожих. Я их пьяные беседы раза три слыхала. С неделю назад они тут все впятером сидели, взялись буйствовать. За это их и

вышибла. Перед уходом обещали вернуться и меня зарезать.

Татьяна уже успела подойти к нашему столику, чтобы поглядеть и послушать передачу 11 века «Следствие ведут боярки».

– Не боишься?

– Ты как сюда входил, наверное, еле-еле через толпу протолкался?

– Да нет, пусто было.

– А если судить по пьяным обещаниям обиженных мною посетителей, человек двадцать убийц уже должны бы подойти. Жду с нетерпением!

– И где этих грабителей теперь искать, никто, конечно не знает? – вздохнул я.

– Чего ж никто? – спросила свежеподошедшее дитя порока, любезная Оксана, – водили они меня как-то к себе, отдыхали неутомимо, по очереди. Это изба Косого, место их сходок. Если оплатите, можно и посетить.

– Сколько?

– Рублик. И я им на глаза попадаться не хочу. А домик покажу, чего ж не показать-то.

– Сходите – дам.

– Ох, не верю я тебе! Все вы, мужчины, над честной девушкой поизгаляться горазды, обманщик на обманщике. – Она попыталась надуть тонюсенькие губки. – Давай вперед хоть полтинник, тогда пойду.

Я отсыпал честной девушке полтаку и велел немножко по-

дождать с выходом до комплектования группы захвата.

– Ушей тут лишних много, – оглядевшись, сообщил после познавательной беседы Богуслав, – пошли к нам в комнату.

Действительно, число слушателей неустанно прибывало, и за столиками сидело уже человек пять. Поэтому споров не было, и мы безропотно пошли. Танюша коллектив не оставила, и отправилась вместе с нами. Половому она буркнула:

– Карп, пока все трезвые, я отойду.

– Нельзя же!

– Мне можно.

– Хорошо, хорошо...

Наглядевшись за последнее время схваток с участием чемпионки Киева по боям без правил, половой явно трусил.

У нас расселись на моей кушетке кто куда. Слава на своей развалился в одиночку – очень устал. Коллектив был настроен оптимистически, в победе никто не сомневался.

Танюха потрясала в воздухе здоровенной кулачиной.

– Я их уже один раз лупила! Разом больше, разом меньше, какая разница!

Олег занимал выверенную правовую позицию.

– Их надо за грабеж посаднику сдать. Им мало не покажется.

Зашедший к нам после прогулки Матвей, махом вникнув в ситуацию, предлагал отработанный долгими годами ушкуйный вариант:

– Порубить гаденышей в капусту, и дело с концом!

Хотелось послушать бывшего главу новгородского Тайного приказа боярина Богуслава.

– Скажи, Слав, свое веское слово – ты все-таки поопытней.

Поглаживая бородищу, бывший правоохранитель начал разбирать народные решения.

– Побить, это неплохо, но они сегодня отлежатся, а завтра опять пойдут по улицам лопухов грабить. С посадником свяжемся, на месяц тут зависнем, такие дела в столице быстро не решаются. Убить недолго, и для сердца радостно, но тут ведь не болгарский берег, и не половецкая степь, за каждого убитого четырнадцать гривен по «Русской Правде» положено платить. Тут и подьячие лапы протянут, тоже подсунутся с нас шкуру драть. В общем пуд серебра отдай и не грешь! Дальше нищими пойдем, придется самим на дорогах разбойничать, купчишек грабить. Или с протянутой рукой идти по Руси побираться.

«Русская Правда» шла еще от Ярослава Мудрого, лет восемьдесят уже действовала. Это был сборник правоохранительных актов древнерусского государства, объединивший в себе уголовный кодекс, правоохранительные положения, торговое право и еще много всего полезного. В Киеве за ее исполнением явно следили неукоснительно – столица это вам не какое-нибудь маленькое второстепенное княжество, которое под самодуром-князьком живет. Это там можно дела решать по княжескому велению, частенько дурному хоте-

нию. Столица на всю Русь пыталась распространить единый закон и порядок. В Киеве от исполнения «Русской Правды» не увернешься. Даже откупаться очень дорого встанет, обдерут приказные как липку.

А гривна – это двести грамм чистого серебра. Порубаем пятерых грабителей – отстегивай пояса с монетой, гони четырнадцать килограммов драгоценного металла. Сколько тут всякие дьяки да писцы сдерут, боярину, поди, видней. Может и парой кило не отделаешься. Вот тебе и пуд серебра в его расчетах. Сумма для нас просто убийственная!

– А если поубивать и вместе с избой сжечь? Раз – и концы в воду! – предложил возжаждавший крови ушкуйник.

– А девиц с Емелькой по ходу заодно прирезать, чтобы лишнего не болтали? А то, не ровен час, всех на дыбу потащат. Мы там, от заботы ката-палача, много интересного расскажем. Чего и не знали-то сроду, все вспомним.

– Ну хоть руки-то бандитам поломать можно? – не успокаивался Смелый.

– Можно. Только обойдется в те же четырнадцать гривен за каждого.

– А почему так?

– Что он будет делать без руки? Работать не способен, жрать будет нечего. Нищих и без него полно. Сломав злодею руку, ты его все равно что убил. Потому и вира такая высокая.

От безысходности ситуации мы помолчали.

– Выходит проще вашего побитого красавчика одеть, обусть и уезжать поскорее, чем с косыми да кривыми лишний раз связываться? – подытожила Оксана.

– Дешевле выйдет, – согласился боярин.

– Ты займи у кого-нибудь полтинничек, друг любезный, да ко мне на ночку. Уж там тебя не обидят, как на гадких улочках Подола!

Народная фантазия была исчерпана, и все стали глядеть на меня. Ну и чего уставились? Можно подумать, что я у вас самый умный! Мне просто легче было проблемы решать за счет знаний из будущего. А тут этакая забота, и знаний для ее решения ни в 20, ни в 21 веке нету.

Однако пора заканчивать этот балаган, и принимать обоснованное решение. Пусть оно будет не самым лучшим, но оно у нас будет. И, естественно, ответственность, как обычно, ляжет на меня. Ой боюсь, боюсь...

– Слушай, Богуслав, а ты хорошо «Русскую Правду» знаешь?

– Наизусть в свою пору учил, – я же по ней работал: и суды вел, и степень вины разным людям определял.

– А вот скажи мне: если побои зримого дефекта не оставили, в какую сумму это драчуну встает?

– А саблей или мечом не угрожали?

– И не думали!

– Рукояткой не били?

– Да и сабель то с собой не было.

– Нисколько это не будет стоить.

– А если сломаешь кому-нибудь палец?

– Это встанет в три гривны.

– То есть если мы сломаем пять пальцев, это будет пятнадцать гривен. И если мы разбойников изобьем, а потом сломаем им по одному указательному пальцу, это нам встанет в ту же пятнашку?

– Да, конечно.

– А если есть зримые следы ушибов на лице?

– Одна гривна.

– А если глаз повредят?

– Это дорого: двадцать гривен князю, а десять – пострадавшему. Да у Олега, глаза-то, вроде, целы?

– А кто про это знает? Пожалуется, что глаз болит невыносимо, и видеть стал хуже, и все дела!

Олег, было, зароптал:

– Да я нормально вижу!

– Мало того, что ты влез в поганую историю, лишился всей одежды, так ты еще и в убыток нас ввести хочешь? Будешь говорить, что велено, а то я тебе сам второй глаз выбью!

Олег потупился, дальше стоял молча, и с разными благоглупостями больше не лез.

– Желательно туда пойти Олегу, Оксане, Татьяне, и еще кому-нибудь из бойцов.

Я поглядел на Емелю и спросил:

– Пойдешь с нами?

– Да я не знаю..., они ж, наверное, вооружены? А я-то безоружным к ним приду, боязно что-то...

– Заплачу! За каждого побитого разбойника рубль даю.

Пока он межевался, Ксюшка оживилась необычайно.

– Милый! У тебя деньги появятся! И не на одну, а аж на две ночи! Да я за две ночи такое тебе покажу, чего ты от других девиц ни в жизнь не дождешься! На всю жизнь впечатлений будет! В общем, денег не пожалеешь.

После такой блистательной речи колебания покинули богатыря.

– Иду! Обязательно иду!

Сладким пряником поманили очень умело – сразу видно: работала профессионалка.

– Матвей, ты уж извини, нет у меня желания втягивать тебя в это дело.

– Что ж так? Совсем из доверия вышел?

– Я опасаюсь, что ты в горячках и наплевав на убытки убьешь кого-нибудь из грабителей.

– Правильно опасаешься. Нету у меня навыка пятерых врагов сразу в плен брать. Такого как я, лучше сегодня в резерве придержать.

– И меня придется оставить, – обрисовала свою позицию Татьяна. – Мне за обеденным залом нужно следить, я сегодня на работе. Смогу пойти только после работы.

Этот вариант меня не устраивал. При таком раскладе охотники на любителей падших женщин уже разбегутся кто

куда, и в результате нам останется один косо́й Митька, на-
верняка без денег и без добычи. А идти без такого опытного
бойца, как вышибала, тоже неохота.

– Матвей, выполнишь мою личную просьбу?

– Всегда!

– Пригляди за порядком в харчевне.

– Сделаю.

– Хлипковат у вас паренек-то, – не одобрила мой выбор
Татьяна, – а тут такие рожи иной раз гуляют, что ахнешь.

– Он атаман ушкуйников!

– Здесь не Новгород, у нас в Киеве и не таких бивали!
Район беспокойный, клиент наглый, тут только богатырем
надо уродиться, чтобы меня подменить.

Мы с Матвеем усмехнулись самонадеянности бабищи.

– Тань, а попробуй его сама побить.

– Это можно, – поднялась с топчана богатырка. – За ору-
жие только чур не хвататься, – пришибу.

– Матвей, дай пару не калечащих и не очень болезненных
оплеух, потом сыграй в «захват пленного». Обязательно пре-
дупреди о начале – чтоб не было бабских стонов, – не жда-
ла, была не готова. И вообще, давай поласковой, понежней,
с хрупкой девушкой дело имеешь!

– Это можно, – улыбнулся спецназовец Древней Руси. –
Устроим. Пойдет пара легчайших по ребрам, подсечка и мяг-
кий удушающий?

– Пойдет.

– Начинаем, – предупредил соперницу Смелый. – Уже можешь бить.

Женщина не заставила себя ждать, и кулачина засвистел в воздухе. Эх раззудись плечо, размахнись рука! Получи-ка заезжий детинушка грозный подарочек от киевской богатырши! Тут вам Илья Муромец просил передать!

Только цели на месте не оказалось. Зато наивно раскрывшаяся Танечка практически мгновенно получила с двух сторон кулаками по ребрам, подсечку, от которой рухнула лицом вперед, и была взята на удушающий прием усевшимся ей на спину Матвеем. На все про все ушло меньше секунды.

А бой продолжался дальше. Сначала столичная чемпионка раздышалась. Потом взревела, как бык на корриде, и попыталась стряхнуть с необъятной спинощи ловкого соперника. Удушение не заставило себя ждать. Все! Чистая победа умения над невиданной силищей! О как!

– Ладно, одолел, – прохрипела вышибала, – ловкий черт!

Матвей отпустил хрупкую красавицу и даже подал руку, чтобы помочь подняться.

– Ты, наверное, среди ушкуйников лучший из лучших? По ребрам, будто тяжелой кувалдой дал! Быстрый, как молния! Я даже замахнуться второй раз не успела, а уже лежу, доски пола нюхаю.

– Только под моей командой Яшка Борода и Кон Круглый плавают, а они гораздо умелее меня. И у друзей мужики есть, что в рукопашном бою без оружия меня значительно превос-

ходят. Да и связан я сейчас был в выборе приемов и методах.

– А как же эти бойцы тебя в командирах терпят?

– В настоящем бою умение хорошо махать кулаками – это совсем не главное. Я лучше командую, быстрее принимаю верные решения, свободно ориентируюсь в бою. Когда пора наступать, когда отступать. Не пора ли остановиться, не нужно ли перед боем затаиться, – все имеет значение. У меня потери на ушкуе гораздо меньше, чем у других атаманов. А неловких в рукопашной схватке среди ушкуйников нету. Боюсь тебя огорчить, но со всей твоей силищей, шанса победить любого из наших бойцов у тебя нет. Так что разреши посидеть, – тут Матвей в пояс поклонился собеседнице, – вместо тебя в корчме вечером.

– Ловок, ох ловок бес! – восхищенно промолвила Татьяна. – Женат?

– Конечно.

– Что я дура спрашиваю! Неужели этакого орла бабы, не чета мне, не ухватят! Пошли, полового построим, чтобы знал, свинюга, свое место. А то мне уж приходилось его за наглость и грубость приласкать. Тебе вся эта лишняя возня не нужна, жить тут не собираешься.

– Сейчас, только для солидности саблю прихвачу. Привык за пять лет носить ее постоянно.

– Для него, даже безоружного, убить пять-шесть вооруженных врагов не составляет труда, – сам видел, – встрял я. – Их, ушкуйников, боятся самые опытные княжеские и бояр-

ские дружинники.

– Орел, ох орел! – восхищенно протянула Танюша. – Ну пошли, сокол ты наш, за сабелькой!

Скоро ватага была готова к выходу. Богуслав, из-за до-
нимающей его ближе к вечеру слабости, с нами не пошел,
Матвей был оставлен для поддержания порядка в общепите,
Иван еще не вернулся после визита к будущим нерусским
родственникам, отец Николай негодовал на подлые киевские
замечания к несомненным истинам о светлом облике святых
– было очень похоже на нацарапанное по серебряному окла-
ду драгоценный иконы матерное выражение.

Емелька стал просить о выдаче какого-нибудь вооруже-
ния.

– Вон у Татьяны сундучина какой оружия полон! Задарит
пусть саблей или мечом каким недорогим, гораздо сильнее
сражаться буду.

– И побьешь врага, как Архангел Михаил, Архистратиг
Небесного Воинства?

– Ага, – клюнул на простенькую наживку глупенький
представитель паствы протоиерея Николая.

– И да воскреснет Бог, и расточатся врази Его?

– Да, да!

– И живых врагов ты не оставишь после себя?

– Нет, нет!

– Молодец! А теперь гони за убыток семьдесят гривен!

– Как же это, – растерянно пробормотал православный бо-

гатырь, невнимательный к предыдущим речам, и не очень ловкий в счете, – за что же такие деньжищи с меня?

– За твою дурасть и невнимательность! – загремел я. – Слушать надо ухом, а не брюхом! Сколько талдычили сегодня, что убивать в Киеве нельзя, дорого встанет, а ты в это время где был? О шляхах мечтал? А теперь дайте ему оружие, он расточит всех врагов, а все остальные должны за его вшивую удаль расплачиваться?

– Да я..., – чуть не плакал Емелька, видимо думая: а как все хорошо начиналось, прямо как на дорожных проповедях святого отца, и вдруг такой облом!

– А ты, дурачина, идешь сейчас лупить врагов без всякого оружия, и не дай тебе Бог кого-нибудь из разбойников покалечить или убить, можешь считать себя уволенным, и убирайся тогда на все четыре стороны! На даровой ночлег и ужин сегодня не рассчитывай – дармоедов кормить не буду!

– Я иду, уже иду!

– Идет он, идиот! Оксана, уведи этого бестолковца на двор и растолкуй ему, о чем тут знающие люди битый час уже толкуют!

Худая, но очень цепкая столичная штучка, тут же уволокла Емелю на улицу.

Что-то я злее боярина-дворецкого делаюсь, поднабрался что ли от него? А общаться с людьми надо с любовью и ласкою, а не грубо их драть с рывка да с тычка. Вот отведем метеорит, начну делаться тихим и ласковым. Оставшимся в

живых буду петь колыбельные песенки перед сном и рассказывать сказки с хорошим концом. Отдыхайте, мишки и зайки, после трудов праведных, – мы, чудом уцелевшие в трудном походе, будем жить долго и счастливо. А сейчас за грубый нрав не взыщите – не для себя, для всего человечества, для всей вашей параллельной Земли стараюсь. И мне тоже есть кого в этом мире неистово беречь – моя любовь тоскует одна в Великом Новгороде, готовясь рожать для нас любимую в будущем дочку... Ладно, некогда тут нюни развешивать – вперед и с песней!

Завершали беседу втроем. Начал пострадавший конюх.

– Может мне в волка перед выходом перекинуться? Потом назад. Получше буду себя чувствовать, болеть перестанет и драться смогу половчей, сила вся вернется. Сразу поприличней и выглядеть буду.

Мы с боярином переглянулись: что-то сегодня в коллективе было неладно. Хотелось объявлять охоту на врагов народа как в сталинскую пору.

– Ты тоже не понял, для чего обшарпанность твоей рожи нужна? – зверея на глазах, но еще кое-как сдерживаясь, спросил бывший глава Тайного Приказа Новгорода Великого.

– Да все я понимаю, но ведь сейчас идти по столице с таким лицом будет просто неудобно!

– Неудобно тебе будет ползти в сторону терема посадника, когда он будет разбираться, за что мы грабителей пере-

калечили! У тебя должно быть травм не меньше, чем у пятерых бандитов вместе взятых. Поручим это дело Матвею, он юноша в этом деле опытный. У косых с кривыми по одному пальцу отломаем, у тебя, стало быть пять. Подглазину ты хочешь обновить? Ушкуйник тебе потом просто один глаз выткнет. Уж не взыщи – глаз штука дорогая!

– Я не дамся! – взвизгнул оборотень.

– А даваться будешь проституткам в подворотнях, как ты любишь. Матвей обычно не спрашивает – просто делает порученное ему дело. В общем, давай оборачивайся, блесни красивой внешностью.

Олег обвел нас глазами, – может шутим? По нам было ясно, – ох, не шутим... И отломаем, и выткнем...

– Я..., я как лучше хотел... Давайте как-то уладим это дело...

– Можно и уладить. Речей пустых больше не заводи, слушайся командира, глупые выдумки выбрось из головы. В общем, сейчас тоже иди на улицу к месту сбора.

– А где у нас место сбора?

– Да где соберетесь, там вам и место!

– Что это он так о внешности своей сегодня печется? – спросил слабоватый в психологии я.

– На Танюшку-богатырку запал, – просветил меня туповатого Зигмунд Фрейд 11 века.

– Да ну! – не поверил всего трижды женатый я.

– Вот тебе и ну! Баранки гну! Как согну, дам тебе одну!

Фразу о трудоемкой работе с хлебобулочными изделиями Слава подцепил у неизвестного пришельца из 21 века.

– Как увидал сегодня этот обделенный последние годы женской лаской мужик, каким успехом пользуется только что избивший славную девушку Таню ушкуйник, так его и растащило! Хочется тоже чем-то блеснуть и урвать хоть кусочек богатырской ласки. А чем тут блеснешь? Битой рожей?

– Может и так...

– Воистину так, сын мой, – спародировал протоиерея весельчак боярин. – Правда сия велика есть, и трудно вам, сырым и убогим умишком своим, охватить ее всю! Истину тебе глаголю, сынишка, истину!

Слава богу, подумалось мне, хоть ненадолго отвлекся от мечтаний о юной рыжеволосой французской красавице старый черт, перестал падать духом.

Закончим тут дела, разберемся и с Бургундией, и с Нормандией! Покажем стране, будущей законодательнице моды и косметики, русскую удаль! И история тесных взаимоотношений Руси и Франции начнется не с наполеоновских войн и взятия попеременно то Москвы, то Парижа, а со скромной поездки русского боярина Богуслава, возможно с побратимом Володькой, аж в 11 веке в малюсенький городишко Мулен. (Жаль, что не в самое известное парижское кабаре «Мулен Руж», конечно...)

Хотя уже была Ярославна, королева Франции. И до нас русский князь Ярослав Мудрый поработал над выстраивани-

ем хорошего для Франции династического брака французского короля Генриха Первого и своей дочери Анны, заливая в Капетингов, а потом через родство с ними, и в Валуа с Бурбонами, свежую русскую кровь.

И потомки Рюрика сидели на французском троне до 1793 года. Бурбоны во Франции и сейчас рвутся на трон, но страна, положившая начало удачным революциям против императоров и королей, пока их назад не допускает, ехидно напевая при этом «Марсельезу» Руже де Лилиа, а русские эмигранты их поддерживают исполнением этого гимна Франции на русском языке в переводе Николая Гумилева:

Чего хотят злодеи эти,
Предатели и короли?
Кому кнуты, оковы, сети
Они заботливо сплели?
То вам, французы!

А в Испании всю царствует Его Величество Филипп Шестой из испанских Бурбонов, дальних родственников французских королей. И гордый испанский народ, вроде, не особенно умаялся от королевских кнутов, оков и сетей...

Греко-византийского имени Филипп до королевы Анны в Европе и не знали, и королей называли как угодно, только не Филиппами.

Но Анна была девушка образованная: говорила на нескольких языках, в том числе и на греческом, языке, равным латыни в Византии, а византийские идеи и в религии, и

в образовании на Руси в 10 – 11 веках главенствуют. И как-то так само получилось, что строгий и властный 43-летний король Генрих Первый, абсолютный монарх, муж и повелитель для скромной 18-летней девчонки из неведомой Руси, своим высочайшим повелением назвал первенца Филиппом, а тот, после его смерти, оказался таким славным королем, что был сильно любим народом. И имя пошло в народ.

Только среди французских королей Филиппов было пятеро, а ведь имя пошло и в Испанию, и в Португалию. Как возьмут французскую принцессу замуж в соседнюю страну, так и жди малыша Филиппа наследником престола. А ведь это все – русский след, отголоски крови Анны Ярославны.

Правда, среди российских императоров Филиппов не было, и в народе остался известным и любимым только неутомимо рвущийся в школу толстовский Филиппок, которого добрый учитель выкидывал из этого очага культуры и образования с криком: задолбали эти крестьянские детки, а больше всех мелкий Филиппок! А все дети, вынужденные ходить в школу второй половины 20 и начала 21 веков Филиппку яростно завидовали...

– Жаль, я с вами пойти не могу, силы будто кровосос какой выпил. Так что иди к ватаге, и не посрами великого звания боярского! Правда, и боярин-то ты какой-то не очень, одно слово – свежесделанный. Смотри, не вернись, как волкодлак – побитый да ограбленный. Не забудь взять Марфу для усиления – отобьет вас от врагов. Лучше бы тебе день-

ги здесь оставить. В общем, беги, сынку, старайся.

– Есть, дядя Слава! Не подведу! – подкинул я руку к мифическому козырьку не менее мифической фуражки будущей, но отнюдь в свое время не мифической славной русской, грозной советской и устрашающей российской армии. Мы всегда за мир во всем мире, но при необходимости можем и вздуть любого врага. А до фуражки еще несколько сотен лет всяких папах и киверов.

На улице уже все были готовы. Матвей вышел нас проводить.

– Если незадача какая случится, – негромко сказал он мне, – пошли за мной, придется этих гнид все-таки убить. Я вас потом где-нибудь за Киевом подожду. Валите все на меня, мол сами этого бандюгана впервые видим, среди них сидел. Имущество наше стали делить, видимо передрались между собой.

Я обнял его перед уходом.

– Спасибо, браток. На тебя всегда можно положиться. Как говорят арабы: лучшее лекарство – это огонь, а решающий довод в споре – это меч. Если я схожу и не вылечу, ты и один против пятерых не проспоришь.

– На досуге ходим в церковь, станем побратимами, – подытожил лучший боец нашего отряда.

– Ничего, что у меня уже есть один?

– Будет двое. И у меня будет вас двое, – про Ермоху-то не забывай. Если меня не станет – ему помогай. – Я кивнул. –

Бегите. С нетерпением буду ждать.

И мы отправились на разборку с местными грабителями, а Матвей вернулся в обеденный зал стращать пьяных и особо наглых.

Стоило нам отойти от корчмы, как Оксана отманила меня от толпы, придвинулась к моему уху (мы с ней были почти одного роста) и горячо зашептала:

– Я слышала, что тебе этот, с саблей, сказал, на которого Танька тащится, ну тот, который ее прибил!

– И что?

– Я могу помочь!

– В чем? – удивился я.

– Если вас одолевать будут, я за бойцом быстрее молнии слетаю!

– А я за это время разбойников еще быстрее истреблю.

Худышку аж откачнуло.

– Ты тоже из ушкуйников?

– Нет. Но они меня учили.

– И бьешься прямо как они?

– Ушкуйники половчей будут, но обычный необученный человек не заметит разницы.

– Опасаюсь я вас, таких бойцов. Стукнет такому чего в башку, свернет мне голову, как куренку, и не перестанет даже любовью заниматься.

– Мы, новгородские, не такие, – успокоил я девушку. – Мы только для врагов опасные.

Она немножко посомневалась, но все-таки тяга к стяжательству пересилила страх. Оксана кокетливо мне улыбнулась и, как бы невзначай, сделала тонкий намек на толстые обстоятельства:

– Может потом с нами третьим пойдешь? А то дома жрать нечего! Если хочешь, я здоровяка прогоню, тебя одного оставлю. Только тогда это немножко дороже встанет, все-таки знатный человек – боярин, это не какой-то там хухры-мухры.

– Спасибо, обойдусь, – отмел я сразу оба предложения. – Не хочу я ласки чужой женщины, да еще и за деньги. Жену очень люблю, и изменять ей не стану.

– Зря брезгуешь. Чего ваши новгородки против меня? Звук пустой! Я тебе такую радугу устрою, до конца жизни вспоминать будешь Ксюшку искусницу и умелицу. Одарю, как в русской сказке.

– Ты как думаешь, сколько мне лет? – задал я героине многочисленных русских сказок вопрос на засыпку.

Она сходу и засыпалась.

– На вид лет 25-30, но кто вас бояр знает, может какие особые растирки у шведов или немцев покупаете. Самое большее – 35.

– А мне 57. Мы с боярином Богуславом погодки. И не вот что я провел праведную жизнь в постах и молитвах. И работал день и ночь, бывало голодал, мерз, тонул в ледяной воде, в водке и жратве себе не отказывал, и помотало меня

по разным городам и даже странам, а особо не постарел. А почему?

– Почему? – эхом отозвалась киевская развратница.

– Потому что женщин в моей нелегкой жизни всегда было вволю. Очень был охочий до баб. Помоложе был, сшибал влет, как тетерок, мне все нравились. Старался ни одной не упустить. Но никогда женщину не покупал, нигде и ни разу. И за долгие годы такой жизни навиделся этаких изысков, и попробовался этаких чудес, каких ты и не видала, и не пробовала. А о чем-то может и думать боишься, прячешься ночью в кровати под одеяло.

– Расскажи и покажи! – загорелась ударница старейшей профессии, – делай со мной что хочешь! Чего хочешь перетерплю и стерплю, все твои причуды вынесу! Денег не надо, да чего там, мамкину прялку продам, и сама тебе заплачу! Только не отказывай в невиданной ласке! Рабой твоей буду! Ноги тебе буду мыть и воду пить!

Девушка увлеклась и кричала о своих эротических мечтах на всю улицу. Особенно красиво звучала история о намерениях сбыть матушкину прялку. Всегда приятно видеть увлеченного своим любимым делом человека.

Но на нас уже озирались прохожие, и мои бойцы глядели удивленно – как это я этак ловко раскрутил прожженную жизнью деваху, которая уже не боится ни бога, ни черта, и на которой, казалось клейма поставить было негде. И, самое интересное, так быстро! Особый боярский стиль, голуби мои,

это вам действительно, не какие-то там хухры-мухры!

Ладно, хватить веселить столичную публику, на серьезное дело идем. Пора пресекать работницу топчана и кушетки, ловкую киевскую тварь постельную.

– Переставай беситься, ничего у меня с тобой не будет. Не запала ты мне в душу, не увлекла. А я жену неистово люблю, и изменять ей со всякой дешевой подстилкой не стану. Вон мальчишкой пойди займись – больше пользы будет.

Оксана встряхнулась всем телом, как уличная псина после ливня, сбросила с себя боярское наваждение, и, похабно покачивая и виляя бедрами, отправилась дальше прессовать молодого. Вновь послышался ее нахальный и уверенный в себе говорок:

– Да пошутковали там с вашим боярином, не бери в голову! Пока я с тобой, буду к тебе только привязана, как верная женка!

Парень тихо млеет. Мир и спокойствие озаряли наивную богатырскую душу ласковым светом первой серьезной привязанности к женскому началу.

А я, глядя на эту идиллию со стороны, еще раз уверился, что даже если бы в моей жизни не было Забавы, на этот киевский сухостой не позарился бы ни за что! Как выражались в 20 веке хохлы о приятной женской фигуристости: берешь в руки, – маешь вещь! А у этой худобы за что прикажете братья? За рубильник носа? Больше, вроде, не за что. Вся плоская! Подиумная модель 11 века, понимаешь ли.

А рядом влюблялись еще два ласковых голоса.

– Эх, не повезло мне с рождения, не дал бог фигурки красивой! На что мне силища дикая, если ни одному мужику никогда не нравилась.

– Но есть же у тебя сынок, значит полюбила в свое время кому-то.

– Только не помню кому. Ксюшка, шалава, заволокла как-то по юности на берег Славутича, пристроились к взрослым мужикам. Те по пьянке и рады стараться, – налили водки, как себе. Я было отказываться, сроду не пила до этого, а Ксюшка за рукав дергает: не позорься, не обижай мужиков, они от всего сердца налили. От нас с тобой парни шарахаются, кобылами дразнят, так хоть с мужиками по-человечески посидим, с нас не убудет. Я, дура молоденькая, и шарахнула. Аж света белого не взвидела! После этого ничего и не помню. Заволок, видно, кто-то в кусты и по пьянке оприходовал. Может и всей толпой отличились, падкие до землянички оказались. Потом хвалиться перед другими: да я до сих пор девок порчу, мне еще сносу нет. Не гляди, что седоватый – седина в бороду, бес в ребро. Вот так девичьей невинности и лишилась. С подруги-то не ubyло, она уж с год перед каждым встречным-поперечным ножонки-то раздвигала, успела уже и плод вытравить. С той поры не беременеет. А я, наивная глупышка, враз и залетела. Как взялись и мать, и всякие родственницы, тетки да бабки, меня долбить! Мы уж бабку-травницу нашли, выпьешь ейные корешки и трав-

ки – враз скинешь! Есть знахарка, отомнет тебе пузо в бане, горя знать не будешь! Не дала я им ничего с Максиком сделать, не позволила кровинушку мою убить. Как обозлили окончательно приставаниями своими неразумными, сунула им под нос кулачину и пообещала: кто еще на дите мое посягнет, пришибу! А сила моя уже была известна. Пошущу-кались, пошептались между собой эти кумушки, да и разбежались. А сейчас сыночек мой золотой каждый месяц зримо подрастает, крупнеет, и делается все более сильным. Даст бог, унаследует силушку мою богатырскую. Не пришиб бы только кого из ровесников по малолетней неразумности. Не умеет еще соразмерить силу удара с нуждой в нем, горячится дитя неразумное. Он единственная радость моей жизни.

– А мужчины нет что ли рядом? – как-то слишком заинтересованно спросил Олег. – Ты же целый день на виду, посетители, поди, толпой возле тебя вьются, манят кто-куда.

Таня горестно вздохнула.

– Вот и я спервоначалу так думала, потому и польстилась на эту гнилую службишку. Думаю себе: плевать, что платят гроши, хоть мужичком обзаведусь. Пусть немолодой будет, бедный какой-нибудь, некрасивый, словом завалященький, плевать – лишь бы мой, и был при мне! Я уж и так, и эдак, и красилась всячески, и одеколонами поливалась – бесполезно. Одеваться взялась, в кокошнике да в душегрее красовалась – никому не нужна, никто не польстился. Взялась просто пьяных к себе утаскивать, самых плохоньких выбирала,

дрянь из дряней пыталась подобрать. Пока пьяненькие, все более– менее, – валяются, жрут да пьют за мой счет, иногда, правда крайне редко, и в постель с собой зовут. Танюшка, Танюшка, дай то, дай это. А как отчухаются, протрезвеют, и поминай как звали! Из троих еще ни один не вернулся, не объявился никак. Будто всех троих черти с квасом съели! А уж как я с ними гаденышами сюсюкала, как ублажить пыталась! Никакого проку нету! Никому не нравлюсь!

– Мне нравишься.

– Это ты так, в шутейном разговоре, просто чтобы девушку уважить? Чего во мне нравится то может? Толстенная и грубая коровица, да еще с хвостом – неведомым мальчишкой, неизвестно от кого прижитого?

– Мне все в тебе нравится: и как говоришь, и как ходишь, и руки твои красивые. Жаль, ноги еще не видел – тоже, поди, красота неопишная.

– Это у меня-то?

– У тебя, конечно, у кого же еще.

– Ты может, унижить глупую бабищу решил, надругаться решил духовно над одной из столичных шлюх? Гляди, я ведь и пришибить могу! – она совала оборотню под нос дрожащую кулачину.

Голос тоже дрожал. Тут все было ясно, – на девушку внезапно обрушилось невиданное, огромное счастье, а она боится поверить, ошибиться в очередной раз... Эх, я бы ей сказал... Только нельзя сейчас чужому вмешиваться, как уж бог

даст... И Бог дал! Олег уверенно поймал руку богатырши, прижал трясущийся кулак к своей груди, поцеловал его, и нежно сказал:

– Танюшенька моя дорогая, я прошу у тебя руку и сердце моей единственной любимой женщины в этой жизни – твои. И прошу, не отказывай! Я, конечно, уже немолод...

Девушка, не дослушав, вырвала толстенную ручищу, зарыдала и унеслась. Ошарашенный Олег растерянно озирался.

– Я чего-то не то сказал? Обидел чем-то? Говорил я, синяк надо убирать...

– Не волнуйся – успокоил я волкодлака, – сам с богатыркой живу, видал такие виды. Это в ней силушка богатырская выиграла, потребовала выхода. Сейчас кружок по Киеву даст, лишняя сила в землю уйдет, и назад прибежит.

– А если не понравился я ей? По сердцу не пришелся?

– Значит еще скорее от женского любопытства назад прибежит, никуда не денется. А там еще поговорите, глядишь дело-то и сладится.

– Может за ней бежать?

– И думать не моги! Стоишь и стой до последнего. Покажи свою верность Татьяне. Надо будет – до ночи стой, надо – до утра это место карауль!

– Да мы, вроде, по делу идем...

– Наплевать на эти дела! Надо будет, и без тебя сходим, не задастся чего, бросим и думать об этой мелкой дряни. Одену,

обую тебя завтра, дела переделаем, да и уберемся из столь-ного града Киева. Или ты это так, над девчонкой просто из-галяешься? Превосходство свое показываешь?

– Да ты что! Влюбился вдруг без памяти, места себе не нахожу! Только о ней и думаю! Ждать буду.

Поглядел ему на грудь – мощно полыхал оранжевый факел любви. Не играет мужик, не рисуется – вляпался конкретно. И не за постельные утехы борется, душа его к Тане просится.

К нам подошли уже обнявшиеся Емельян и Оксана.

– Часто она так бегает?

– Бывает.

– Надолго исчезла?

– Самое меньшее на полчаса. Бывает, что и по два часа нету.

– Ждем час и уходим.

– Нам бы отойти...

– Куда вам переться? Ищи вас потом по всему Киеву! – жестко пресек я молодежь, заглянув в их затуманенные поволокой желания глаза. – Тут валите!

– Посреди улицы прямо уважите девушку? Я-то, конечно, потерплю, можете прямо втроем отличиться, но Емеля может не потянуть. Молод еще. Первый раз желает один и в некоем уединении...

И такие наглые песни после моих рассказов о том, как я люблю свою жену! Думает, что я, нарасказывав о своей

необычайной любви, подамся вместе с первой попавшейся шлюшкой повеселиться? А говорит уверенно, значит бывали прецеденты? Эх, кобели средневековые, проституты феодалские...

А неплохо было бы нам с Олегом с двух сторон эту горячую киевскую девчушку прямо посреди улицы начать баловать, побрякивая от удовольствия, и тут с разных сторон выпустить богатырку Забаву и богатыршу Татьяну. Какие отбивные получились бы из двух новгородских котлов помойных! Просто было бы любо-дорого взглянуть на эти кулинарные изделия!

– Стойте здесь! – рявкнул я, – сейчас уединитесь, ... вашу мать!

Я подошел к ближайшей калитке в глухих окрестных заборах, и начал ее остервенело пинать. Пора заканчивать общение со всякой киевской поганью! Шутки стали похожи на их образ мышления, и я начал ругаться матом, что запрещаю себе делать даже в мыслях уже лет десять!

Дворовая собачонка остервенело залаяла, но не получая подкрепления в хозяйском лице, обреченно завывала. Такой и застал эту дивную картину домохозяин, все-таки высунувшийся из избушки: калитка ходит ходуном так, что кажется, будто в нее бьют тараном, а псина чует неминуемую скорую гибель и потому воет.

Неожиданно завывала в тон заборному неведомому другу и Марфа. Вот от нее то уж совсем не ожидал! Алабаи и лают

то редко! Может там у них помер кто-то? Неожиданно заинтересовался новыми звуками Олег, и как-то паскудно тоже начал подвывать. Собачий лай я перевожу легко, а вот понимать их вытье как-то еще не сподобился.

– Тихо, тихо, вилк! – попытался унять хозяин своего психопата, – кого там черт принес?

Новые рулады от всей троицы зазвучали во всем блеске.

– Друзья? Откуда у нас тут друзья? Я здесь поляка ни одного не встретил. Только если к тебе из лесу родственники подошли с визитом.

А ведь он говорит по-польски, осенило меня. А вилк – это волк! Мой внутренний переводчик просто не озаботился мне сообщить, что автоматически включился в работу и звучит речь наших двоюродных братьев-славян. А языки еще так похожи, что я понял бы и без перевода.

Загремела щеколда и широко распахнулась калитка.

– Матка Боска Честоховска! – заорал вышедший к нам двадцатилетний красавец, высоченный и видный поляк, – наши пришли! Захарий! Хлопцы! Выбегайте все скорей! – и сгреб меня в стальные объятия.

Тут и я опешил. Откуда в Киеве наши? Что это за польская диаспора? У меня в роду и украинцев-то с белорусами сроду не водилось, про каких-то иностранцев никто и не заикался. Никаких поляков я и в Новгороде то не видал, да и в прежней жизни не встречал.

Знакомство было шапочным, по талантливым польским

фильмам, да по безмерному моему уважению к великому полководцу времен Великой Отечественной Войны маршалу Константину Константиновичу Рокоссовскому.

Из дома высыпали человек пять во главе с могучим седобородым старцем, и все – волхвы! Старейшина подал мне широченную ладонь, жесткую как лопата.

– С прибытием, брат! Я – Захарий, бывший учитель новгородского Добрыни. Яцек, да отпусти ты человека! Измял, поди, всего, медведь ты польский!

Глава 12

В моей слабой головушке наконец-то все сложилось. Великий волхв Захарий, которого мы с Богуславом планировали поискать завтра, неожиданно нашелся сам, да еще с оравой сподвижников. Вот они-то и наши! А поляк, конечно тоже волхв, на консультации в киевскую научную школу прибыл. Волхвов я теперь определял безошибочно, уверенно отличая черных от белых – Антекон 25 постарался.

Народ был горячий, в основном молодой. Они хлопали меня, освобожденного из дружеских тисков объятий Яцека, по плечам, спине. Хорошо, что никто не догадался сильно хлопнуть по голове! Голову жалко, я ей работаю. От поцелуев отказался сразу, дерзко заявив:

– У нас в Новгороде это не принято!

Не любитель я с мужиками целоваться, ох не любитель. Провинциал, одно слово.

– Что за люди с тобой? Оборотень-то еще так сяк, вдруг

куда понадобится, а эти, парень с девкой?

Я вздохнул. Пока понадобились мы оборотню.

– Меня Владимир Мишинич зовут.

– Мы знаем! – крикнул кто-то из молодых, – Добрыня нам сообщил! Завтра-послезавтра только тебя ждали.

– Парня с девушкой мне пристроить куда-нибудь на часок надо. Хозяин кто этого двора?

Высунулся чернобородый здоровяк постарше остальных.

– Я хозяин, Павлин звать, – прогудел он. – Чем могу помочь?

– Какой-нибудь свободный сарай или сеновал есть?

– Есть, как не быть. На сеновале, кроме сена, ничего больше и нету.

– Заведи туда на часок этих двух ухарей, – обрадованный решением шкурной проблемы я показал на Ксюшку с Емелей, – заплачу, сколько скажешь.

– Маме своей заплати, за то, что тебя такого умника, родила. Мы с брата-героя, который всю Землю защищать идет, жизнью на каждом шагу рискуя, никогда копейки не возьмем. Не надо нас, киевских волхвов, оскорблять. Скажешь завтра с тобой умирать надо пойти, все пойдем. Так, братья? – он оглядел молодежь.

– Так! – слаженно рывкнули волхвы.

– А вы идите за мной, – рыкнул борода богатырю с девицей и повел их на сеновал.

– Ну а мы в дом, – потирая ладони друг о друга, добавил

Захарий, – нечего тут на виду ошиваться. Волкодлака с собой берешь?

– Пусть возле двора покараулит, – отмахнулся я, – ему есть чем на улице заняться.

– Твоя интересная собачка уже столковалась с моим Горцем, думаю, такую подругу он не обидит, – улыбнулся Яцек.

Длинношерстный, белый с черным носом и кончиками ушей, Горец вдруг внятно провыл:

– Угуу, хозяиуун, неуу обижууу...

Вот и я этот собачий вой начал понимать.

– Ты же, вроде, его вначале волком звал? – спросил я Яцек.

– Это я в шутку его так зову. В их жилы, татранских подгорных собак, или подгалянских овчарок, много волчьей крови добавлено. А кличка его Горец. Мы с ним почти от самых Татр пришли, недалеко от Кракова живем.

– В дом, в дом, хватит тут, на юру, болтать! – оборвал нашу кинологическую беседу Захарий, – там и поговорим...

– И польской зубровочки выпьем, – задорно влез Яцек...

– И закусим, чем бог послал! – прогудел Павлин, затолкавший уже нашего похотника со столичной беспутницей (вот как мне надо мыслить – церковно– пристойно, а не похабно-погано, как прежде!) на сеновал, который с сегодняшнего дня, после того, что там сейчас начнет твориться, уместней будет называть сеноповалом.

Мы прошли, присели за широченным столом, который су-

пруга Павлина махом прикрыла праздничной скатертью. Га-лина Дормидонтовна, сноровисто накрывала на стол, прино-ся кушанья с кухни с невиданной быстротой. Заминка у нее произошла всего один раз.

– Павлик, – смущенно спросила она мужа, – а водку какую подавать: обычную нашу, или желтенькую польскую?

– Желтенькую тащи! А кончится – и нашу употребим! Все кончится – нерадивых хозяек вон со двора!

– Ой, ой, ой – забоялась замордованная зверем-мужем средневековая русская домохозяйка, – как бы тебя самого,этакого видного краснодеревщика, на дрова под шумок не пустили!

Но, чтобы не дискутировать на пустом месте, принесла и нашу огненную воду, и польскую зубровку. В общем, пока еще Польша не сгинела, да и Русь-матушка не подкачала, на-ливай!

Выпили, неплохо закусили. Да, хорошо. Потом главарь удалил всех моих новых киевских, и таких еще молодых род-ственников, словами:

– Рановато вам еще кое о чем слушать.

Кроме него, естественно, остался я, как главный доклад-чик, Павлин, как хозяин дома и второй по старшинству в ко-манде, а также, по непонятной причине, Яцек. Когда поляк выскочил из комнаты по малой нужде, я спросил о причине такого привилегированного положения иностранца.

– Он здесь никого, кроме нас не знает, – объяснил при-

чину своего решения Захарий. – Ребят я через часок-другой провожу по домам, а он тут при мне останется. Надеюсь, сегодня вечером или завтра утром, и ты к Павлину въедешь. Растрепать поляку наши секреты будет некогда и негде.

Яцек вернулся и началась беседа. Захария неприятно удивила история про удар в сердце Богуслава, нанесенный рукой ведьмы.

– Ишь, как рано пытаются устранить самых опасных соперников, – заметил главный киевский волхв, – боятся прямой схватки, гады.

Зато истории о помощи антеков его порадовали.

– Давненько о чудах и копарях слышно на Руси не было. Думал, что исчезли совсем. А они, хоть и затаились, на нашей стороне.

– А у нас, в Татрах, краснолюдов полно бродит, – заявил уже раскрасневшийся Яцек, – с утра до ночи стучат своими молоточками!

– Это горные гномы, – объяснили мы бойкому юноше, – совсем другая раса. Антеки лесовики, у них и молоточков-то никаких нету. Зато в магии они очень сильны.

– У них кто сейчас в князьях? – спросил меня Захарий. – Когда я тоже был юношей, мой учитель рассказывал мне об их то ли князе, то ли царе, Антеконе 25. Ему в ту пору было лет двести, может даже и больше. Вряд ли он еще жив, конечно. Кто пришел на его место?

– Сейчас ему гораздо больше, – усмехнулся я, – и назы-

вает он себя император Антекон 25. И конечно, живее всех живых. Довольно-таки боек – в конце нашей беседы просто растаял в воздухе.

– Сколько же они живут? – пораженно спросил Яцек.

– Мне он не рассказывал, – я развел руками, – просто осыпал всяческими дарами.

– А что, что дал? – горячился иностранный подданный.

– Обещал всяческое содействие и помощь.

– И это все?

– Все.

– Обманет, – разочарованно махнул рукой Яцек.

– Все может быть, – не стал спорить я, – время покажет.

Пока пообещал вылечить нас с Богуславом от кровопотери.

– А ты то тут причем? – удивились собеседники.

– Слишком много я раненому своей крови перелил.

– А разве так можно? Говорят, что чужой кровью можно убить человека.

– Можно, если перелить неумеючи.

– А ты умеешь?

– Случайно – да.

– Где же выучился?

Тут я напрягся. Ладно Яцек и Павлин, они как кудесники может и не блещут, но почему главный волхв не видит, что я из далекого будущего? Совсем от старости нюх потерял? Его ученик Добрыня увидел это сразу же. Ладно, дальше буду врать напрапалую, в ситуации надо разобраться.

– Учился в Дамаске, у арабов.

Эта версия всегда прокатывала в Новгороде на первых порах.

– Ладно, подошло время расставаться, – бодренько хлопнул себя по коленям Захарий, – Павля, зови Галю, пусть покажет иностранному гостю его комнату, выберут постельное белье, какое ему в Европах привычнее. Володя куда-то по делу шел, переедет к тебе, там и потолкуем об антеках, да о переливаниях крови на досуге. А мне сейчас кое-чему ребят обучить надо.

Павлин крикнул жену, и Галина увела гостя на осмотр покоев, – видно, только передо мной прибыл.

– Что ты нам тут врать взялся? – недовольно буркнул Захарий, – сразу бы мне сказал, что при чужом свое прошлое скрывать будешь.

– А ты что видишь? – решил проверить я умственные способности старика.

– Да не волнуйся ты за меня, я пока еще в полном уме, памяти и здравии! Да и Добрыня передал, что смог о вашей ватаге. А с этими поляками вечно воюем, – то наши князья их грабить полезут, то шляхта во главе с польским королем подсуетится от Руси кусок урвать. Последний раз как навалился Богуслав Смелый четверть века назад у нас на Руси грабить, еле сбыли его назад в Польшу. А ведь он был сын Доброгневы Киевской, сестры Ярослава Мудрого!

Что-то Мудрый, подумалось мне, всех девиц из семьи роз-

дал кого-куда. Ну ладно дочек, так он и сестру польской королевой пристроил! Силен был как дипломат. Ему еще бы дочек пять, так неохваченных княжескими заботами европейских государств и не осталось бы.

– Ладно, давай строго по делу. Что-нибудь, для нас важное, еще имеешь сообщить?

К чему киевским волхвам знать о наших телемостах с Великим Новгородом и Францией? – подумалось мне. Да и тема с изготовлением фальшивой византийской монеты оказалась сомнительной. Поэтому я решительно ответил:

– Ничего важного для дела, пожалуй, больше и нет. Лучше вы мне скажите, чем можете помочь походу, и что тут делает поляк?

– Яцек прибыл от волхвов Польши, а зачем, он сам нам сейчас и расскажет, – сообщил Захарий.

Через пару секунд к нам вернулся Яцек. Да, старый конь еще борозды не испортит! Будто сквозь стены видит.

Поинтересовались у поляка причиной его визита. Оказалось, что он прибыл для согласования времени посылки второй волны групп прорыва. То, что первая ватага, вероятнее всего до Средиземного моря не дойдет, казалось старшим кудесникам Земли Польской, будущей Речи Посполитой, очень вероятным исходом предстоящего похода.

Оказалось, что те же мысли посетили и Захария.

– У нас вторая группа пойдет через неделю после Володиной. В ней будут участвовать все молодые волхвы, кото-

рых вы сегодня видели. Павлин будет у них командиром. Мы пришли к такому выводу, что гибель в этот раз ждет всю Землю. Черным втолковать это не удалось.

– Антеки думают так же, как белые волхвы, – негромко заметил я.

– Мы думаем иначе! – сноровисто вскинулся Яцек, – но даже гибель Польши воспринимаем как вселенскую катастрофу..., – закончил он упавшим голосом.

Вот тебе и раз! Начал за здравие, а закончил за упокой!

– Поэтому и я пойду с парой помощников к Русскому морю. Если у нас у всех не получится отвести камень от Земли, ничего не будет иметь значения – останешься ли ты живым или нет, кто возьмет верх на Земле – черные, белые или церковь. Никого и ничего, кроме обломков, висящих в пустоте, не останется.

– Вот и я нашим ослам про это же самое толкую! – сорвался на неистовый крик Яцек, вскакивая и горячо размахивая руками, – вижу, вижу два совершенно разных исхода! Шаг влево, шаг вправо, приход в дело одного человека, уход другого – и вся картинка меняется! И я должен, должен идти! А эти вшивые шляхтичи мне втолковывают: ты из старших краковских Пястов, вдруг все наследники в главной королевской ветви погибнут, ты будешь наследником престола. Надо будет только мой трон поставить на каком-нибудь изрядном куске, оставшемся от Земли, чтобы было где Ядвисю закопать...

Парень скрипнул зубами. Упал на стул. Обвел нас горящими глазами.

– Ничего я на родине не добьюсь, мне их это мелкое местничество не переломить. Они и сюда-то меня выслали, чтобы хоть чем-то занять. И на все им наплевать! Лишь бы их человек стал королем! Возьмите меня в любую из ваших команд. Как волхв я еще не очень силен, будущее разве что мог раньше предсказывать, но подо мной два коня, сумка серебра и хороший меч на поясе. Верный и особо умный пес будет караулить нас по ночам.

Ну что ж, подумалось мне, паренек молод и горяч, но не трус, и сам хочет рискнуть жизнью ради общего дела, а это многого стоит.

Захарий тоже подумал и сказал:

– Я тебя взять не могу. Втайне пойду, крадучись, чтобы черные об этом не вызнали. И на себя, и на еще двоих сильных волхвов полог сумрака накину. Третьего не осилю, уж не взыщи. Павлин, скажи свое слово.

– Я любого возьму. Мои ребята все волхвы, но один слабей другого. Сказать честно, и сам я особо не блещу. Больше в поделках силен, амулетах да оберегах всяких. Ватага наша не побеждать, а скорее умирать идет, чтобы врага от главных сил отвлечь. Обидно будет, – тут Павлин усмехнулся, – за просто так одного из самих Пястов без всякого толка положить. Владимир, твоя очередь.

– Мне парень нравится, но уж очень много нас идет. Тут

уж о том, чтобы спрятаться, и речи нет. Биться будем на-
смерть, и очень надеемся победить. Я, хоть и атаман в этом
походе, считаю нужным обсудить приход нового человека в
нашу ватагу с более умелым в бою, и гораздо более сильным
кудесником, чем я, – боярином Богуславом.

– Какого же черта ты взялся атаманствовать и что-то ре-
шать?! – гаркнул дерзкий Пяст, – сразу к боярину и нужно
идти!

– Богуслав много лет исполнял при Владимире Монома-
хе обязанности воеводы передового, потом засадного пол-
ков, последнее время был главным воеводой всей дружины.
Закончил эту службу недавно, перешел к сыну Мономаха
Мстиславу, который правит сейчас в Новгороде. Полтора ме-
сяца назад решил пойти спасать мир с моей ватагой бойцов.
Я предлагал ему нас возглавить, но он отказался. Посчитал,
что я справлюсь с этим успешнее.

– А ты кем ранее командовал?

– Мелкими группами людей.

– Много воевал?

– Ни разу.

– Сколько ж боярину лет?

– Пятьдесят восемь.

– И в чем же ты, гораздо более молодой, совершенно
неопытный, и слабоватый волхв, можешь его превзойти?

Ох уж мне эта иностранная въедливость! Здесь простой
русский ответ, типа, – у меня невероятная сила духа! – не

пройдет. Про перекидывание почти на 1000 лет назад, видимо для усиления местных героев, распространяться тоже не хотелось. Доложим версию Богуслава.

– Моя молодость появилась внезапно и без всякого моего участия. Мой возраст равен пятидесяти семи годам. Людьями я командую с двадцати трех лет. Ватага верит только мне, Богуслава не знает. Противостоящий нам черный волхв значительно превосходит по силе всех троих белых кудесников нашего отряда вместе взятых. Наша битва будет сильно отличаться от всех прежних. Чтобы ее выиграть, надо мыслить и действовать по-новому. Я считаюсь мастером неожиданных решений, потому и вынужден командовать. А тоже очень хотелось бы встать под уверенную и опытную именно в таком деле руку.

– Если вдруг убьете Невзора, враз подлетят другие черные волхвы, и вам точно конец, – высказался киевский оптимист Захарий.

– Значит вы втроем в это время по буеракам прокрадетесь, – не стал посвящать я всех в обещанную помощь от подземного народа, точнее, от их императора. – Вы в общении с дельфинами понимаете чего-нибудь? – решил я сорвать хоть шерсти клоч с местных некондиционных овец.

– Не сподобились общаться. Думали, может быть ты в дальних краях научился?

– Да и там никто не умеет. А если каким-то чудом все-таки к морю прорвусь, и с дельфинами случайно столкнусь,

где мне Омара Хайяма искать?

– А просто спросить тамошних обитателей нельзя?

– Он, похоже, прячется где-то – мусульманские гонения за безбожие и вольнодумство.

Павлин загоготал.

– Если чудом его встретишь, обязательно обними и поцелуй от вольнодумцев и кривобожников Киева! – Может быть в рукописях о месте его жительства чего-нибудь сказано?

– Сотни людей читали, ничего не вычитали. Нету, и все!

– Да простые люди всегда обо всем знают! – не утерпел Яцек. – Я в Киеве Захария махом нашел!

– По пути долго искал?

– А при чем тут путь?

– Ты же знал, где находится нужный человек? Страна, город?

– Конечно!

– А я ничего не знаю.

– Да велика ли нужная страна?

– Не мала. Посидите немного молча.

Пока народ молчал, я пропеллером крутился по Интернету. Через десять минут доложил.

– Вероятно великий арабский поэт, лекарь, астроном и математик, автор книги вкуснейших кулинарных рецептов живет, где жил – в каком-нибудь городе Сельджукской империи.

– А много ли там городов?

– Побольше, чем на Руси и в Европе на размахе в сто верст.

– Но сама-то странешка, поди, меленькая?

– Давай прикинем. Ты наши версты знаешь?

– Конечно знаю, – пробурчал Пяст. – В полтора раза они меньше наших.

– Берем наши версты от Кракова до Киева – 860. Ты их конскими копытами промерил.

– Девять дней скакал, – гордо подтвердил поляк, – аж двое коней умаялись!

– В Сельджукской малюсенькой империи от одного края и до другого, от города Багдад до города Ташкент всего 3000 верст.

Яцек ахнул и разинул рот.

– Объясняю для киевлян: от Киева до Великого Новгорода – 1140 верст, до Рязани – 800, а в узенькой арабской странешке, от Кабула до границы с Константинополем, около 3600 верст.

Реакции были разные. Захарий крякнул, а Павлин свистнул.

Вот, братцы, и на ваше необычное мышление нашлась узда. Вы тут мыслили, вроде как Федор Иванович Тютчев:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить,

У ней особенная статья –

В Россию можно только верить.

А тут приперся грубиян из СССР, самой большой страны мира, и показал, что ваша киевская Русь размером с небольшой скворечник. И за аршином даже и не потянулся, с саженью не подкрадывался.

Треснул верстой, поинтересовавшись в Интернете, что почему и как. И сразу все стало ясно. Русская верста – 1066 метров, польские пусть поляк сам пересчитывает. Он князь, ему виднее. Хорошо бы еще и Польше дать по загривку объяснением, где было ее место в Российской Империи – тюрьме народов, но не ко времени. А найти расстояния между городами, дожившими до 21 века, вообще плевое дело.

Продолжим.

– И что особенно приятно будет сердцу спрашивающего, так это то, что народу там изобилие, не как сейчас на Руси. Куча городов, городков и сел, которые они кишлаками называют. Средненьких городишек, вроде Киева или Новгорода, в которых всего по 15-20000 человек, там полно. Называют уважительно городами только те, где живет больше 100000 жителей – Исфаган, Хамадан, Нишапур, где родился наш пропавший. И таких городов немало. Есть у кого спросить о прячущемся 47летнем приличном человеке, большом знатоке и толкователе Корана. Правда, их много в каждом городишке, гораздо больше чем у нас попов. Да может он и не берет в руки святую книгу, а просто лечит, он же еще и лекарь, специально учился. Может заняться и вообще чем-то неведомым. Имя его сейчас неизвестно, назваться может

и чужим, видеть мы его сроду не видели. В общем, искать-не переискать! На сто лет занятием будешь обеспечен! Или гораздо меньше...

Яцек вспыхнул.

– Я самый лучший поисковик в мире!

Скромность – его второе имя, вежливо улыбнулись мы. Свежо предание, а верится с трудом, как талантливо заметил в свое время Грибоедов. Павлин решил первым слегка загадить избыточную похвальбу гостя.

– Не знаю, как у вас в Польше, – лекторским тоном начал атаман второй ватаги, – а у нас способности к поиску закладывают при обучении волхва в первые два-три дня. Любому из нас дай обрывок от рубахи или старый лапоть пропавшего, на дне моря его сыщем. Но ведь тут-то у нас – ни-че-го!

– Если кто-то его видел... – начал было Яцек.

– Не видали! – осекли мы молодого.

– Или слышал...,

– Не слышали!

– Или он написал что-то своей рукой...,

– Не читали!

Меня разговор начал заинтересовывать.

– Яцек, а если я тебе перепишу, то, что Омар Хайям написал?

– А что он писал?

– Рубаи.

Княжич удивился.

– У нас в Польше такого нет.

Судя по лицам моих земляков, в Киеве с этим тоже не густо.

– Рубаи, это стихи-четверостишья.

– Такие коротенькие? Вроде, на дворе трава, на траве дрова?

– Нет. Они очень умные и душевные.

– А поэт в них душу вкладывает?

– В эти – да. И это душа умного гения.

– Прочти! – потребовал эмоциональный шляхтич.

У двух киевских любителей поэзии как-то опечалились лица. Что делать, не всем же любить Хайяма... Я вздохнул и начал.

«Ад и рай – в небесах», утверждают ханжи

Я, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай – не круги во дворе мироздания,

Ад и рай – это две половины души.

– Еще! – каким-то полузадушенным голосом просипел Захарий.

Уважим старика! Авторитетный волхв – учитель моего учителя. Таким не отказывают.

Холодной думай головой

Ведь в жизни все закономерно

Зло излученное тобой

К тебе вернется непременно.

– Господи, – начал раскачиваться на табурете Захарий, –

я об этих вещах думаю десятками лет, дважды пытался излить выстраданные мысли на пергамент, получается какая-то блеклая ерунда. Говорить я могу про любую из этих мыслей хоть сутки без отдыха и продыха, а писать не дано. Не горазд. А тут человек изложил все в четырех простеньких строчках, и так красиво, так талантливо! Я должен с ним встретиться!

– И я должен, – хмыкнул я, – и Павлин рвется, и еще несколько бригад. Буду только рад, если ты найдешь его первым.

– Да, да, увлекся я что-то...

Павлин строго поглядел на поисковика.

– Учужал араба?

– Конечно!

– Где он?

– Там! – показал парень рукой на юго-восток.

– Да что там? Ты дело говори, какая страна, город, нужный район или улица?

– Это все я не знаю. Буду тыкать рукой, пока не приду на место, и не найду нужного человека.

Мы переглянулись. Всем троим было ясно, что без проверки тащить хлопца в поход бессмысленно. Если просто хвастается, то кроме потерянного времени ничего и не будет.

– Я на все три ватаги сделаю по кедровой рыбке, Захарий заговорит, когда-то давно у нас такая вещица для поиска получилась, – проговорил Павлин. – Вы когда уходите? – спро-

сил он меня.

Я повернулся к старшему волхву.

– Сколько мы еще можем побыть в Киеве?

– Думаю, дня три-четыре. Ватаг пять от вас отстали.

– Отлично! – обрадовался я, – глядишь все и переделаем.

– Что это у тебя тут за дела? – обиженно-скрипучим голосом осведомился Яцек, – любовницу еще не посетил? Или деток не проведаль, которые лет тридцать назад от киевских красоток нарожались?

– Я в Киеве первый раз в жизни, знакомых и родни здесь не имею. Но дел масса. Богуславу надо еще пару дней, чтобы полностью прийти в силу. Без него мы не выстоим против Невзора.

– Вот и ехали бы к морю, а по пути отчухивались!

– Здесь мы под защитой Захария, черный в Киев не ползет, самое большое подошлет еще какую-нибудь подлюку. Антекон 25 открыл нам глаза на ведьм, и дал против них оружие, поэтому здесь мы в относительной безопасности. А выйдем за околицу, вот тут-то и жди чудес! И не думаю, что хороших. Желательно ту гадину, что боярина ножом в сердце ударила, отловить. Еще нам надо нашей пророчице развод получить, с иудеями столкнуться, бригадира кирпичников женить, личную жизнь конюху устроить и в бою проверить, из переносчика тяжестей мужчину сделать, и, на всякий случай, в драке на него поглядеть. В основном, вроде, и все.

– Никого не забыл своими заботами охватить? Ты с ними,

как курица с цыплятами, а вдруг кто-то остался позабыт, позаброшен? – все тем же мерзким голосом поинтересовался Яцек.

– Остались неохваченными священник и ушкуйник. Но у них в Киеве дел нет.

– И как же ты, набрав эту толпу увечных и озабоченных, думаешь грозного Невзора одолеть? А молодого волхва и хорошего бойца из Пястов, знатного поисковика не берешь?

– То, что ты поисковик, превосходящий нас троих, это еще доказать надо.

– Я только что доказал! – сорвался на крик молодец.

– Давай и я тебе так же докажу. У тебя преданный слуга есть?

– Как не быть, – сразу успокоился Яцек. – Марек, мой конюх. Очень рвался со мной пойти, да у него с женой какая-то неведомая хворь приключилась. А камердинера мать ко мне приставила, я ему ни в чем не верю. Поэтому ускакал крадучись, один. Некого было с собой взять.

– Вот и спроси меня, Владимир, а где сейчас Марек?

Видя, что мальчишка уже разевает рот, я выставил вперед руку и остановил его:

– Погоди, погоди. Это я все так, для понятности объясняю. Показываю тебе рукой в сторону запада, и туманно говорю: там ищи! Езжай в Польшу, Германию, Францию, Швецию, ну и Англию с Шотландией по ходу обегай. А ты мне: а страна, а город, ну хоть народ какой? А я тебе в ответ: ни-

чего не известно!

– Ты же сам сказал, – сельджуки?

– Они там завоеватели, тюркские племена. А на этих землях испокон веков жили таджики, персы, узбеки, ассирийцы, армяне, грузины, арабы, туркмены, мазендаранцы и прочие нации. Между собой почти не общаются, языки разные. И на одном краю империи никто тебе ничего не скажет о далеком астрономе. Сельджукская империя по размеру примерно равна Западной Европе. Где этот Марек затаился? Проверить я тебя никак не могу, мы очень далеко. Поэтому будем пока ориентироваться на местных деревянных рыбок. А где ты кедр берешь? – поинтересовался я у изготовителя амулетов, – кедрачи, вроде, только в Сибири, далеко за Уралом растут.

– Что за кедрачи такие? – поинтересовался Павлин.

– Лес полностью из кедра, – объяснил я. – Сейчас там русских людей нету, но, когда-нибудь пощелкаем и мы кедровыми орешками.

– Сейчас я беру ливанский кедр понемногу, – очень уж дорогой. Его у нас для икон используют. И орешки у него несъедобные. А вот древесина ценнейшая. Мягкая, но очень прочная. Воды и мороза не боится, никогда не гниет, не боится. Ни один древоточец не осмеливается к ней подсунуться, она никогда не трескается.

– Хорошо бы терем из таких бревен сложить! – помечтал вслух я.

– В Библии много раз упоминается, как из кедра дворцы строили. Но у царя Соломона денег было побольше нашего, поэтому на Руси сейчас в основном из розовой древесины иконы делают.

– А какая разница, что краской покрывать? Дуб тоже прочную доску даст.

– Дуб его умаешься тесать. Эту древесину кое-как топором и осилишь. Свяжешься если из него икону долотцем каким делать, все проклянешь и язычником станешь. А то и просто отправишься поджигать церковь того попа, который тебе заказ этакий навязал. А из кедра иконочку вырезать – это одно удовольствие! Силы не надо прикладывать никакой! Подводишь стамесочку...

– А почему ты меня, как волхва не берешь? У тебя большая часть народа вообще никто и нигде! Ни сражаться, ни колдовать не могут! – внезапно заорал Яцек, вмешиваясь в нашу благостную беседу столяров.

Мы с огорчением посмотрели на молодого нахала.

– Вот у нас в ватаге народу и немало. По трое не крадемся, волчьей стаей идем. Прорываемся нагло, верим в победу. Я уже думаю, как мне Омара Хайяма отыскать, а нам ведь до этого Сельджукского султаната еще немеряно верст идти, и все лесом. Невзор сильнее нас гораздо, с дельфинами тысячи лет люди хотят пообщаться, а воз и ныне там. И никто из тех, что идут, никто! – со мной не спорит, между собой не враждует. А возьми тебя...

– Возьми! – рявкнул Яцек.

...молодого нахаленка, – не обратил я внимания на его призывы, – враз дело и завертится.

– Да я смиренный!

– Только тебя, агнца Божьего, особым смирением отмеченного, в отряд примешь, враз ты еще перед завтраком затеешься с ушкуйником Матвеем спорить, кто из вас на мечах более ловкий биться.

– А чего тут спорить? Меня с самого детства учили.

– А его с самого раннего детства. Слово за слово, кулаком по столу! Не успел я отвернуться, а вы уже боевым оружием на заднем дворе рубитесь.

– Ну не за учебное же нам браться!

– Конечно, конечно. Только так. И именно так! Ты сколько раз за жизнь в боевые походы ходил?

– Один раз, – состроил кислую гримасу княжич.

– А много народу убил своей рукой?

– Да мне отец толком не дает повоевать! Приставил перед битвой ко мне двоих лучших своих бойцов, и запрятал нас вместе с полусотней в рожицу. Объяснили, что мы – это засадная сотня. Большая дружина быстро победила, а полусотня в лесу без дела выстояла. Так что я свой меч во вражеской крови еще не смочил.

– А неловкий против тебя Матвей уже пять раз ходил биться в чужие земли. И у него руки уже не по локоть в крови, а по плечи. Убить нескольких человек, дружинников, во-

оруженных до зубов, для него, безоружного, – привычное дело. А любым оружием он бьется мастерски, может и двумя руками сразу саблями вертеть. Последнее время его избирали атаманом ватаги из тридцати ушкуйников, старше его по возрасту и не менее умелых. Не хуже, чем руками, Матвей умеет бить и ногами. И ты полагаешь, что сможешь его одолеть?

– Ну не знаю...

– Зато я знаю, что вопрос не в том, кто победит, а в том, сильно ли тебя при этом покалечат, или убьют привычной рукой, если сильно обозлишь.

– Да ты прямо русского богатыря расписываешь!

– Не-ет, богатырь у нас другой, Емельяном звать. Тот с лошадью на вытянутых руках вприсядку спляшет. Его Павлин недавно вместе с девицей на сеновал завел. Можешь и с ним, после того, как я тебя у ушкуйника отниму, силою потягаться. Он парень безобидный, добрый. Ты, после его богатырского щелчка, всего дня за три отлежишься – плевое дело. Волкодлака псом позорным обзовешь, и есть с ним вместе откажешься, со священником из-за религии поругаешься, еврейку за иудаизм прижучишь, боярина низким против тебя происхождением попрекнешь, – и дело сделано! Мы из Киева уйти не успеем, а тебя уже вся ватага ненавидеть будет. И гаркнут мне потом в один голос: крути кедровую рыбку усиленно, ищи дорогу как хочешь, а этого шановного пана убирай куда хочешь! А я их веду насмерть биться, и эта

вражда нам в отряде лишняя. Так что лучше бы тебе с Павлином и его ребятами пойти.

Яцек фыркнул, закусил нижнюю губу и унесся из комнаты. Мы немножко помолчали.

– Баба с воза, кобыле легче, – оценил уход княжича Захарий. – Не должно быть в походе дразг, ссор, глупых споров с атаманом.

– Знаешь, Володь, у меня в отряде, конечно, таких умелых бойцов, как твой ушкуйник, и таких мощных силачей, как богатырь, нету, но за излишнее самомнение и чрезмерную заносчивость по шее могут накостылять от души, – добавил Павлин. – Кстати, а как сейчас Русь по размеру?

– В три раза меньше и Европы, и сельджуков.

– Но Польши-то мы по любому больше?

– В четыре раза. А в 21 веке Россия в четыре с лишним раза будет больше всей Западной Европы.

– А скажи нам...

Неожиданно залаяла Марфа.

– Гав – гав, О-ле-га та-щит Та-ня!

Вторил ей Горец.

– У-у-у-вооо-диит...

Убегая, я крикнул:

– Потом договорим!

Татьяна тащила Олежку, учитывая ее неизбывную силу, очень мягко и бережно. Она ласково утаскивала полуголого и побитого кавалера за ручку.

– Пойдем, Олеженька, я тебя привечу, водочки налью... – действовала грозная женщина испытанным на опойцах методом. Олег боролся как лев с грозной соперницей. Он изо всех сил пытался вырвать руку и увещевал киевскую тигрицу.

– Таня! Я обещал хозяина ждать!

Я очень уважаю верность данному слову – по-моему это признак порядочности человека. Мужчина, не сдержавший данное им слово, очень сильно падает в моих глазах. Олега, поэтому, я сразу зауважал. Но пора было вмешиваться в этот праздник выламывания слабых ручек заезжих волкодлаков столичными хищницами. Танюша зарычала:

– Хозяин-мазяин! Мешаться будет, враз пришибу!

Эх, где наша не пропадала! Грозно рявкнул в ответ:

– Татьяна! Куда ты потерпевшего тащишь?! Мы с ним по важному делу идем!

Таня бросила руку желанного, мгновенно обернулась..., и покраснела. Вот тебе и раз! Неожиданная развязка! Я ждал гораздо худшего исхода. Тербя платице на животе, Танечка сбивчиво оправдывалась.

– Я не могу терпеть..., у меня первый раз в жизни так..., говорит сам, что я нравлюсь..., от водки отказывается...

Глаза уже наполнялись слезами. Ну это уж совсем не дело!

– Куда ты его тащишь?

– К нам домой...

– У тебя же там мать, ребенок, они-то как?

– Они погуляют, все погуляют... – голосок уже еле шелестел.

Олег тоже глядит с убитым видом. После нескольких лет хамства жены, на него хотят излить чистое чувство, а он вынужден все бросать и идти отнимать паршивую рубашонку...

Ребят нужно отпускать. Но потом с оборотня службу не взыщешь – месяц из кровати вылезать не будут! Только и будут петь в ответ на приглашение волкодлака в дорогу: медовый месяц, медовый месяц – квартал пролежим... Взять с Олега обещание быстро вернуться? После постели Танюшка из него будет веревки вить, а сейчас уже сумерки начнутся...

Хотя есть еще один выход. Попробуем. Где наша не пропала!

– Сеновал вас устроит?

– Все, все устроит! – заорала ошачливленная Танюха.

Олег все проявлял какую-то нерешительность.

– Да там Емеля...

– Выпроводим!

– Да там твоя подруга...

– Вышибем!

– Может там Павлин...

Тут уже молодуха озлилась. Гаркнула:

– Павлин-Мавлин! – схватила мужика на руки и легко понесла во двор. Процесс пошел! До двери сеновала я долетел первым, стал колотить в нее кулаком и орать:

– Похабное беспутство закончили! Выходи строиться!

Потасканный женский голосок игриво отозвался:

– Богатырь отдыхать изволит после трудов праведных, просим не мешать... Могу пока за небольшую мзду сплясать обнаженная...

– Тебя, дуру, первую, сейчас прямо голую на куски порвут!

Кто-то ойкнул, и в сарае интенсивно завозились. Богатырь и шлюшка вылетели махом и полуодетые. Татьяна тяжелой поступью и с конюхом на руках проследовала вглубь строения. Оксана, поняв, что ее выманили с сеновала незатейливым приемом, с нахальным криком:

– Я тоже хочу! – ломанулась следом за подругой, которую она знала с детства и абсолютно не боялась, желая поучаствовать в групповом сексе.

Ее ждало неожиданное разочарование. После короткой борьбы маньячка-проститутка вылетела с воем из недр сарая.

– Какой-то наглый у тебя народ подобрался, – выразил недовольство моей кадровой политикой хозяин двора. – Во весь голос орут – Павлин-Мавлин! А я на этой улице вырос, пользуюсь уважением. Пойду выгоню всю толпу магическими оберегами из двора!

Как это не ко времени! Помочь может только грубое вранье! Итак, пользуюсь низкой информированностью местных товарищей, начинаю.

– Ты же знаешь, что такое павлин? – спросил я лидера

киевских молодых кудесников.

– Латинское имя, известные римляне носили.

– Я про птицу говорю.

– Слышал о ней, но не видел. Показали только красивое перо из хвоста.

– А такие перья образуют здоровеннейший и красивейший хвост.

– Замысловатая птичка! – крикнул волхв, пытаясь понять, к чему я клоню.

– А голос гадкий. Хуже любой вороны верещит.

– Эка, что в мире божьем творится!

– Но есть среди павлинов настоящие певцы, хлеще любого соловья или малиновки заливаются! Золотые голоса Юга! Да и хвост у них краше, чем у обычных. Вот их-то и зовут павлин-мавлин. Ребята просто тебя добрым словом вспомнили.

– Вот оно как! Спасибо, что сказал. Выйдут твои уха-ри, прямо в ножки им поклонюсь и спрошу: а скажите мне, старому дураку, чем хозяин-мазяин славен? Только враньем особо злостным, или еще и знаниями невиданными? Или если его пришибить, как бабища эта планировала, запоеет жулик пришлый хлеще любого соловья?

Мне оставалось только развести руки – прости, брат, обгадился... Потом мы минут пять хохотали и делились впечатлениями. Емельку с профурой вышибли на улицу. Богатырю я велел восстанавливать силы для предстоящего боя, смиренно посиживая на лавке возле забора.

– Увижу – кулак слабо бьет, всю силу на бабу перевел, прямо там и уволю! И никаких денег не дам. А как расплачиваться будешь за эти свои мелкие радости, не мое дело. Я богатыря нанимал, а не тряпку половую!

Неожиданно из сарая вышел Олег с мрачным лицом. Ишь как быстро уложился! Танечка бежала рядом и бодренько тараторила:

– С каждым может случиться! Там лишнюю рюмку водки выпил, тут в холодную речку залез, всякое бывает!

Мне эти разговоры не понравились, и я быстренько пробежался взглядом по оборотню.

Ох ты ж господи! Что ж я, старый дурак, сразу-то его не поглядел! И перекинуться мы ему не дали! Как же эти твари его пинали! Отбили между ног все, что было возможно. Я аж застонал. Как он сюда-то дошел! А добренький дядя Володя еще и на здоровенную бабу заволок!

– Стонать потом будешь, – жестко заметил Павлин. – Ему сейчас перекидываться срочно надо.

– Да он боится, что Татьяна, как узнает его истинную сущность, сразу прогонит. С женой уже навидался этого вволю. Ту возле оборотня даже дети не удержали.

– Чем его бабу можно отвлечь?

– Она богатырка.

– И что?

– И я ее драться нанял.

– Быстро волоки вервольфа в сарай, а я ее отвлеку, – при-

нял решение Павлин.

– Олег, пошли в сарай, обсудить кое-что надо, – крикнул я оборотня.

Таня сунулась было за нами, но я покачал ей перед носом указательным пальцем.

– С глазу на глаз! Без лишних ушей!

Когда прикрывал тяжелую дверь (от кого он тут сено за такими дверинами прячет?), услышал голос домохозяина:

– Подойди ко мне девонька, помочь бы старичку надо...

Голос был какой-то странный, старческий. Не утерпел, высунулся. В центре двора стоял древний согнутый дед со здоровенной клюкой. Да, этот не обгадится, промашку не даст!

Повернулся к Олегу.

– Перекидывайся в волка, быстро!

– А Таня...

– Быстрее, ее отвлекли!

Тут он не заставил себя ждать. Через три минуты возле меня уже стоял здоровый человек. Робко спросил меня:

– А можно еще раз с женщиной попробовать?

Я опять пробежался по нему глазами.

– Еще как можно! Даже может и нужно. У вас на все про все полчаса. Начинаем! Время пошло. – Приоткрыл дверь и крикнул: – Таня, дело есть! Беги сюда! – а подлетевшей девушке сообщил: – у меня срочное дело в доме. Подождите меня тут полчаса. Марфа, иди сюда, покарауль этих ухарей,

а то вечно разбежаться норовят! Ты, Олег, полежи пока. Как получше себя почувствуешь, покажись собачке. Всем все ясно?

Все покивали, и мы с Павлином опять ушли в дом.

– Это ты морок такой навел?

– Именно так.

– Девица же видела тебя в средних годах?

– Наплевать. Ей сейчас не до нас, возле суженого скачет.

– Может пойдешь с нашим отрядом? Человек ты интересный, полезный. Жалко мне такого бойца упускать.

– Не было бы ватаги наших киевских молодых, обязательно с тобой бы пошел, навязывался бы еще хуже Яцека. Да не могу я их одних бросить, пропадут без меня ни за грош. А так вы может ослабите врага, появится и для нас какая-нибудь лазейка. Я-то уж пожил, дети уже взрослые, а ребятишки еще и не видали в жизни ничего. А так может и повезет кому-нибудь из них, – уцелеет. Вот от поляка зря ты отказываешься.

– Почему?

– Кедровой рыбкой мы воспользовались лет десять назад один раз в жизни. Ливанский кедр дерево, конечно, святое, необычное. Масло его и в благовония идет, попы и на ладан его пускают, и выраженным лечебным действием обладает. А вот по поиску людей опыта никакого нет, дело новое, необычное. Может тогда рыбка показала то, что надо, а может это было совпадение, или просто удача нам выпала,

кто ж знает. Пользовались бы часто, были бы уверены в деревяшке, а так... Я, конечно, сделаю в лучшем виде, Захарий наговор, как надо произнесет, а дальше уж не взыщи, – как бог даст. А Яцек в себе уверен, клянется от всей души.

– Да им, молодым, вечно какие-то способности у себя мерещатся. А приглядишься – дырка от бублика! И щенки эти врут, врут на каждом шагу!

– На вранье можешь его проверить легче легкого.

– И как же? – скептически усмехнулся я.

– Не бывает у польских князей таких простеньких имен. Нет среди них ни Яцеков, ни Марексов. Это все имена простонародные. Если князь, или король, так он Болеслав или Владислав. Не хочет паренек свое имя напоказ выставлять.

– Почему?

– Может боится церковного порицания, или еще чего. Но огласки не хочет, это точно. Проверить его проще простого – спроси об этом наедине, и все дела. Будет врать или вилять, не связывайся с таким человеком, – греха не оберешься. А ответит честно, – можно браться за совместный поиск, определить, годен ли хлопец для поиска неведомого. Ты сейчас куда идешь со своими орлами и орлицами?

Изложил кратенько предысторию.

– Вот и отлично. История с поиском Хайяма один в один, – сделал неожиданный вывод Павлин.

– Почему? – не дотумкал я.

– А вот гляди, – начал объяснения киевский кудесник. –

Ты этих бандитов раньше видел?

– Нет.

– А Хайяма?

– Не встречал.

– Где кого искать, знаешь?

– Понятия не имею.

– И о разбойниках, и о поэте знаешь с чужих слов. В чем же разница?

Вначале я просто обалдел – вот это то, что мы зовем чистой логикой! Алгоритм был задан просто безукоризненно. Даже я, победитель Олимпиады для восьмых классов в физматшколе, не сразу увидел сходство задач! Потом появились сомнения.

– Но ведь Омар Хайям вложил душу в свои рубаи, и я это могу передать. А какая душа у киевских бандитских морд?

– Неужели оборотень в свой рассказ душу не вкладывал?

– Еще как!

– Вот и передай поляку эти эмоции. И проверить будет легко – Оксана при вас, только пусть идет сзади поодаль, и не вмешивается.

– Давай попробуем, – оживилась моя авантюрная жилка. – Показывай его комнату.

Вскоре я уже стучал в нужную дверь.

– Прошу! – неласково донеслось из комнаты.

Чего ж не зайти, коли просят! Увидев меня, княжич молнией взлетел с кровати, где изволил тосковать, проклиная

русскую тупость.

– Берешь?

– Проверить тебя нужно.

– Проверяй!

– Настоящее имя?

Наследник престола замялся. Я молча повернулся к выходу, не люблю трусов и врунов.

– Венцеслав! – выпалил юноша, – но об этом лучше не болтать.

– Я похож на болтливую сороку?

– Нет, но...

– Никаких но! Болтуны атаманами не становятся. Что за имя Яцек?

– Так меня в детстве нянька звала...

– И я буду так звать до конца похода. Почему, отчего решил имя скрыть – не моя забота, чужая печаль. Сейчас будет сама проверка. Найдешь нужного человечка – идешь с нами в поход за Землю биться, не найдешь – уж не взыщи.

– Согласен!

Я изложил испытуемому обстоятельства дела, сделав упор на последних обещаниях Митьки Косого:

– Их вспоминать будешь, меня благодарить.

Вот вам и киевские рубаи! Для чистоты эксперимента приметы преступников польскому волхву не сообщались.

На дворе залаяла Марфа, взвыл Горец. Понять что-то было затруднительно – другая сторона дома. Но мне казалось,

что повод для вызова меня из избы есть всего один – завершение физического слияния богатырской мощи столичной обаяшки с обладателем первого на Руси экземпляра мужских семейных трусов под названием «Мечта оборотня». Уложились влюбленные в 20 минут, не подкачали. Роздал поисковику последние инструкции.

– Минут через десять цепляй к поясу меч, выходи из калитки и сразу ищи нужного нам человека. Мы пойдем сзади. Никаких вопросов, выяснений, разъяснений. Повод к нам обратиться есть всего только один – появление желания сказать честно: я потерялся, выводите меня отсюда. Будешь водить просто так – огорчим.

– Если ошибусь или не найду, оплачу одежду и обувь твоему конюху!

– Похвально, очень похвально. Не торопись, я еще с волхвами пойду распрощаюсь.

Быстренько простившись с Захарием и мальчишками, заверив всех в завтрашнем переезде, вышел на двор. Интересно, куда же делся Павлин?

Татьяна бережно целовала Олега возле двери сеновала. Оранжевые факелы полыхали у обоих на груди. В это же время работающая Галина под руководством нашедшегося мужа рисовала волкодлаку имитацию синяка под левым глазом собственной сурьмой. Через пять минут к нам добавился поляк.

Я простился с хозяевами, вывел на улицу идущих на раз-

борку, и там всем, особенно Ксении, объяснил, что идем за парнем. Яцек двинулся по улице.

– Все беседы насчет того правильно он нас ведет или нет, поощряются хорошим ударом в зубы, – завершил я инструктаж.

Венцеслав шел уверенно, будто по знакомой улице. Горец неторопливо вышагивал рядом. Марфа держалась возле меня.

Заминка была всего одна, когда мы свернули в какой-то проулок. Ксюшка сразу пыталась зароптать, но неприятный вид моего зловещего кулака возле ее носа остудил столичную говорунью.

Оказалось, что зашли в тупик. Князя это совершенно не смутило – мы развернулись и пошли в обход. Надеюсь, что в Сельджукском султанате тупиков не густо.

Еще минут через пять воткнулись в какой-то ободранный забор с сияющей красной калиткой.

– Он здесь, – заверил Яцек.

Оксана подтвердила мнение зарубежного сыскаря.

Совсем неплохо. Очень хорошо. Просто великолепно! Очень важный вопрос был решен. Стенд «Его разыскивают белые волхвы», аналог советскому «Их разыскивает милиция», можно было закрывать, подперев все-таки для верности кедровой рыбкой.

Похлопал зарубежный талант по широкому плечу.

– Ты принят. Если есть какие еще дела в Киеве, быстрень-

ко улаживай, на днях уходим. Ты – редкий молодец, думаю во всем мире таких соколиков не густо. Но все-таки просьба – ребятам не грубить, одно дело делать идем, все одинаково жизнью рискуем.

Иностранец бросился меня обнимать. Я вел себя, как советская интердевочка: терпел без всякого удовольствия и радовался отсутствию запрещенных куратором из КГБ пропагандистки вредных поцелуев. Я вам не ЦРУшница идеологически не выдержанная, которая от такой работы, кроме дешевеньких долларов по 60 копеек, на которые ничего и не купишь в советских магазинах, еще и удовольствие получает!

Объятия длились нескончаемо. Похоже, парень весь городской запас радости из родного Кракова с собой в дорогу выгреб, и теперешнюю столицу Польши впереди ждет на редкость унылый год.

Однако сумерки уже начинались. Нежданные встречи с кудесниками и проведение досуга на сеновале истощили наш запас времени. Вновь берем командование в свои старческие ручонки.

– Яцек, мы торопимся!

Уф, объятия наконец-то закончились.

– Емеля, перекинь Олега через ворота. Олег, откроешь нам оттуда калитку.

Пока я красовался силою своих приказов, недисциплинированная богатырка легко перебросила через ворота самого

Емельяна, очумевшего от неожиданной ласки, и, приобняв своего самого желанного, объяснила:

– Емелька, он богатырь, справится там. А Олежек устамши...

Олежек только млеет от ласковых женских речей. Пока богатырь кряхтел и охал после неожиданного исполнения роли Икара за воротами, я командовал дальше.

– Богатыри, богатырки и устамшие – все со мной в избу! Яцек и Оксана караулят калитку. Всем вновь припершимся давать ответ: Кривой пускать не велел! Ждать тут, пока он занят.

– Мы так не договаривались! – зароптала трусоватая проститутка. – Отдавай мои деньги, я вас в корчме подожду!

– Ты должна хорошо местные бандитские ухватки и словечки знать, для этого тебя и оставляю. Яцек с киевскими разбойниками дела никогда не имел. А почуют они неладное, слетятся сюда с разных концов. Обидно, что уйдешь, сразу пять рублей потеряешь, которые я тебе вместо вшивого рублика выдам.

– Я остаюсь, – сразу же изменила решение смелая сторонница борьбы с бандитизмом. – Я про них такие штуки знаю!

– Вот и чудненько. Яцек, в беседу не вмешивайся. Через забор полезут, – руби мечом, пока Ксюшка за подмогой в дом обернется.

– Да я и без меча..., – начал было бесхитростный польский воин-волхв.

Я помахал в воздухе ладошкой, вроде: нет, нет, и с выражением сказал:

– Вот убежит КСЮШКА (с нами стукачок!) – там и убивай, как хочешь!

– ААА (вот ведь ГАДИНА!), – понял недогадливый зарубежный паренек, – конечно, конечно...

То-то, польский брат-вохв, инквизиции у нас конечно нету, но попы рыскают повсюду. И все чего-то вынюхивают, высматривают...

Мы пошли в избу. По дороге к крыльцу решили сделать так: узнает кого Олег, сразу начинает бандита бить, а мы разбираем оставшихся.

Дверь была не заперта. Зашли. При свете отнюдь не жалких лучин, а дорогих свечей, пиновала банда. Кривой с Косым сидели лицом к двери, в центре стола.

Разбойников было пятеро против нас четверых. Начало матча, счет – 5:4.

Но у нас в козырях был я, обученный ушкуйником по полной программе и двое с богатырской силушкой. А у них кто? Кривой с косым? Ерунда! А против их вооруженности мы выставили внезапность нашего нападения.

И понеслось! Первым ударил Кривого оборотень. Тот ушел от удара даже сидя, тут же прыгнул на Олега и начал его душить. У остальных блицкриг пошел удачнее.

Таня ударила по наглым мордам кулаками сразу с двух рук. Счет стал 3:4 в нашу пользу, аспиды упали и встать не

пытались. Емеля приложил только одного и только один раз. 2:4, паразит хрипел на полу. Я за это время сделал успешного вскочить на ноги Косого ушкуйной мельницей: кулак левой руки снизу в челюсть; удар правой в раскрывшееся солнечное сплетение, или под дых, как это звал Матвей; еще раз правой (но можно и левой!) рукой ребром ладони по задней поверхности шеи согнувшегося ворога. Все! 1:4.

Длилось это все и у всех ровно секунду. Но оставшийся гаденыш, не обращая внимания на наш качественный и количественный перевес, бойко душил вервольфа. Я было сделал шаг в сторону распоясавшегося Кривого, желая помочь любимцу коней, но не успел. Татьяна мгновенно, как грозный ангел возмездия, огрела душителя по голове тяжелой кулачиной. Семь, восемь, девять, ножки в щегольских сапожках перестали дергаться, аут! 0:4. Наша взяла! Пять нокаутов за три секунды – редкое достижение в драке толпа на толпу. Лидером среди нас, конечно же, гляделась вышибала – завалить троих за этот период, это дорогого стоит!

– Изымаем кошелю у этих гнид и ищем наворованное! – подал я очередную упрощенную интерпретацию большевистского лозунга – экспроприация экспроприаторов – ворованное вору!

Ободрали все что можно и нашли Олеговы вещи. Мужик приоделся и просто засиял, особенно в Таниных глазах-озерах. Потом я отобрал наиболее дорогие шмотки и сложил их в отдельный мешок. Денег мы набрали около 120 рублей в

основном в дирхемах, динарах и солидах. В пересчете на киевские деньги это составляло 30 полновесных гривен – шесть килограммов серебра. Неплохой улов для одного вечера!

В общем, когда бандюганы отчухались от встречи с неожиданными гостями, имущества у них сильно поубавилось, обнищали они как-то. Я сидел и глядел как возится на полу, умащиваясь поудобнее, всякая киевская мразь.

И меня вдруг охватило такое ожесточение к людям, которые дня в этой жизни не отработали и привыкли жить за счет других, что я понял – не буду с ними договариваться, обсуждать степени нашей вины по местному уголовному кодексу – «Русской Правде», которую они явно изучили лучше любого Богуслава, показывать заgrimированный глаз Олега, ломать им пальцы.

Я их поубиваю. Но не как волхвы, – глянул и все умерли, а так, как это делают легальные целители 11 века – ведуны. После их игр в ласковые гляделки человек лишается воли и интеллекта. Это овощ, который будет жить долго, если его будут кормить и поить с ложки. Он уже никогда не расскажет, кто ему вынес такой приговор.

Жестоко? Да! Негуманно? Разумеется! Не гуманист я в отношении таких людей. И до сих пор считаю, что отмена смертной казни в моей стране – это уступка Западу и большая ошибка. В самой гуманной стране мира – США, где народ поголовно гуманист на гуманисте, убийц до сих пор волокут на электрический стул, и этим все довольны.

И этих нелюдей, которые самозабвенно впятером пинали Олега в промежность, хохоча при этом от радости, и прекрасно понимая, что ему после этого не выжить, оставлять в живых нельзя. Они ему дали несколько дней жизни, и я расщедрился так же. А если есть у этой погани любящие их люди, которые будут эти овощи и поить, и кормить, причем отнюдь не за счет безвинных налогоплательщиков, так пусть еще поживут. И я исполнил свой приговор.

– Ладно ребята, приглядите тут за ними, – попросил я своих бойцов. – Мне на двор надо выйти.

Подошел к калитке.

– Долгонько вы там, – пробурчала недовольно Оксана. – Я уж тут двоих от калитки еле отогнала. А этот твой, говорить со мной вообще не хочет. (Ибо не любит болтунов и стукачек, подумалось мне.) И денег еще не видала! (А вот это вполне решаемо!)

Я отсыпал ночной бабочке пять полновесных дирхемов.

– Может еще какая служба есть? – спросила враз повеселевшая трудоголичка.

– Ты кого-нибудь из знакомых Косого или Кривого, близкоживущих бандитов знаешь?

– Да вон через двор Афоня Лапоть проживает, забегал недавно. Ответила, как ты велел!

– Хорошо. Сейчас мы все уйдем, а ты немного подождешь, и отправишься к Лаптю.

– Зачем это?

– Чтобы заработать еще пять рублей.

– О как! А чего надо сделать?

– Сказать, что Косой купил где-то две бутылки очень дешевой водки, и разбойники с нее очуднели – сидят и лежат на полу, разговаривать не хотят. Этой водки не осталось, другая вся хорошая.

– А то что Афонька этого видел? – кивок в сторону Венцеслава.

Яцек взбурлил, рука на мече, шаг вперед. Его! Самого его! Наследника польского престола! Дешевенькая киевская шлюха называет – этот!

Да, были и мы когда-то рысаками! – уважительно подумал я. Но не вовремя, ох как не вовремя!

– Яцек, вспомни свое обещание.

– Она не наша!

– А дело сегодня делает общее.

– Так за деньги!

– Хоть как, а делает.

Венцеслав сдулся и ушел жаловаться Горцу.

– Чего это он гордый такой? – пренебрежительно спросила Ксюха. – И не таких видали!

– Богатый дико. Деньги от усадеб обалденные имеет. И очень охоч до покупных женщин. Но не любит, когда к нему пристают – он должен сам выбрать. Если какая понравится, будет бычиться, дуться, а уж какую выберет – озолотит. В Кракове троих девчонок вашего ремесла уже обогатил, дома

им каменные построил. Те сейчас, как сыр в масле катаются – едят на серебре, прислугу держат, богатые наряды каждый день меняют.

– И каких же кха, кха, кха, он ищет? – девица аж раскашлялась от впечатлительности, глядя на богатящего красавца, глядящего в темноте двора вместо нее собаку.

– Врут разное.

– Да какое же, ну говори скорей!

– Вроде любит очень худых, но это точно вранье.

– Почему это?

– Да кто ж их любит? Норовит выбрать бабенку постарше себя.

– Сильно старше?

– Лет на семь-десять, – вспомнив Таниного сына ответил я.

– Полячку поди ищет?

– Да где там! – замахал руками я. – Первую из Англии привез, вторую из Германии прикатил, третью в Сербии православную бабенку спроворил. В Киев зачем-то на двух конях прискакал. Зачем, почему, никто понять не может. Ужасно не любит нечестных женщин. Не выполнит баба своего обещания – как звали забудет. А сейчас чего ищет, шарахается по Киеву, никто не знает. И дуется, как мышь на крупу!

– А что за обещание он тебе дал?

– Да это так, мужское, тебя не касается.

– Вовчик, миленький, я на колени встану, лишь бы узнать!

– Тихо ты! Он болтунов не любит!

– Очень тебя прошу!

– Пообещал он мне, – тихонько и голосишком старого болтуна доложил я, – что никого из моего отряда обижать не будет!

– А в твой отряд можно попасть?

– В мой уже нет, но Яцек через неделю свой сколачивать будет.

– А для чего?

– Я их польских дел не знаю.

– А твой отряд для чего?

– С черным волхвом биться идем.

– Да разве ж вы одолеете?

– Скорее всего нет, очень силен волхв. Еще ведьма при нем крутится.

– Не Василиса часом?

– Именно так.

– Сегодня она подловила меня возле постоялого двора. То се, знаете ли их, из Новгорода идут. Потом еще раз уже в обеденную залу подсунулась. Вас с боярином еще не было, а мы с Танькой с попом сидели, он меня едой угощал и уши мне своими церковными байками заливал. Увидела ведьма священника, отпрыгнула, как черт от ладана и ушмыгала куда-то. А там вы пришли, потом Олег побитый. Так чего мне про поляка-то врать?

– У этих, что в избе, у кого-нибудь родственники в других

городах были?

Девушка задумалась.

– Да вроде у Мала Беззубого кто-то был, где точно не помню. Вечно по пьянке орал: к родне куда-то там уеду! Вроде в Псков. А может и не в Псков...

– Неважно, – отмахнулся я. – Скажешь родственник к Беззубому приезжал. Сначала его в дом не пустили, потом Мал к нему на крыльцо вышел. Пошептались пару минут, потом приезжий крикнул: да провались ты со всем этим! – и убежал. А в дому не был, отравить не мог. А ты умаялась на дворе караулить, пошла узнать в чем дело, и все это увидела.

– А Косой с Кривым лишнего не сболтнут?

– Они после моей наливочки уже никому ничего не сболтнут. Не советую и тебе лишнего говорить.

– Молчу, как рыба! Но за это еще пять рублей!

– Рубля по уши хватит. Это не мне, это тебе нужно. Сейчас мы уйдем, а ты нас в корчме найдешь.

Вернулся в избу, поставил две пустых бутылки рядом, вылив остатки из одной в дыру в полу, велел Емельяну взять мешок с мягкой рухлядью, Тане отдал для сохранности деньги и попросил передать все Матвею. Олегу велел созвать всех наших на празднование победы. Мягко заметил, что наличие других посетителей не приветствуется. Марфе велел отправляться с ними. Сказал, что сам буду немного позже и велел начинать без меня. Вспомнив про договоренность с Емелей, сунул ему рубль.

Посоветовал разбойникам медную мелочь по кошелькам, Криковому с Косым насыпал серебра – рубля по два по три. Сам накинул чей-то темный легкий плащ, висевший в сенях, и тоже вышел.

Разошлись кто куда. Основная ватага двинулась в сторону харчевни, Оксана подалась к соседу, я прижался к забору в сторонке от калитки.

Обостренным слухом вскоре уловил лай чужой собаки, чей-то кашель, стук двери. Через какое-то время к бандитской калитке подошла Ксюшка с кряжистым мужиком в лаптях.

– Да может просто пьяные? – все не верил Афоня.

– А то я их пьяных не видала! Да они на меня трезвые сроду и не залазили! – визгливо ответствовала Ксана. Подумав, уверенно добавила: – Как и ты!

Они зашли в калитку и пошли по двору.

– А тут при тебе еще какой-то с мечом крутился, он где?

– Это к Беззу...

Бандит и подстилка скрылись в доме. Лапоть оказался человеком въедливым, и их не было минут двадцать. Где-то лаяли собаки, кричал какой-то человек, ухала сова, – Киев жил обычной жизнью.

Вновь слышались голоса.

– Вроде и не ограблены, а денег при них маловато...

– Я ихних дел не знаю, и кассу ихнюю не веду!

– Твои дела известные, и ведешь ты их от всей ... (далее)

последовало непонятное на расстоянии слово, звучащее как дрозды). Гы-гы-гы!

Странный киевский юмор! Возможно бандитский сленг, особое аргю? Ботают на зачатках фени?

Ладно, хватит моих филологических шуточек. Лапоть ушлепал к дому, Оксана уже зашелестела к постоялому двору. Пора и мне заструиться за ней.

Филологические измышления появились у меня после недолгой жизни, прожитой под наблюдением одной симпатичной школьной учительницы. Она считала себя несостоявшимся филологом, усиленно занималась этой наукой и с невероятным упорством тащила меня в ЗАГС. В ЗАГС я, конечно, не пошел, но узнал, кто такой Бахтин, начитался вволю Джойса и Кеппена, и даже прослушал пьесу Беккета «В ожидании Годо» в ее исполнении.

Заодно в ее квартире я впервые понял разницу при подаче материала в официальном изложении с реальным положением дел, читая полные версии мифов Древней Греции. Оказывается, героя Прометея боги заклевывали орлом вовсе не за похищение огня и дарение его людям. Подарил и подарил, Зевс с ним, сами шлодили и похуже, а за то, что он узнал какой-то страшный прогноз о будущем божеств Олимпа, и делиться информацией наотрез отказался. Приковали к скале, орел начал клевать, герой сказал: «Потерпим!» и плюнул в божественную птицу.

Но и эта сказка уже не была для меня ударом после злой

приказки о методе добычи предсказания. Радетель за счастье человечества поймал в неведомых горах молоденького пастушка по имени Кавказ (отгадайте, как потом назвали горы?), пришиб бедолагу, и на его внутренностях узнал замысловатое предсказание. Желających повторить этот подвиг среди злых олимпийцев не оказалось.

Да мы уж так, по старинке! Тут молнией сверкнули, там к какой-нибудь зазевавшейся в воде девахе лебедем подкралась и что-нибудь ей неожиданно присунули, а на такие зверства не пойдем! Ату его, орелик, клюй вовсю! Мы на убийства не горазды. Вот увеличить народонаселение за счет Гераклов буйных, и Ахиллесов со слабой пяткой, это всегда пожалуйста, да и с Тесеями на крайняк поможем, а убивать слабоваты.

Вот скоро придет сильный Бог, он и начнет разборки! Тут неверно жили. Нате вам Всемирный потоп. Эй, ты, который Ковчег сколачивает, слона не забудь. Тут извращенцев два города набилось, как только плодятся гады? Сжечь! Кто потолковей, убегайте не оборачиваясь. Что? Там еще куча женщин и ребятишек? Иди отсюда, не порть статистику. Потом Сын за всех искупит! И за них, и за Меня...

Он, глядишь, в святости своей неизбывной, и Прометею щеку подставит, а тот по привычной ему дурости опять плюнет. Вот вам будет и конец глупой истории. Устаревшее «Подставь другую щеку» будет сходу заменено на привычное «Не мир принес я вам, но меч!». Хороший удар мечом в

сердце с привычным поклевыванием не сравнить! Враз проблема решится. Ладно, если по ходу еще каких-нибудь Кавказов не перебьют. Скорей бы, а то уж заплеванных орлов замучились менять...

– Кто здесь? – и отблеск кинжала в свете луны.

Нечего сказать, хоть и слаба на передок, но всегда начеку. Интересно, чего больше боится: бесплатного изнасилования или ограбления? Я жутко заухал.

– У-у-ух, чести тебя лишу...

– До тебя нашлось немало умельцев. Деньги готовь.

– Деньги я у тебя отниму...

Дикий визг и крик:

– Караул! Грабят!

Диагноз ясен.

– Не ори, это я, Владимир.

– Эх и напугал, зараза! Чуть сердце из груди не вылетело!

Чего крадешься-то сзади, заблудишься еще в темноте.

Оксана ухватила меня под руку и уверенно потащила к постоялому двору.

Глава 13

– Слушай, а ты про Краков этот знаешь чего-нибудь?

– Ну что я тебе, поляк что ли какой?

– Может слышал чего?

– Вроде колбаса у них очень вкусная в городе делается, называется «Краковская», красивый танец есть – краковяк, а больше ничего и не знаю.

– Достаточно. Наелась вволю «Краковской», да и пошла плясать краковяк. Остальное навру. Спасибо тебе большое.

От удивления я аж остановился.

– За что мне-то спасибо?

– За твою историю. Она теперь моей легендой станет.

– Это как?

– У каждой девочки из наших есть своя история. Мы их легендами зовем. Иногда нас куда-нибудь кучей собирают и вместе ведут. То в баню, то в банду, то в дружину чью-нибудь. По пути и рассказываем друг другу красивые легенды о собственной жизни, о том, как проститутками стали. Жизненная история у всех проста и незатейлива: кто работать не захотел, кого родители за долги продали, кого где-то в полон взяли, и она на хозяина трудится. А хочется красоты, чувств невиданных. И льются легенды одна за другой. Как случилась любовь невероятная, и как убили в походе избранника желанного; как украли братика родного, а она бьется как рыба об лед, зарабатывает на выкуп неслыханный и прочее, прочее, прочее. А у меня такой истории сроду не было. Шлюха и все. Просто неинтересная любительница постельных утех.

Эти истории и некоторые клиенты послушать любят. Разжалобишь, и денег побольше дают. А тут хоть на голове ходи, больше полтинника сроду не кинут. Иные и на гривенник уломать норовят. Я такую озабоченную для вида строю, больше мне клиента занять нечем. А так обычная женщина,

с обычными в постели запросами. А отработать бы честно разок, да лежать и рассказывать, как меня знатный поляк в Краков вместе с ним уехать сманивает, в богатстве пожить, а я не могу православную веру бросить. Не могу прожить без русских задушевных песен, без парной в нашей бане. Есть у поляков баня? – неожиданно спросила меня Оксана.

– Да кто их знает!

– Вот никто и не знает, – удовлетворенно заметила девушка, – ври, что хочешь. А православной веры там точно нет?

– Вот это точно. Тут можешь развернуться.

– Как же? – заинтересовалась собеседница.

– Добавь, что чтобы выехать в Польшу и тебя там замуж взяли, надо от православной веры отказаться, и стать католичкой. А ты православная, и за родную веру жизнь отдашь!

– Это уже не меньше чем на рубль потянет, – оценила мою идею профессионалка, – а добавить вначале о колбаске и танце, вообще можно в постель не ложиться. Сиди, говори, куй рубли! Спасибо тебе Владимир, а то уж я умаялась молча задницей вертеть. И с замужеством интересная мысль. Меня сроду никто замуж и не звал – сходу в кусты волокли. А народ, он падкий на всякую глупость. Всем надо, значит и ему надо, все туда пошли – и он попер. А тут, знатный поляк замуж манит, а я возьму, да и переманю!

А ведь женщина отнюдь и не глупа, подумалось мне. Я до этой идеи тоже только лет в тридцать дошел.

– А то я и посимпатичней Таньки, и похудей, у мужиков

больше спросом пользуюсь, так ее замуж уж два раза звали, а мне даже ни один пьяный в сторону церкви ни разу не махнул!

– А Татьяна говорит...

– Не верь. Это она стесняется. Первый раз ее очень пожилой вдовец замуж звал. Жена умерла, детей живых тоже не осталось, а работница в доме нужна. Танька, она по женской линии особенно сильна: мужика обиходит, будто вылизет. Даже неходячий какой-нибудь у нее сиять, как пасхальное яичко будет. Готовить очень ловка: сварит что угодно из чего угодно, и вкус будет – пальчики оближешь! Отстирает любую вещь от любого пятна. Чего-нибудь пришить, подшить, заново пошить, – любую швею превзойдет. Дом, где она живет, сияет, как игрушка. Любое дело в ее руках спорится. Это она с силой своей носится, как дурень с писаной торбою. Давно бы освоила какое-нибудь приличное ремесло, и жила бы припеваючи. В общем, отказала она этому деду, ей по любви замуж выйти охота.

– А чего ж ты не пошла осваивать ремесла, а вон каким сомнительным делом занялась?

– У меня руки и ноги из одного места растут. Чего ни возьмусь делать, опаскудлюсь обязательно, только материал изведу. Мне мать даже еду готовить не доверяет, сама все стряпает. Возьмусь шить, рукав к животу пришью, убираться – сломаю чего-нибудь, посуду мыть – перебыю все. Пытаюсь разжечь печь, мать уж два раза пожар тушила. Я – тварь по-

стельная, шлюха коридорная. Ни на что больше не годна.

– А почему коридорная? – поинтересовался я.

– Тех из нас, что подороже, в номера заводят, а низкопробных вроде меня, могут прямо в коридоре использовать, мелочи отсыпать и пинка еще на прощанье выдать. Мужики это зовут «отвесить киселя».

– И тебе отвешивали?

– Всякое бывало, народ разный нанимает. Был бы у меня, как у Таньки, сынок, я бы глядишь и остепенилась, и руки бы заработали. Нас обеих в ту ночь на берегу Славутича отпользовали, обе и залетели. Матери, знаешь, как нас к бабкам-знахаркам тащили! И каждая из нас сделала свой выбор. Танька стояла, как скала, и у нее веселый Максимка по улицам бегает, а я послушалась матери и пошла с ней на пытки. Там эта тетка творила со мной чего хотела. На печи меня парила, всякой дрянью поила, живот до синяков отмяла. Ничего у нее не получалось. Тогда она обозлилась, постелила на пол грязную тряпку, положила меня на нее, и воткнула мне спицу прямо туда. Я скинула, и детей у меня больше не будет никогда. После этого лежала в лежку целый месяц, чуть не издохла. Родовая горячка меня весь этот месяц колотила. На мать злобствую до сих пор. И сама частенько поколачиваю, и клиентов приглашаю. А ребенок для женщины – это радость всей ее жизни. Правда дети Танькину предстоящую свадьбу и порушили.

– Как это?

– Нашла она с полгода назад красавца-мужичка, вдовца, всего на пять лет ее старше. Высоченный, здоровенный, усы длинные, бороденка кучерявая. Песни хорошо поет, говорит – заслушаешься. Дом справный, хозяйство приличное, у мужика ремесло верное в руках – седла делает, руки золотые, он признанный мастер, за его седлами с других городов приезжают. Очень любит толстых женщин. Казалось бы, живи да радуйся. Но не дал бог счастья!

Звать его Дула. Первая жена нарожала ему девять деток, а на десятом не смогла разрешиться от бремени и померла. Он и остался с кучей детей на руках. У него мать два года назад тоже приказала долго жить, а отец в таком деле не помощник.

Теща обозлилась на то, что ненавистный зять ее кровиночке года покоя не дал, не потерпел. Сказала – пусть твоих ублюдков, кто хочет нянчит. И не ходит к внукам вовсе, не признает. Тесть с ней связываться не стал, и тоже не ходит. У Дулы ни братьев, ни сестер, а сестры жены встали на сторону матери. Да и то подумать, у каждой своих деток полна изба, бегай тут племянников нянчи.

Вот здесь Дула горя и принял, хлебнул полной ложкой! Попытался сам как-то успеть, ничего не выходит. Как народ говорит – без хозяина дом сирота, а тут мужик понял, что без хозяйки вовсе конец всему, если детей полон дом.

Женская работа, она же не видна. С утра прибралась, всех завтраком накормила, печку растопила, чугушки с водой

греться поставила, на рынок за провизией слетала, помыла посуду, ушла порванные еще вчера порты и рубахи, взялась готовить обед.

А тут стирки со всей орды еще скопилось немеряно. Стирать это одно, а надо еще плестись с ворохом тяжеленого и мокрого белья после домашней стирки, полоскать его на Славутиче с мостков, а потом развешивать тряпки по двору. А уже пора всех кормить обедом. И такая круговерть целый день.

И не забудь, что детишки еще и разного возраста. Пока старшие самозабвенно пачкаются в уличной луже, младшие стараются обделаться кто как, и напакостить дома кто чего горазд.

От такой жизни так-то выть охота, а ты еще планировал доделать особо дорогое седло. А заказчик такой, что долго ждать не станет, уйдет к другому мастеру, вышибив из тебя уже взятые на материалы деньги.

И неловок ты до всей этой возни страшно! Еда пересолена, часто подгоревшая, невкусная. Трое старших – мальчишки. Вечно припрутся с улицы грязнее грязи, со свежими ссадинами, ушибами, просто ранами. В это время у девчонок перепутались все волосы в косах, и как их распутывать – неизвестно, у тебя никаких кос сроду не было. а еще... все понеслось дальше! И как в сказке: чем дальше, тем страшнее.

Дула и завыл от такой жизни. Срочно взялся нанимать женщин на ведение хозяйства. Платил хорошо, в расходах не

ограничивал. И тут ему снова не повезло. Бабы нанимались бойко. Деньги хорошие, никто в твои дела не мешает. Что хочешь, то и вороти. Вот они и наворотили, как сумели.

Все, как одна, оказались воровками, деньги как в бездне исчезали. Детей не любила ни одна, а сменилось их за год человек шесть. Мелких драли за уши и орали на них без продыху, старших постоянно, даже и за очень мелкие провинности потчевали затрещинами и подзатыльниками. В доме целый день стоял бабий ор и детский плач.

У Дулы от мысли, что там дома с детьми творится, инструменты из рук вываливаются, аж седла похуже стал делать. В этот момент он и встретил Таньку. Она как раз из-за неведомой болезни с пристани уволилась и искала, чем бы заняться. Он позвал, она пошла.

Через пару дней Дула с удивлением увидел, что мальчишки ходят чистые и опрятные, девочки причесанные и аккуратные, с красиво заплетенными косами. О крике и плаче все уже позабыли – маленькие залиvisto стали петь какие-то детские песенки. Дом засиял как отлизанный, еда была невероятно вкусна, расходы стали пустяковыми.

Нашлось время и на работающего папашу. Его вещи тоже пошли в стирку, повариха стала выяснять его любимые кушанья. Мастерская у него при доме, отапливаемый сарай на задах. Если он заработается, приходят старшие сыновья и со всей строгостью говорят ему: тетя Таня обедать зовет! Все это длилось месяца два. Отношения Дула и Таньки делались

все ближе и ближе. Стали поговаривать о совместном походе в баню после намыва деток.

Старший сын Дула – Сосипатр, которого все для краткости зовут Сося, всегда был старшим среди молодежи. Два брата помладше, Петр и Агафон везде ходят за ним хвостом и поют с его голоса, своего мнения не имеют. Остальные – звук пустой.

Тетя Таня Сосе понравилась, и он отнюдь не был против, чтобы отец женился на ласковой тетке, при которой дома стало хорошо, но тут между семьями пробежала черная кошка.

Танька решила познакомить пацанят со своим Максимом. Вначале всем все нравилось: было их девять, стало десять, какая разница? Мальчишки пошли вместе гулять, и вот тут-то Сося и понял весь ужас нового положения. Макс имел собственное мнение! Он лез обсуждать команды самого Соси! А не дай бог они будут жить вместе, и Петька с Агафоном займут собственное мнение! Главарем станет неизвестно кто!

Сося полез на одногодка в драку. Наследник богатырки оказался сильнее. Сося подговорил братьев, и они накинулись втроем. Максик раскидал Петьку и Агафона как щенят, и изрядно намял холку Сосипатру. А потом все бросились ябедничать родителям.

Мир в семье закончился, толком и не начавшись. Дула опять стал ходить чернее ночи. Танюха своего ребенка обижать не стала – его втроем пытаются бить, что ж ему и за-

щищаться совсем нельзя что ли, а мастер видел в сыновьях продолжателей своего дела. Коса нашла на камень.

Дальше все решала Танька. Она на свое место нашла толстую тетку по имени Фекла, лишившуюся детей, мужа и дома при большом пожаре. Фекла была немного похуже Тани. менее симпатичная на рожу, потолще, постарше, но также любящая деток, и такая же работающая. И дело опять наладилось.

Недавно встретила Феклу на рынке. Вместо черного платка на голове был яркий веселый платочек. В этот раз ненужные Максики не мешаются. Пацанята все воюют между собой до сих пор. Сося больше драться не лезет. Он с братьями теперь за Максимкой бегает и дразнится.

– Называет жирным бараном! – вспомнил я.

– Во-во. А Танька устроилась вышибалой на постоянный двор. И слава богу, что все так закончилось.

– Почему? – спросил я, – может была бы счастлива, если бы ребята столковались. Мужик работающий, зажиточный, самой о добыче денег голову ломать не надо...

– И девять деток в придачу! Такой пахоты ни на одной работе не сыщешь, как с ними! И день и ночь при деле будешь. То они болеют, то у них зубки режутся. Если не понос, так золотуха. И самой маленькой полтора года всего. А умрет вдруг Дула, Танька уже их не бросит, не такой она человек. Будет всю эту толпу нянчить и еще бегать на них деньги зарабатывать. Свои-то были бы страшной обузой, а тут еще и

чужие! Не, оборотень в этом деле верней!

От неожиданности я аж встал. Наливаясь черной злобой, прошипел:

– Емелька наболтал?

– Сама вижу.

– Не каждый волхв это видит!

– А ведьма – каждая.

– Ведьмы в проститутки не идут!

– Я пошла. Не хочу порчу наводить, сглаживать, след вынимать, приворотные и отравляющие зелья заваривать, на метле летать и Сатане жертвы подносить, каких-то девственниц отлавливать. Я лучше ноги пошире раздвину, и честно свои гроши заработаю.

– Вы же можете на себе любого мужика женить!

– Мне, чтобы кого-то на себе женить, всей душой к этому человеку потянуться надо, довериться ему. Мужчин через меня проходит много, а разговоров между нами не завязывается – не о чем. Подь сюды, ложись скорее, молчи дура, – вот и все мои беседы. Может хоть теперь, с легендой о Кракове, повезет.

Полежу, как обычно молча под твоим богатырем, а вот потом, с каким-нибудь интересным мужинкой, и развернусь во всей красе. Пошла отсюда! – неожиданно рывкнула Оксана куда-то в темноту.

Что-то порскнуло по ближайшим кустам.

– Кто там? – насторожился я.

– Подруга ваша, Василиса.

Луна спряталась за тучами, и темнота стояла, хоть глаз коли. Сколько я не всматривался в эту непроглядную темень, ничего не видел. Да и Оксана, минут двадцать назад, когда я к ней потихоньку подошел сзади, выйдя из бандитского гнезда, при этой видимости меня не опознала. Как же она увидела сейчас, да еще и узнала? А шуршало и хрустело не в двух шагах, а немножко поодаль. Тихонько спросил.

– Не шепчи, ведьма уже где-то далеко. Я вижу в темноте чуть-чуть лучше обычного человека, а ты?

– Я гораздо, у меня ночное зрение усилено. Но сейчас только услышал.

– Сейчас темно и для меня, и даже для тебя. Но мы, ведьмы, чуем друг друга на расстоянии, как собаки, и поэтому всегда знаем, кто к нам близко подсунулся. Так же отличаем и оборотней, в каком бы виде они не были.

А вот тебя я не чую, да и на вид ты для меня обычный человек. Вглядываться в тебя нужно, чтобы понять, что ты из белых волхвов. Способности, видать, слишком слабенькие.

Богуслава и Павлина хорошо вижу, они помощней, но тоже жидковаты. Захарий, вот это величина! От его блеска аж глаза режет.

– И как же ты стала ведьмой? – мать-то у тебя вроде женщина обычная.

– Тварь редкая, но из простых баб. А бабушка Пелагея была из старших ведьм. Такие, когда умирают, силу свою –

свой дар, должны младшей родственнице передать. Вот бабушка, как почувяла свою кончину скорую, и позвала нас с матерью. Если дар не передать, в страшных муках умирать будешь, должна ты преемницу после себя оставить.

Вот мать, как услышала, о чем речь идет, заломилась из избы, как от пожара. А я бабушку очень любила. Она меня из всех дочек и внучек, а у меня две тетки и пять двоюродных сестер, по-особенному привечала. Всегда обнимет, гостинчик сунет, в щеки расцелует. Звала «Дыхание мое».

С ней было нескучно: показывала всякие травки, камушки, учила как настойки разные варить, заклинания правильно выговаривать. Обучила голую на метле летать, а потом одетую и без лишнего барахла в руках. Теперь могу и в черную собаку перекинуться, и в волка, не хуже вашего волкодлака обернусь, и в лису.

Отец с матерью бесились, но связываться с бабусей боялись. Да надо сказать, ее все боялись. Одна я бабушку от всей души любила. Мне она говорила: нам с тобой большая сила дадена, мы простым людишкам не ровня. Да и большая часть ведьм против нас – мелкая шелупень. Мы большие костры, а они так – лучинки да мелкие свечечки.

Постарше я стала, начала хорошо отличать, кто какая ведьма. Вот Василиса птица мелкого полета, потому за ножик и схватилась. Меня она зовет Старшая и уважительно в пояс кланяется. Но вы гадостей, вроде как с ножичком, от нее ждите в любой момент. Теперь она, видимо, вызнала, что

ты атаман в отряде и на тебя охотится. Ближе к себе не подпускай – враз или отравленной иглой ткнет или еще какую-нибудь гадость отчебучит.

– А мы чего встали? – забеспокоился я. – Стоим в темноте, где-то рядом Василиса рыщет...

– Далеко уж, наверное, урыскала, как почуяла, что я с тобой рядом и вроде как под охраной тебя держу. Такую мелкую погань, как она, истребить на близком расстоянии без особых усилий могу.

Потолковать нам лучше тут, без помех. Ваш постоянный двор в двух шагах, но там все уже водки выпили, галдят между собой.

Никто нас с тобой тронуть не посмеет. Найдутся смелые, быстренько уьем, да и в харчевню. Кинжал-то я для вида вынимаю, и кричу караул, чтобы позабавиться, а убивать взглядом, да лишать воли к жизни не хуже тебя умею, с моей силой дело нехитрое.

Таких, как я, в Киеве еще две бабки. Встретят на улице, ругают меня страсть как! Ксюшка! Долго ты дурковать будешь, да под мужиков за мелочь подстилаться! Нам скоро Киев передавать надо будет, старые мы уж стали, а кроме тебя, профуры дурной, и некому! Оставила Пелагея наследство, нечего сказать, порадовала! Гляди еще «Черную книгу» не профукай со своим шлюнством!

– Нам с Богуславом недавно новые способности открыли: ведьм видеть, а тебя не углядели.

– Маленькие вы еще, таких, как я, видеть. У нас силы совершенно разные. Как скажешь, что сильнее: свет или звук? Трудно мы сопоставимы. Но все стоим на одной основе, вроде как на земле. Люди и звери по земле ходят, тут, вроде, сравнивать попроще. Так и рыба в воде плавает, которая по земле течет. И птица небесная отдохнуть на дерево сядет, которое из земли-матушки растет. Основа у всех одна. Вот если так сравнивать, ты, вроде, карасика малого, Богуслав с Павлином, по размеру, на ваших здоровенных псов вытягивают, а мы с Захарием – два громадных быка. Только волхву до такой силы пришлось десятки лет совершенствоваться, а мне все готовое с ранней юности в рот положили. Это как с богатырской силой, которая просто дается.

Вот поэтому вы, при вашей мелкости, углядели только носатую глупую шлюху, ненужную ни для чего. Вроде как карасик с ладонь, да щуренок с локоть потыкались носиками в бок здоровенному быку, лежащему на отмели, ничего не разглядели, и дальше поплыли, злую плотвичку Василису из зарослей выковыривать да разглядывать – то ли сразу убить, то ли к делу приспособить. Такой плотвы в Киеве немало.

Захарий твоему раннему приходу радовался, не знаю, увидел меня или нет. Яцек – щенок вроде тебя, тоже не углядел.

В вашей ватаге самая сила, третья сила, грозная силища, – это у протоиерея. За ним – божественная мощь! Мы все против него – мелочь. Он всяких ведьм просто носом чует. А мне было весело за счет такого божеского силача покушать,

поэтому защиту вроде морока на себя накинула.

Не знаю, что за сила в черном волхве таится, против которого вы идете, но ведь священник-то против него не боец. Его лучик света видел?

– Да.

– Это Христова сила. С ней убивать не ходят, она на другие дела рассчитана.

– Николай бесов силен изгонять, а бес это знаешь какая страшная сила?

– Конечно знаю, брала как-то для бабушки парочку. Она уж старовата была за девственницами гоняться, да потом на Лысой Горе с другими ведьмами скакать, а меня это еще привлекало. Астарот или Вельзевул, не помню даже к кому из самых главных обращалась, прислал двух демонов, а бабушка их к делу приставила. Вот пусть бы и гонял протоиерей диких бесов, которые нороят в людях поселиться, нам они без надобности. Те бесы, они вроде диких животных, от них никакой пользы нету. Мы любим работать с демонами. Вот там выучка! А на что вам Невзор-то понадобился? Не таись, может присоветую чего толковое.

Почему бы и нет, подумалось мне, такое дело новое, не знаешь – где найдешь, где потеряешь.

– Тайны большой нет. Не говорим, потому что боимся – мешать будут. К Земле летит камень большой, скоро мы с ним столкнемся. Погибнет Земля целиком и безвозвратно. Это мнение белых волхвов и антеков.

– Живы еще, подземные жители..., – как-то необычно прошелестела Оксана, зачем-то сторбившись и изогнувшись, – у них все Антекон 25?

– Да, он.

– Они подолгу живут, не то что мы твари наземные... И в колдовстве лесные антеки посильней вас, волхвов будут... Вы что хотите делать?

– Наши сильные волхвы считают, что нам надо дойти до Русского моря и заручиться поддержкой дельфинов. А еще нужна будет помощь от астронома из Сельджукского султана.

– Так вот зачем тебе поляк-поисковик понадобился... А Невзору, старому козлу, чего все неймется? Зачем он к вам под руки лезет?

– Черные думают, что Земля уцелеет. Будут всякие бури и наводнения, пожар и голод. Нарушится сегодняшний миропорядок, народы опять станут разрозненными племенами, лишатся привычных религий, и черным волхвам станет удобней командовать новым человечеством.

– Воспоминания об Атлантиде не дают им покоя... Да. Могут ошибиться белые, могут глупость выдумать черные, но антеки не ошибаются никогда! Не чета они в этих делах людям! Старшая нация. И хоть ведьмы и черные волхвы всегда стояли по одну сторону ограды, а белые по другую, в этом деле я за вас. Внучка с вами пойдет, хватит ей тут, в Киеве, ворон своими шлюшными замашками пугать! Землю спасет,

а там посмотрим. Ей уж пора в столице Большой Старшей делаться, а не прошмантовкой худой скакать!

Я опешил. С кем я тут стою разговариваю?

– А вы... кто?

Оксана рассмеялась.

– Не понял еще, атаман-быстромысл, с кем в холодке ве-
черяешь? Бабка я Ксюшина, Большая Старшая ведьм столь-
ного града Киева Пелагея.

– Вы же умерли!

– Называй, как всех – на «Ты», брось свои будущие замаш-
ки. Умираем мы, Большие, когда сами захотим. Можем омо-
лодиться, можем переселиться в новое тело, подобрав под-
ходящую молодуху, можем приходить в душу к близким лю-
дям с того света. Меня забавляет приходить на зов к Моему
Дыханию. Вдобавок сегодня действительно по важному делу
вызвала.

Давай подумаем, чем я в походе смогу помочь. Ксения с
вами пойдет, меня всегда на помощь призовет, да и сама до-
статочно сильна. Мелочь какую-нибудь уладить, и сама смо-
жет.

– Давай о главном, – прервал я Пелагею. – Если ты так
мощна, может поможешь нам Невзора извести?

– Рада бы помочь, да не могу. Черные волхвы всех наших
родоначальниц связали страшной клятвой и сами ее нам да-
ли. Мы их не убиваем, они нас. От нашего рода Лада Пре-
красная поклялась. Если хоть одна из нас против клятвы

пойдет, весь род немедленно в страшных муках вымрет. Были случаи спервоначалу и с их стороны, и с нашей. В этом мы все уверены. И души исчезают тоже безвозвратно.

– Но судьба Земли...

– Нет нас, на Землю наплевать.

– А другие люди, дети...

– На чужих людей ведьмам вдвойне наплевать! Нас даже в сказках добренькими и хорошенькими не делают!

От этих речей Пелагея распрямилась, выровнялась. Голос ее мощно загрохотал. Кругом залаяли собаки. Как я от ужаса не обделался, ума не приложу...

– Орать-то хватит, не на Лысой Горе перед своими голошишь. С дельфинами что?

– Знаю к ним лазейку.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался я.

– Лет сорок тому назад, Невзор заезжал по какому-то своему делу в Киев и сильно хвастался, как он с дельфинами общий язык нашел, и как они для него все делают. Помогал ему в этом деле джинн, которого он у арабов за большие деньги вместе с серебряным кувшином купил.

Наши, не будь дуры, подпоили его быстренько заморским вином с сонным наговором (порошок класть было нельзя – почувствует), и кувшин украли. Вертели его и так, и этак – нету джинна. Перепрятал черный его куда-то. А Невзор после этого уехал быстренько.

История эта за давностью времен почти у всех стерлась из

памяти, шутка ли сорок лет прошло. И я бы забыла, если бы хоть кто-то еще похвалился своими успехами в разговоре с дельфинами. Нет и не было таких людей даже и в далеком прошлом. (Не будет и в далеком будущем, мрачно подумалось мне). Я не раз у Старших из других городов и просто поживших на Русском море ведьм спрашивала. Даже слухов и глупых небылиц об этом не ходит.

Вы Невзора убейте, а я, не торопясь, в его вещах, одежде, обуви, заколке для волос, хоть что-нибудь, что может быть хранилищем для джинна, поищу. А без этого весь ваш поход смысла иметь не будет.

– Пожалуй. А что еще нужно знать, чтобы джинном командовать?

– Два слова. Это ключ к любому арабскому магическому замку.

Вспомнилось «Сезам, откройся!», и вот тебе хранилище золотого запаса Госбанка и Форт Нокс в одной пещере. А вот с джиннами, вроде, достаточно было просто потерять кувшин. Но реальность-то параллельная! У них здесь так запаралеллилось, у нас иначе. Наплевать. Потереть вещицу, которая вместо кувшина у нас будет, никогда не поздно.

– А где нам эти загадочные слова брать? Пытать Невзора перед смертью?

– Бросай шутить. Слова чуть ниже горлышка по кругу на кувшине были арабской вязью выгравированы.

– Какой-нибудь «Бум-барах, трам-тарарах»?

– На арабском ли они, или на русском, джинн поймет. Девчата в свою пору переводы у двоих ученых арабов в разное время и в разных местах сделали. Арабов полно в ту пору с товаром на Запад через Киев ходило. Итог один: нужно громко сказать – «странная неожиданность».

– Странные какие-то слова...

– Других нету.

– А если при нем джинна не окажется?

– Не может быть!

– Почему?

– Оставить такую драгоценность где-то, Невзор не осмелится – прячь не прячь, магическим путем найдут и похитят, – объяснила Пелагея, – а доверить кому-нибудь на хранение – нипочем не отдадут.

– Почему?

– Черные. Они иначе не умеют.

– Будем искать, – меланхолично заметил я.

– Астронома пусть поляк ищет. Какие у вас еще есть трудности?

– Я по жене скучаю...

– Вот ей голову и будешь морочить, если живым вернешься. Богуслав чего-то у тебя не весел, буйну голову повесил. Он главный волхв твоего отряда. Не дай бог из-за тоски-печали ошибется или не сумеет чего? Вам всем конец.

– У него любимую девушку замуж отдают.

– Далеко?

– Во Франции.

– А как он об этом прознал?

– Антеки показали Францию, городок Мулен, пятнадцатилетнюю девицу Полетту Вердые, в прошлой жизни Анастасию Мономах. Славе дали с девчонкой поговорить. Девушка Богуслава помнит и любит, но ее через несколько дней отдадут замуж.

– А он?

– До Мулена слишком много тысяч верст.

– А подземные черти чего?

– Что они могут сделать? Прокопать подземный ход ко входу в церковь и утащить невесту прямо из-под венца? А ей обязательно нужно получить с жениха деньги за свою свободу, отдать их родителям, и идти топиться в тамошней речке Алье.

– Господи, да я такой подлости от антеков никогда в жизни не видала! Шел себе человек мимо, по– хорошему и нужному делу, зачем его было в эти стародавние дела опять впутывать? Да еще и черте где, аж во Франции! Ведь твой Богуслав, это ж Славка из боярского рода Вельяминовых?

– Именно он.

– Я Настенку со Славкой еще в подростках при дворе Ярослава Мудрого помню. Я тогда Анну кое-чему и по женской, и по ведьмовской линии обучала, а их от нее гоняла. Девушке скоро во Францию ехать, за короля замуж выходить, всю власть сразу под свою руку брать, столько всего надо было

знать и уметь, а тут эти щеглы вечно под руками выются, отвлекают от дела.

А она Настеньку любила, вечно ей чего-то по-гречески толковывала. Та еще по-русски говорила не очень, а грек-переводчик, которого она с собой из Константинополя привезла, половины наших слов не знал.

А Славка прилип к Мономахине страсть как. Еще прыщавый щенок, а полюбил девчонку необычайно. Потом, когда она яд выпила, его из петли три раза вынимали. Два дружинника при нем по распоряжению отца неотлучно находились. И опять его 25 паразит во все это втягивает!

Анна мне периодически с птицами весточки шлет. Но сейчас то ли долетит до нее эта птица, то ли нет, бабушка еще надвое сказала. Времени у нас очень мало. Пошли, попробуем через связь этих мелких подлецов протиснуться.

Силенок у нас, конечно, маловато. У Антекона 25 целая орда этой мелочи под землей бегают, а у нас? Ты, да я, да мы с тобой. Но путь уже налажен, а там, глядишь, Анна сможет нам помочь. Она там женский монастырь открыла, молодых ведьм учит. Сколько у нас сейчас времени, вот бы знать!

Я глянул на часы.

– Девять вечера.

– Ну ты силен, боец из будущего! – ахнула Большая Старшая. – Во Франции времени поменьше, девушки еще не разбежались, и у них можно силы взять. Побежали, может и успеем!

Мы махом влетели в обеденную залу. Сидели только наши. Других посетителей уже будто кто-то вымел железной рукой. Все разом загалдели, замахали руками.

– Пойдем скорей!

– Куда ты пропал?

– Наливай штрафную!

– После, народ, после! – отмахнулся я. – Богуслав, пойдем, дело есть срочное!

Разрумянившийся после первых стопок водки, Слава поднялся из-за стола. Улыбаясь, спросил:

– Кому-то за бой в Киеве должны остались? Сейчас всех уважим!

– Бежим скорей! Потом посмеемся!

Глава 14

И мы потащили расслабленного боярина к нашей комнате, по дороге объясняя ему суть дела. Когда он понял, что опять может увидеть свою ненаглядную, уже он нас потащил.

В комнате мы его усадили, и Пелагея взялась теревить его память, чтобы взглянуть, откуда удобнее залезть в чужой коридор. Для этого она стала, поглаживая Богуславу голову двумя руками.

– Может быть антеки каждый раз заново все выстраивать будут? – спросил я.

– Не может быть! – рявкнула Большая, не отвлекаясь от своего занятия и взъерошивая волосы все более резкими

движениями пальцев рук, – слишком много силы впустую уйдет!

Я решил не мешать признанной мастерице черной магии и для поиска женского монастыря, созданного бывшей королевой, окунулся в Интернет. Обитель святого Винсента с собором и женским монастырем нашлась махом, оставалось сориентироваться на местности.

Вдруг в воздухе появилось окно.

– Нашла! Вот оно! Мулен?

Слава взгляделся.

– Мулен!

Изображение трепетало и вспыхивало яркими разноцветными точками. По краям цвели радужные разводы. Пиратская копия и есть пиратская. Правда, надо заметить, покупку лицензированного канала нам никто и не предлагал.

– Вон она! – показал рукой побратим.

Пелагея навела свою плохонькую камеру на девушку.

Полетта уже активно махала рукой, бежала к нашему окну и кричала:

– Слава!

Богуслав метнулся с нашей стороны.

– Настя! Как ты там?

– Осталось всего три дня, милый! Половину денег уже сегодня отдали...

Изображение и звук исчезли разом. Экран схлопнулся. Богуслав рухнул на топчан и завыл в голос в неизбывной тос-

ке. Вот так показали... А какой он был веселый несколько минут назад...

– Хватит выть! – гаркнула Большая Старшая ведьма, – в Санлис!

– Четырнадцать верст севернее Парижа, – уже тараторил я, – поселок Санлис, обитель святого Винсента...

– Я туда стрижей наводила с письмами, – буркнула сквозь зубы ведьма, – найду!

Камера неслась стремительно. Быстро нашли женский монастырь, замелькали пока еще пустые кельи. Наконец вылетели в какой-то зал. Человек тридцать девушек, одетых в одинаковые темные платья, внимательно слушали пожилую невысокую женщину. Увидев ее, ведьма истошно заорала:

– Анна! Это я, Пелагея! Скорее помоги!

Наше окно уже угасало. Силы и Старшей, и мои, уже были на исходе. В глазах то темнело, то светлело, нарастал шум в ушах, начало подташнивать. Эх, не успели...

Угасающее изображение на прощанье показало, как напугалась старушка во Франции, как она показала на нас рукой и что-то сказала. Вместо нормального звука было неразборчивое шуршание. Прощай Анна Ярославна, больше уж нам не свидеться...

Вдруг экран засиял по-новому, появился звук. Переводчик, видимо, включился пораньше, и шелестел мне последнюю минуту уже перевод. Теперь французский язык я знал

в совершенстве.

– Девушки, скрестили руки на груди, сделали глубокий вдох, выдох, вдох, – дай силу!

Девушки с силой выдохнули, и окно стало не менее качественным, чем в бункере у Антекона 25. Звук зазвучал безукоризненно,

– Здравствуй, тетя Пелагея. Как ты помолодела!

– Здравствуй, Аннушка. Это тело моей внучки, Оксаны.

– Говори дело, держать тяжело.

– Помнишь Настю Мономах?

– Конечно.

– Она сейчас в городишке Мулен, у вас, во Франции.

– Не знаю такого.

– Он невелик, скорее поселок, – вмешался я, – стоит на реке Алье южнее Парижа, чуть восточнее Буржа в самом центре Франции.

– Сколько до него?

– Я путаюсь во французских мерах длины.

– В них все путаются. Каждая земля по-своему меряет, порядка нету. У каждого свое лье, свой туаз. Говори в верстах.

– До Мулена 300 верст.

– Поищем, – благосклонно кивнула мне королева.

– Девчонку сейчас зовут Полетта Вердые, – продолжила Пелагея, – ей пятнадцать лет и красавицу за гроши и против воли через три дня отдадут замуж за богатого купчика. Она,

как и в прошлой жизни, любит Славку Вельяминова, а он ее.

– Слава там рыдает?

– Кому ж еще!

– Далековато, конечно, для трех дней, – задумалась Анна. – Если получится вывести девушку из-под венца, когда Славу ждать?

– Неизвестно. Ему надо от Земли большой камень отвести, и он идет с ватагой к Русскому морю. Слышала о такой напасти?

– Как не слышать. Наши темные колдуны говорят, что большой беды не будет. Потрясет кое-где, большие дожди будут, часть Англии смоем.

– Все брешут. Рассыплется Земля, не выдержит удара. Лесные антеки не ошибаются. Да и белые волхвы о том же толкуют. Черные уж больно покомандовать хотят, как в прошлый раз, после Атлантиды. Но и меньшая катастрофа, нам, ведьмам, лишняя. Неохота бродить по обожженной или залитой Земле вместе с полудикими племенами.

– Согласна. Свяжитесь со мной через три...

Окно затряслось и закрылось.

– Долго Франция по сравнению с нами продержалась, – заметил я, – Анна, видно, очень сильна.

– Да и я бы не ослабла, если бы меня тридцать молодых ведьм, лучших из лучших, отобранных по всей Франции, в едином порыве своей силой поддержали.

– Да, без поддержки ослабли мы не на шутку, – согласился

я.

– Пустое. Сейчас быстро придем в нужную силу.

– Может для тебя это и пустяк, а у меня звон в ушах до сих пор держится.

– Почернение в глазах и тошнота уже прошли?

– Да вроде да, – поражаясь ведьминой информированности, ответил я.

– И у меня прошли. Нас с тобой с непривычки обоих одинаково накрыло. Здесь в дело не вся сила идет, а ее тонкий лучик. Вроде как кусочек, оттенок радуги. И почему-то он у тебя такой же мощи, как у меня. Развил его в будущем?

– Да, – сказал я, – на особых инструментах: телевизоре и мониторе. На телевизоре с детства развивал, очень старался.

– Хватит вы о ерунде! – заорал наш пылкий влюбленный, – отдадут мне Настю или могилу ее покажут?

– Это как Аннушка изловчится в далеких землях. Кто знает, в какой она силе в этом Мулене окажется? Она мне писала, что во Франции король правит на небольшой части ее земель, остальное расхватили графы да маркизы. У ее второго мужа, графа де Крепи, подвластных ему земель было чуть меньше, чем у ее сына Филиппа Первого, унаследовавшего корону после отца. И черт его знает, чей он теперь этот Мулен?

Богуслав опять упал на кровать и зарыдал. Мы с Пелагеей переглянулись, развели руками – ну что тут можно сделать?

– Я ухожу. Дальше пусть с вами Ксюшка валандается, –

заявила Большая ведьма, и ушла.

Лицо древнерусской худобы приобрело привычное выражение наглой беспардонности и дурости. Я отсчитал ей честно заработанные деньги.

– Довольна?

– А то!

Споров не было.

– Ты все видела, что мы тут творили? – спросил я у бабенки.

– Бабушка от меня ничего не прячет! – дерзко заявила продажная давалка, – она меня этим учит. Мне скоро Большой Старшей у ведьм делаться, надо все про все знать!

– Может хоть годок просто в старших походить? – скептически усмехнулся я, – не высоко ль сразу то замахиваешься?

– В самый раз. Чему меня эти две старые дуры, Меланья да Гореслава могут выучить? На молоденьких, особо наглых ведьм орать? В колдовстве я гораздо сильнее их обеих вместе взятых, а народом надо уметь командовать, как это делала бабушка: повела бровью, одно-два слова проронила, – и побежали, поскакали ведьмы в разные стороны, исполнять то, что Большая Старшая делать велела.

Да, и я таких руководителей повидал, правда очень мало, и о колдовстве от них речь даже и не шла. К сожалению, мне это искусство предоставлено судьбой не было.

– Скажи тогда, Большая, как нам боярина-то унять? Вон его как корежит всего!

– Может мне к нему под бочок уместиться? Глядишь и утешу... Недорого совсем встанет!

– Ты мне здесь свои шлюшные замашки брось! Не ко времени. Если не можешь ничего другого предложить, иди лучше в обеденный зал и там твори, чего хочешь!

Оксана была конечно права. Нет другого способа отвлечься от прежней любви, кроме как прилипнуть к новой избраннице. А ей, с ее ведьминскими умениями, перекуковать любую красавицу раз плюнуть. Можно было бы и попробовать, кабы на месте Славы другой мужчина был. Только Богуслав – человек-камень. Он чуть из этого нового капкана выкарабкается, от одной мысли, что пока во Франции его любовь пропадала, он тут на дешевенькую киевскую проститутку польстился, возьмет да и повесится.

Выход был только один – древнерусский, исконный – выпить водки. И какими бы успокаивающими, трижды испытанными средствами, медицина не заманивала нашего человека, этот метод остается много веков основным.

Но боярин очень горд, а Ксения может подsunуться с неуместным замечанием, произносить которые она изрядная мастерица. Может враз всю малину мне обгадить! С этим надо было разбираться немедленно, пока не втюхался в свежеподанное дерьмо.

– Ксюха, у меня к Богуславу серьезный мужской разговор, присутствие чужого человека нам будет в тягость.

– Чужой, а кто тут чужой? Я? Я в доску своя!

Пока она пела эти сладкие речи, я успел донести ее художничье тело до выхода, распахнуть дверь и выкинуть будущую Большую и Старшую, ставшую в этот момент от женской злобы небольшой и страшной, в коридор, после чего запер дверь на задвижку. Задвижка сразу же взялась рывками ползти назад. Во как! Оксана отказа не приемлет!

Я жестко двинул запор в закрытое положение и наложил закрывающее заклятие, подаренное мне Антеконом 25. Минуты две понаблюдал за тщетными попытками коридорной умелицы.

Видимо, в ход пошли все известные людям методы. Задвижка пыталась прыгнуть с силой вперед, поерзывала вперед-назад, проворачивалась вокруг собственной оси – все безрезультатно. Магия антеков всегда значительно превосходит человеческую. Сказали нельзя открыть – значит нельзя.

Теперь дверь можно только вышибить вместе с косяком. Ксения не пренебрегла и этим вариантом. Раза три она ударила своим тщедушным телом в преграду. Но то ли вес в 45 кг оказался слишком незначительным для борьбы с препятствием, то ли киевские столяры-плотники не пожалели древесины на изготовление двери с коробкой (смешно было бы ее жалеть в 11 веке, когда Киевская Русь стоит в сплошной чащобе!), но этот метод тоже оказался неэффективным.

В общем, вся Оксанкина джига в сочетании с киевским гопаком оказалась слаба против величавого подземного хо-

ровода Антекона 25 и тысяч антеков. Как говорили в 20 веке – здесь ваша не пляшет!

На детские коридорные выкрики:

– Все бабушке скажу! – я не обратил никакого внимания.

Можете хоть свою «Черную книгу» приволочь, открыть этот запор могу только я.

Богуслав лежал вниз лицом и тихо всхлипывал. Да, ослаб опытнейший воевода, невзгоды сломили железную волю умного весельчака. Впрочем, неизвестно еще как бы я себя вел, неожиданно лишившись Забавы. У каждого из нас есть свое слабое место.

Как же его вытащить опять к водке? Какой-нибудь простенький трюк, наверное, не пройдет. Начнешь его звать выпить, а он тебе буркнет – вот один и пей, а мне это ни к чему. Или зарычит: что ты меня, как девицу обхаживаешь? Успокоить хочешь? Сам иди и успокаивайся! И дальше будет думать, то ли веревку как в прошлый раз идти мылить, то ли как Аннушка в реку сигануть.

Подойти надо как-то нетрадиционно, чтобы он меня, а не я его пьянствовать звал. А как? Задача не из простых... Я присел на свою кровать, и стал ломать голову.

Обозлить боярина? Неизвестно, чем дело кончится. Может просто уйти в другую комнату, а ко мне закинуть на ночевку кого-нибудь. Может треснуть какой-нибудь магической штукой, волхв он все-таки не чета мне.

Отвлечь какой-нибудь забавной историей? Сейчас такой

трюк не пройдет, не расположен он сегодня к веселью. Напомнить о детях в Переславле? Ему на них наплевать, заботится только о Мономах.

Рыкнуть на Богуслава? Хорош рыдать! Нас великое дело ждет! Слава не из слабаков, его этими воззваниями не поднимешь. Скажет равнодушно: потише ори. Когда идти пора будет – скомандуешь. С ерундой больше не отвлекай.

Кругом какая-то безнадега. Сильный человек, в минуту непривычной для него слабости, неудобен в общении.

– Что-ты там ноешь, нормально пой! – рявкнул Богуслав, – всю душу вынул!

А чего я тут ною? А самого русского нашего поэта! И я начал петь самым душевным своим голосом:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Спел песню полностью.

– Кто такое мог написать?

– Великий русский поэт Сергей Есенин.

– В ваше время жил?

– Немного пораньше.

– Давай вместе споем.

– Давай!

Я теперь скупее стал в желаньях,

Жизнь моя? иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

– Ведь это обо мне песня... Я уже пожилой и много повидавший человек, спокойно доживал свои дни. Настя уже казалась полузабытой сказкой молодости.

Был уверен: никогда мне больше не испытать такой силы чувств и впечатлений. Как это в песне:

О, моя утраченная свежесть

Буйство глаз и половодье чувств.

Такая любовь – удел юности. Прошло, как весенняя гроза. Вспоминай в сумрачные осенние деньки, как тут сверкало и громыхало в мае, твоя зима уж на пороге – готовься к черноте.

И вдруг кончилась печальная песня. Все вокруг засияло и загремело – я опять встретил мою Анастасию! Оказалось, что это не я стар, это моя жизнь без нее состарилась.

Я полжизни не живу, а существую! Брожу по каким-то нудным делам, воюю без всякого огня в душе, ложусь в постель без любви с разными женщинами, воспитываю детей, если случайно появляется время, и мне совершенно все равно какими они вырастут. Они рождены от нелюбимой женщины, и сами нелюбимы. Пью водку без всякого азарта.

Умрет Настя, уйду следом. И Анна определенно сказала – слишком далеко, не успеет. Конечно, меня там нет, табуна ахалтекинцев нет – некому скакать день и ночь, загоняя коней насмерть. А от чего умер Есенин?

– Умаялся от собственного пьянства, покончил с собой.

– Бывает. Скажи, только без вранья: ты веришь, что Настя останется жива?

– Я верю.

– Почему? Меня хочешь утешить?

– Ты мне, конечно, друг и брат, и я верю тебе беззаветно.

Но и в Бога я верю без оглядки.

– О как! А при чем тут мы с Настей?

– Моя вера, хоть я и считаю себя истинно православным христианином, это не занудный пересказ Библии, и не монотонная молитва на ночь. Ты, вероятнее всего, сочтешь ее сомнительной и начнешь объяснять на ночь глядя мне, дураку, мои ошибки. Я не хочу сейчас никаких религиозных споров.

– Споров не будет! Ты объясни, для меня это очень важно!

– Ты трезвый не поймешь.

– Так пошли выпьем!

– Пошли. Лицо ототри от слез, не позорься.

В обеденный зал вошли уже в привычном для народа виде. Следы боярской слабости были ликвидированы. Рядом со мной опять был сильный мужчина, воин и воевода. Оксаны с Емелей не было, отправились, видно, бить мать девушки.

Половой, получив расчет, уже ушел, и за порядком присматривала Татьяна. Так как народ у нас был не буйный, вышибала не столько следила за порядком, сколько за своим Олегом. Волкодлак почему-то уже стал пьян, как собака, и норовил упасть лицом в тарелку с остатками еды. Таня его

бережно поддерживала.

– Вам отдельно столик накрыли, – просветила она нас. – еды и водки вволю. Я с вами до конца досижу, а после домой уйду.

– Олега-то отнесешь в его комнату перед уходом? Он уже, похоже, откушал от души.

– Выпил он ерунду, стопки три. Говорит, всегда с ним так после перекидывания. Обещал через часок в себя прийти. Если не очухается, просто к себе домой отнесу, пусть на мягкой кровати отдохнет, наломался волчок сегодня, бедный.

Я насторожился. Господи, дай оборотню спокойно отдохнуть до конца стоянки, хватит с него переживаний с женским полом.

– Что ты там про перекидывание? Ксюшка что ль чего напридумывала?

– При чем тут Ксюшка? Буду я ее слушать, вечно все врет на каждом шагу. Олежек первую стопку выпил, чтобы горло не чувствовалось – очень уж Кривой его намял, и мне сказал:

– Таня, я хочу, чтобы недомолвок между нами не было. Я оборотень, волкодлак. Счастлив, что тебя в своей жизни встретил. Ну а дальше сама решай – замуж за меня пойдешь или прогонишь. От судьбы не уйдешь.

– Ты его ждать из похода будешь? Замуж за него пойдешь? – спросили мы со Славой одновременно.

– И замуж не пойду, и ждать не буду.

М-да, не везет нашему вервольфу по женской линии.

– Зачем ему третий церковный брак, да и я не девица, чтоб скорей под венец бежать. Да он и женат, а развод получать дело хлопотное. Вернемся из похода, если оба будем живы, тогда и подумаем. Сейчас пока навязываться не хочу. На что ему этакая забота, да еще и с дитем? И ем я много. В общем, сплошная обуза. А он еще молодой мужчина, справный, при деле, может ему еще другая приглянется.

– А зачем Олег тебя в поход с нами тащит? Это ведь не загородная прогулка – насмерть биться идем.

– Он меня не тащит. Просто не могу я волчка одного в такую круговерть отпустить. Навидалась сегодня его лихости в бою. Ежели не запинаят, так придушат.

– У тебя ребенок! На кого ты его оставишь?

– Мать пока посидит. Я у нее ранняя, Максим у меня ранний. Бабушка она молодая, справится. Да и прабабушка еще в силе. Вот мать ее жалко, до ста лет немного не дожила – упала в прошлом году на гололеде, разбила насмерть головушку.

– А на что они жить будут?

– Олег хочет свою получку на ребенка перевести. Если передумает, может вы мне от щедрот своих заработков какой дадите? Я женщина умелая. И варить могу, и обстирывать вас всех, и ушить-пришить чего если понадобится, мне скажете. Ну и по богатырской части, – это само собой. Вдруг у вас Емеля чем приболеет, я его всегда подменю. Решит уйти – заменю. А пока груз какой-нибудь могу нести, чего лоша-

дей зря трудить? Лошадь – она животное нежная.

Совсем если дела в ватаге с деньгами плохи, я и даром с вами пойду. У меня тетка замужем за богатым купцом, а детей им бог не дал. Давно у меня Максимку просят, – дяде Васе наследник его лавкам нужен. А мать с моей бабушкой хорошие туески делают, прокормятся в случае если я не вернусь.

С расчетами по Таниной хронологии у меня что-то не ладилось.

– А сколько же тебе лет?

– Двадцать шесть. Оксанка, правда, любит врать что нам по 29-30, и меня науськивает эту чушь нести.

Вот теперь и у меня все в слабой голове сложилось. А то изнасиловали их в 15-16, Максу 10, а все вместе, по словам Ксении – тридцать. Да, худоба действительно изрядно наводит тень на плетень. Как такую в поход брать? Мне ведь всякие бабушки не указ, будь они хоть большие-пребольшие...

– Ладно, – решил я, – завтра Олег в ум войдет, подойдете вдвоем. Там и посмотрим.

Мы прошли за свой столик. Подошел Матвей, напомнил, что завтра хотели пойти в церковь, клясться на иконах, становиться побратимами. Договорились на утро. После чего, насвистывая, ушкуйник удалился к себе в комнату.

Богуслав набычился.

– Как с хорошим человеком, так в церковь сразу идешь, а как со мной, так на тебе кружку крови, и шлепай мимо.

– Слав, ну ты чего говоришь-то? Чего несешь? Ты мой первый побратим, я о тебе и Матвею рассказывал. Он сказал, что двоих иметь можно. Вот и решили пойти в церковь.

– И со мной надо в церковь!

– Хорошо, хорошо. В любой день и час.

Богуслав успокоился.

– Давай по стопке жажнем!

– За этим и шли. Наливай.

Выпили, заели. На душе потеплело. Подошли Наина с Иваном. Оказалось, что я приглашен завтра на обед к родственникам девушки. Дядя Соломон чрезвычайно заинтересовался историей об антековском золоте, и тоже обещал быть.

Подлец муж чего-то виляет с разводом, завтра с утра Иван пойдет с ним разбираться. Раввин, писец и свидетели уже предупреждены о процедуре, дело за малым – выясниться с ростовщиком-мужем, разобраться, чего он тут вертит на ровном месте.

Ваня за мной завтра зайдет. Пообещал его ждать здесь, на постоялом дворе. Молодые отправились опять к родне.

Ушел протоиерей, громко объявив, что настало время вечерней молитвы.

– Пошли к себе в комнату, – сказал я, оглядевшись. – Тане уже, кроме нашего ухода, здесь ждать нечего.

– Она, вроде, ждала, когда Олег оживится?

– До перины дотащит, а там его живость-то и возьмет.

Прихватили с собой закуски и спиртного вволю, да и откланялись.

Глава 15

После очередной немалой стопки зелена вина, меня накрыло волной умиротворения и покоя. Я даже прилег одетый на кровать. Глаза слипались. К Богуславу же, наоборот, пришли избыточная живость и энергия, явно излишние по ночному времени.

Опьяненные люди всегда делились на две большие группы. Одну манит погрузиться в спокойное состояние: сначала взяться вести тихую неспешную беседу, не носящую выраженного эмоционального характера, периодически похрапывая от большого интереса к теме разговора, а потом просто поглядеть занимательную телевизионную передачу на тему «Наскальные рисунки раннего палеолита», и под шумок уснуть.

Другую тянет на какие-то явно излишние действия, – поиски правды, совершение ненужных подвигов, беседы с соседями на тему «А не козлы ли вы?», или для подогрева интереса к разговору: «Не продуктами ли вашей жизнедеятельности замазана площадка возле мусоропровода?». Апофеозом действия этой компании всегда является бросок для изыскания дополнительного количества алкоголя.

– Рассказывай про Бога! – энергично потребовал боярин, ярчайший на данный момент представитель второй группы. – Как он мою Настеньку защитит? Чего разлегся?

Очень хотелось ответить каким-нибудь незатейливым ка-
ламбуром, типа:

Богги, какие с устатку боги? Завтра все обсудим! – и
немедленно захрапеть, но ведь порвет, как пить дать по-
рвет...

– Вставай, кому говорю! Чего zenки прикрыл?!

Я с кряхтеньем сел. Придется излагать мою очередную за-
виральную идею.

– Слава, как ты думаешь, что будет, если мы будем биться
с Невзором без тебя? Слабенький я, никудышная Наина, да
слишком милосердный поп с большим крестом?

– Поубивают вас, и все дела. Но я же при любых обстоя-
тельствах буду с вами до конца, насмерть вместе будем бить-
ся.

– А ты в полной силе, как обычно, сейчас, после француз-
ских известий?

Богуслав опечалился.

– Какая уж сейчас сила... Но я честно буду биться! А там
уж как бог даст...

– Без твоей силы ничего он нам хорошего не даст. Дого-
нит и еще поддаст. Нечего зря нашей обессиленной ватаге
болтаться по Руси. Лучше здесь, в Киеве, осесть и мирно
пить водку до самого конца света. А там, с жуткого перепоя,
смерть от громадного камня избавлением будет казаться.

– А я что могу поделать? У меня потеря Насти всю душу
выжгла, где теперь силу взять... – глухо сказал Богуслав. –

Укатали Сивку крутые горки... А хотел бы нам Бог помочь, отвел бы от Земли камень проклятый, вернул мне Настеньку, да осыпал бы нас печатными пряниками. Не так он добр, как нам попы живописуют, не так благостен...

– Богуслав, ты раньше не думал, что наш Бог может быть и не всемогущ?

– Как же может быть иначе? В Библии четко пишут...

– А ты не всегда верь написанному. Религий на Земле не одна, и все чего-нибудь пишут.

– А как же?

– Головой больше думай, на что она тебе дадена? Хотел бы Господь получить раба послушного, зачем было создавать человека разумного, по образу и подобию своему? Зачем было украшать его ум и волю всячески? Давать возможность принимать собственные решения? Создал тупоумного, и пусть он поет псалмы унылые, да молится день и ночь. А создан был Человек Гордый и Умелый, Бесстрашный и Дерзкий. Нет преграды, которую бы он в конечном итоге не осилил. Впереди долгие сотни лет развития. Так было в моем мире, так должно быть и в вашем. И вдруг вторгается чужеродное нечто, и угрожает разрушить весь этот изумительный мир. Что-то, над чем наш Господь не властен. Он работал миллионы лет, назывался разными именами, изменял растения, рыб и животных, и вдруг что-то, прилетевшее извне, порушит все это в одночасье?

– А причем тут Настя?

– А при том, что, лишившись ее, ты уже не боец.

– Я-то тут причем?

– Господу нужна наша помощь.

– Господь всемогущ!

– В пределах Земли.

– Он все создал! И небо, и Солнце, и звезды, и Землю!

– А потом выдернул из 21 века заштатного лекаришку, который даже после обучения у одного из сильнейших волхвов Руси, в колдовстве все равно ноль без палочки, помог ему заработать кучу денег (другие белые чародеи бедны, как церковные мыши) на поход черте-куда, дал ватагу верных друзей, а самое главное, вынул прятавшегося двадцать лет мощного волхва Богуслава в помощь.

Зачем все это? Отведи каменюку движением пальца, и не заботься больше об этой мелкой помехе твоим величественным замыслам, а то пока с это ерундой ковыряешься, сгорит Альфа Центавра, изогнется невиданно Млечный Путь, погибнет Созвездие Пса, погаснет штук пять Звезд, гораздо больших, чем наше Солнце.

А наш Господь занимается этим делом. Потому что он наш, и ничей больше. Он не творец Вселенной, не он создал отдаленные Галактики. Может быть и саму Землю создал кто-то другой. Создал и посадил заместителей.

Вполне может быть, что Кришна, Зевс, Юпитер, Иегова и наш Бог-отец просто разные имена одного повелителя нашего мира. А может быть и совершенно разные Высшие Силы,

но все они добры к человечеству.

Наш Бог, видимо, и за пределы Земли далеко достать не может – о том, что летит страшный камень, твой учитель знал уже двадцать лет назад и готовил тебя к нашему походу мне в помощь. Вроде как выстругивал костылик, что бы я дошел, куда надо. Значит, и Господь уже двадцать лет ведаёт об этой напасти. И вышибить тебя из боя, все равно что выдернуть у обезноженного меня из рук костыль, который так долго хранили. Никто разумный не даст оттолкнуть боярина Богуслава от битвы с черным волхвом.

А Господь разумней нас всех в тысячи раз. Тебе помогли получить лошадей-ахалтекинцев на всех, научили меня, как зарастить твое пробитое сердце, кровь первой группы – мою кровь, уверенно можно было перелить тебе, и я ее перелил, антеки кровопотерю нам обоим восстановили.

Неужели из-за каких-то мелких французских дел, тебя вырвет из моих не очень сильных рук? Как пошли нелады с Анастасией, объявилась давно умершая Пелагея, ведьма и наш исконный враг, встала на нашу сторону, нашла в неведомом нам Санлисе королеву Анну, которая отлично помнит и тебя, и византийскую принцессу и согласилась вам царственно помочь.

Так неужели ты думаешь, что все наше дело рухнет из-за мелочи – дальнего расстояния и нехватки жалкой ночи или дня? Господь этого не допустит! Анне обязательно помогут.

– Так ведь и черным проще будет без меня. Тоже решат

поучаствовать. Начнут королеве препоны ставить, чтобы Настюшку мою извести.

– В мгновение ока во Францию не перелетишь. Значит надо будет злым волхвам искать французских черных кудесников, и как-то этим вражеским колдунам сообщить об наших делах. Да и тем заранее надо было бы к этому Мулену прибыть.

– Они могли вместе это заранее задумать!

– Непохожа история Полетты Вердые на заранее подготовленную. Ее отец не вчера обжегся. Черные, в ту пору, знать не знали о тебе ничего, ты же не высовывался, сидел тихо, был скрыт до поры до времени. Скорее всего и раскрыли-то тебя случайно.

Узнать, что ты девушку любишь безумно до сих пор, просто невозможно – вы и тридцать лет назад ото всех свое чувство прятали. Вдобавок, она слишком давно умерла.

Да и связь между городами и странами существует только у антеков, у людей и близко ничего похожего нет. А подземные жители в этот раз действуют на нашей стороне.

– Но Ксюшкина бабка же этим коридором управляла!

– Так был уже готовый коридор. То, что ты можешь по коридору пройти, совсем не значит, что и дом, куда он входит, ты сможешь выстроить. Ты слышал, чтобы у кого-то из белых такая связь была?

– Да где там, все птичек посылают.

– И Пелагея с ученицей так же много лет переписывалась.

А ведь она Большая Старшая ведьм стольного града Киева, а Анна, похоже, в той же силе во Франции. Значит, и у черных ничего похожего на достижение антеков нет.

– Может у колдуний нету, а у их кудесников есть.

– Ведьмы бы прознали, и хоть так, хоть этак, а уперли бы этот секрет, как кувшин у Невзора. Бабы они и простые-то творят с нами, что хотят, а тут особо ловкие ведьмы, да еще и кучей!

– Как-то уж все слишком хорошо звучит.

– Я не Бог, могу и ошибаться. Дня через три-четыре будем уже в дороге, попросимся к антекам в гости, правда себя покажет.

– Дай Бог чтобы ты не ошибся!

– Дай Бог.

– Выпьем?

– Выпьем!

Приняли еще по изрядной стопке, на душе окончательно полегчало. Верилось, что все у нас получится: Настю королева выручит, Невзора одолеем, с дельфинами столкуемся, Хайяма найдем, камень закинем невесть куда.

Кстати о камне.

– Володь, а почему Господь не может просто испепелить эту каменную дрянь, когда она близко к Земле подлетит? Тут-то он в полной силе.

Я посидел, какое-то время подумал.

– Понимаешь, Слав, здесь вообще какая-то непонятная

неувязка получается. Кроме неясных действий Бога, совершенно непонятна позиция черных волхвов. Какую выгоду могут получить темные чародеи от разрушения Земли? Что они от этого приобретут? Не один же у них предсказатель, не могут же они все разом ошибаться?

– Может им Дьявол так делать повелел?

– Пути Дьявола, как и пути Господни, конечно, неисповедимы, но мне церковная версия происхождения Сатаны кажется недостоверной.

– Ты имеешь в виду, что он был одним из ближайших соратников Бога, но за грехи был заточен в геенну огненную?

– Да.

– И что тебе в ней не нравится?

– Какой смысл был грешить тому, кто все имел? И тот, кто наверняка имеет редкостный ум (среди ближайших слуг Господа дураки и серые умы были бы неуместны), как мог сделать такую колоссальную ошибку? Это ведь не райские дурачки Адам и Ева, польстившиеся на плохонькое яблоко. И почему Дьяволу оставлена такая колоссальная сила?

– По милосердию Господнему! – воскликнул Богуслав.

– А потом Господь долгие тысячелетия собирает праведников для последней битвы Добра и Зла, исход которой до сих пор неясен. И, вроде даже, где-то, возле холма Мегиддо, подобная битва уже произошла.

Я не вижу смысла во всем этом! Так бы ты мог отточить саблю и торжественно вручить ее врагу-половцу, а потом на-

чать собирать дружину из самых верных, чтобы потом положить ее в битве с тем же врагом, от твоей же сабли!

– Господь испытывает людей...

– Так он мог бы испытывать только свое милосердие, и упорство да наглость Дьявола, если бы им повелевал.

Теперь помолчал и подумал Богуслав.

– Неужели ты думаешь..., – он выдохнул, – что они равны?

– До такого богохульства я не дотягиваю. Господь выше и сильнее всех на нашей Земле. Но очевидно и то, что Дьявол не зависит от Бога, и не считается с его мнением. Два разных повелителя двух совершенно разных миров, расположенных по соседству.

Наш мир явно Божий, а Князь Тьмы главенствует над другой областью мироздания, откуда к нам постоянно прорываются бесы и демоны. Сатанисты у нас не правили ни разу, никогда они не были главенствующей силой в народе. Это подкупленные предатели. Они ничего не решают.

И на решающую битву между собой, на окончательное сражение сил Добра и Зла, Бог и Дьявол не идут. Неоднократно предсказанный конец света каждый раз переносится. Видимо, исход боя совершенно неясен.

Зачем-то Дьяволу нужен наш мир! Не должен и он желать ему гибели! Скорее всего, прямого доступа к нам у него нет, и он вынужден ориентироваться на чужое мнение, а черные волхвы сильно ошибаются.

– А как это у Дьявола может не быть к нам доступа? Он появляется у нас часто.

– Только называют его как-то иначе. У нас часто бродят Вельзевул, Люцифер, Мефистофель, а самого Дьявола-Сатаны что-то и не видно.

– И что?

– Да то, что у нас орудуют подчиненные. А как и что они доложили Верховному, совершенно неизвестно.

И наверняка есть какие-то значительные сомнения в позиции черных волхвов. Поэтому и незаметна никакая поддержка злых кудесников Дьяволом и его подручными. Так что Анастасии черные ничего сделать не смогут.

А Бог почему-то не хочет уничтожить метеорит вблизи Земли, может быть бережет этот выход до последнего. Видно безопасней избавиться от него с помощью людей и дельфинов. Целее все будут.

– Да лишь бы Земля уцелела, а мы новые народимся и окрепнем! – нахально заявил слегка опьяненный водкой и надеждой все-таки встретится с Анастасией Богуслав. – Отобьемся!

– Вот и динозавры в свое время может быть думали так же.

– Какие-такие динозавры? – то ли рыгнул, то ли икнул Слава, – сроду не слышал!

– Молод ты еще все знать.

– Расскажи!

– Может лучше спать ляжем?

– Сначала про динозавров!

Я вздохнул. Придется рассказывать. И деваться некуда. Пойдешь куда-нибудь переночевать в другое место, будет пьяноватый старикашка бежать следом и кричать:

– Динозавры! Динозавры!

Так и плюнешь, и до зари будешь рассказывать упорному боярину про эпоху динозавров где-нибудь в овине или на конюшне. Так что – зачинай старинушка!

– Давным-давно Землю населяли динозавры.

– Тысячи лет тому назад?

– Бери дальше – многие миллионы лет назад.

Пока Слава переваривал понятие такой несусветной давности, я излагал дальше:

– Сотни тысяч разнообразных видов этих животных населяли все степи, леса, горы. По размеру они были очень разные – от курицы до пятиэтажного терема.

– Не бывает таких теремов!

– Да и звери эти давно исчезли. Но остались их скелеты, почти полные наборы костей и черепов, панцирей, как у черепах. В наше время есть умельцы, которые соединяют эти кости и косточки так же, как они были при жизни животного. По зубам делают выводы, чем зверь питался. Поэтому уверенно и говорим, что травоядный диплодок был размером с пятиэтажный дом, а охотящийся на других динозавров тираннозавр с двухэтажный.

– А люди тоже на них охотились?

– Людей еще не было.

– И такое время было? – поразился Богуслав.

– Время было, а человечества еще не было. Не было волков, кабанов, медведей, коров, лошадей, даже собак. Не летали птицы.

На Земле жили и главенствовали динозавры. Они паслись на зеленой травке, охотились друг на друга, парили в воздухе. И все давали крепкое потомство. Одни виды сменялись другими, еще более жизнеспособными. И это длилось многие миллионы лет. Для сравнения скажу, что человек разумный появился на Земле 30-40000 лет назад, а до этого лазали по деревьям наши предки.

– А кто же из близких нам жил вместе с динозаврами?

– Жили маленькие мышки-норушки, землеройки незаметные. Станешь заметным, сей секунд динозавры сожрут.

– Ты же говорил, что они громады!

– Были и огромные, полно было и средних, да и небольших, вроде лисы, которые на наших далеких предков охотились – так сказать мышковали, тоже хватало. А потом динозавры вымерли.

– Что ж за лихоманка их поразила?

– Имя этой страшной лихоманки – метеорит. Прилетел очень большой камень из необъятной дали, от него осталась громадная выбоина в Земле, и истребил динозавров. Тут-то наши предки и полезли изо всех щелей, взялись плодиться

и размножаться.

– Это динозавров Господь покарал!

– Эх какая незадача! – горестно покачал головой я. – Миллионы лет жили не тужили, и вдруг нагрешили невиданно, проштрафились не по-детски! Проруха такая невиданная постигла тысячи видов живых существ 65 миллионов лет назад – все разом опаскудились в глазах Господа нашего и решил он возвысить землероек! Мышь эта не подведет – ее потомки через бездну лет храмы начнут строить! А у динозавров и креста ни одного не было, могли бы уж замастрячить хоть несколько.

– Они неразумные были!

– За что же их тогда было карать? Изводить на корню? За какую-то такую провинность невиданную? Нет, Слава, покарал их не Господь, а прилетевший из космической бездны камень. И они, может быть, тоже не мычали безропотно, и были среди них личности не глупее нас с тобой. Возможно и пытались отбиться магически, как мы тут, в 11 веке, или бросить для ликвидации астероида космическую технику, как человечество планирует это сделать в 21 веке – а пропали, исчезли с лица Земли. Может быть в ту пору их Бог и попытался известить метеорит возле планеты, а закончилось это страшным катаклизмом. – Я зевнул. -

В наше время среди самых лучших умов Земли по любому поводу бродит много разных идей и мнений, но в одном они едины – с метеоритом нужно бороться, когда он еще

очень далеко, иначе успеха не будет. Чем мы с тобой и заняты. – Я опять зевнул, да так, что аж чуть челюсть не вывернул. – А теперь пора спать. Устал неимоверно, сил уже нет, а завтра тоже будет тяжелый день.

– А ты в силу икон веришь? – неожиданно заинтересовался чем-то очень далеким от темы беседы Богуслав.

Я от удивления аж зевать перестал. Задумал что-то болярин, ох задумал! Немножко подумал.

– Конечно верю. Они и лечат, ими и освящают, бывает икона и ворогу столицу взять не дает.

– А в какие иконы ты больше всего веришь? Кому свечи в церкви ставишь?

Тут уж я не раздумывал.

– Только Божьей Матери!

– Вот и ладненько. Давай поспим.

Богуслав не стал больше меня тревожить, и мы ушли в сон.

Глава 15

С утра подошел Матвей и напомнил о братании перед иконой.

– А почему именно сейчас? – поинтересовался я. – Нигде, вроде, жизнь друг другу не спасали, спину не прикрывали, из беды не выручали. В чем же причина?

Ушкуйник, человек редкой хитрости, которую он всегда от меня усиленно прятал, взялся вилять.

– Да тут в Киеве церкви самые лучшие, иконы намолен-

ные, попы особенно опытные...

При Богуславе, пожалуй, правды не дождешься, раскинул я своим слабым умишком. Атаман воеводе не верит, дел с ним особых не имел.

– Пойдем-ка выйдем на конюшню, друг любезный, – позвал я Матвея. – Коней посмотреть надо, хорошо ли обихожены. А то этого конюха-оборотня унесли невесть куда еще вчера, а за лошадьями постоянный пригляд нужен.

Вышли на двор.

– А теперь говори истинную причину и без вранья! – оборвал я хитроумные песни сказителя-спецназовца. – Вранье сразу вижу!

Матюха вздохнул.

– Я думаю, что в побратимах ты не выдашь.

– А если просто так, то предам и убегу?

Матвей отмахнулся от моего домысла.

– В бою я в тебе уверен. Биться будешь честно и насмерть. Да и все остальные, кто своей волей, а не по найму идут, такие же. Трусы бы не пошли. Хочу попросить тебя о службе великой, если ты из похода вернешься, а я нет. Побратиму не откажешь.

– Убить что ли кого-то не успел?

– Да это мелочь, Ермошке бы поручил или ушкуйникам кому. Есть большое дело, которое без тебя может трещину дать.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался я. – Слушаю тебя вни-

мательно.

– Пригляди за делами Елены! Столько там забот разных – и лесопилка, и лавка, и земли, и река Вечерка ей тобой в руки дадены, а проследить она ни за чем не сможет. Совсем еще молода, неопытна. Хватки еще никакой нет. Отношения с боярами Мишиничами неизвестно как сложатся.

– Ты же там своего отца для помощи оставил!

– Да на что он годен, только саблей махать и горазд! Сколько денег, золотых и серебряных поделок, дорогих вещей из походов за жизнь навозил – не пересчитать! Терем, вроде боярского, должен был отстроить, в богатстве должен бы купаться, как сыр в масле валяться. А что осталось к концу жизни, когда болезнь прихватила?

Покосившаяся избенка, да плохонькая лавчонка. Серебра на безбедную жизнь уже последнее время постоянно не хватало. Торговлишка дрянь, на кусок хлеба только и хватает. Как я женился, да деньги перестал в их дом нести, пришлось родителям на медяки перейти! – Глаза Матвея горели, голос дрожал. – Перебиваются с хлеба на квас!

А я чем лучше отца? Пять лет плаваю, последний год атаманом. Чего только в дом не тащил: мечи, сабли и кинжалы в ножнах, изукрашенных камнями драгоценными, хорованские ковры, дорогие ткани тюками, монеты разной, драгоценностей немеряно. Где это все? Спустил все на пьянки-гулянки, красавиц любовниц, проституток по разным городам.

На Лене женился, у меня ни кола, ни двора, ни денег за душой, ни имущества – все сквозь пальцы ушло. Она из богатой купеческой семьи, к нашему укладу непривычная, только меня и спрашивала: а почему этого нет? А вот это куда делось? А у нас всего этого сроду и не бывало. Я уж не чаял в поход убежать, чтоб поскорей с добычей воротиться, перед любимой во всем блеске предстать.

Мы с батей два сапога пара – ушкуйники. В бою мы оба просто загляденье – все, кто с нами сталкивался, потом словом «Ушкуйник» деток пугают, а вот в мирной жизни неловки, ох неловки... Да у нас все такие. Богатый ушкуйник – это в редкость.

Другое дело ты. Когда я тебя встретил, крутился ты среди таких же нищих скоморохов, был одним из них – оборванцем с жиденьким голосишком. А потом? В считанные дни из грязи поднялся. Не имея за душой ни гроша, поставил две лесопилки, выучился на ведуна и волхва, приобрел величественный голос, начал делать и продавать кареты, лепить кирпич и строить церковь, на которую епископ ни рубля не дал.

Если выживу, с лесопилкой да лавкой, торгующей досками, с новым домом, с землей, рекой, лесом, да парой деревенек, которые мне оброк станут платить – не пропаду. Всем ты меня в жизни, бестолкового, обеспечил.

А вот ежели где-то за Киевом костями лягу, ты обо всех моих и позаботься: о Леночке, о родителях, об моем увечном побратиме Ермолае, который сегодня нашим общим кров-

ным братом станет. К тебе деньги сами льнут, а отец..., что отец – так, звук пустой. Не выдай, брат!

– Не горюй – жив буду, не выдам!

Мы обнялись. И завертелся второй день в Киеве.

Завтракать Матвей не велел, – не положено, надо в церковь идти натошак. Умывшись, я засобирался в дорогу – причесал и головушку, и шелкову бородушку. Шелкова бородушка как будто была наворачена из чугунной проволоки. Вернусь – укорочу до стриженного ежика, больше с ней церемониться не стану!

Неожиданно решил пойти с нами и Богуслав. Все попытки ушкуйника отсечь боярина от похода в храм были безуспешны.

– Да пойми ты, у иконы клясться в неизменной братской любви и преданности, это дело тонкое, келейное, касается только меня и Володи. Посторонние любопытные глаза и уши, лишние свидетели нам ни к чему!

– Придем в храм, я сразу куда-нибудь в сторонку отойду, подальше от вас. Не хочу ничего ни видеть, ни слышать. И келейничайте там на здоровье!

– Зачем же тогда идешь?

– У меня там свой интерес.

– Вот и интересничал бы в другой церкви, благо их по Киеву полно понастроили.

– Мне потом Владимир позарез понадобится!

Тут спорить уже было как-то неуместно, и мы отправи-

лись в ближайшую церквушку втроем, а если считать и Марфу, то вчетвером.

Золото поручили стеречь протоиерею, больше верных людей под рукой не оказалось. Его рассказы о неотложных церковных делах безжалостно прервал Матвей.

– Я, отче, быстро приду, не задержусь. А упрут золотишко, будем с голоду пухнуть в чужих краях.

– Сын мой, проповедью о правде Христовой и деяниях святых добудем кусок хлеба себе на пропитание!

– Как за границу Руси выйдем, одни язычники вокруг будут. Эти еды нипочем не дадут. С ними ухо нужно держать востро – гляди, чтоб самого не сожрали!

После таких веских доказательств святой отец принял золото на ответственное хранение без лишних разглагольствований.

До церкви дошли быстро. Процесс побратимства длился долго, сопровождаясь целованием иконы какого-то неизвестного мне святого с большой белой бородой, зажжением свеч, чтением какой-то молитвы и проникновенной беседой священника.

Слава Богу, дело обошлось без нанесения ритуальных порезов и смешивания крови в какой-нибудь емкости. С кровушкой у меня последнее время было туговато – только-только восстановил после усиленного донорства. Наконец все закончилось, и окрыленный Матвей убежал.

Я подошел к Богуславу.

– Рассказывай, старый чертила, чего там удумал.

Слава подвел меня к образу Божьей Матери.

– Поклянись на иконе, что в случае моей гибели не брошишь Настю во Франции, а увезешь к сыну.

Вот и еще одно завещание нарисовалось... Если дело так пойдет, скоро у меня всяческих обязательств будет, как на собаке репьев.

Интересно, не придушила ли моя среднеазиатская овчарка на улице какого-нибудь неразумного язычника, попытавшегося ее украсть? К крепкому ли деревцу я ее привязал? Не лучше ли было ее выгулять минут 10-15 возле постоянного двора, да там и оставить вещички караулить?

Не отвлекаться! Клятвы важные даю! Как ни крути, а исполнять все равно придется.

– Сын-то ее примет? Узнает ли?

– Когда она умерла, ему уже почти четырнадцать лет было. А Полетта Вердые с Анастасией Мономах внешне один в один. Не узнает если – на том свете Вовку прокляну! Так ему можешь и передать – мол отец проклянет.

– А он знает, что ты его отец?

– Настенька сыну сообщила за неделю до смерти. Обнявшись, вместе с ним потом по ней рыдали...

Поклялся, икону поцеловал.

– И еще просьба, уже маленькая.

– Говори.

– Останутся деньги, родителей ее немножко из нищеты выручи, а то она и по мне, и по их горькой жизни горевать будет.

– Попытаюсь.

– Ну и все тогда.

– Ты ж говорил, брататься, как с Матвеем, надо.

– Мало ли я чего по пьянке сболтну! Во мне твоей крови половина плещется, куда уж тут ближе родниться.

– Тогда пошли?

– Пошли. А то твоя Марфа истосковалась уж поди, покушает еще прихожан каких безвинных.

Прихожане уже были в наличии. Человек пять босоногих горожан, возрастом от десяти до двенадцати лет, скучковались вокруг грозной зверины.

– Собачка какая-то странная – не рычит, не лает, – вытирая по ходу нос рукавом рубахи удивлялся сильно конопатый.

– Добрая, видать, – объяснял ему лопухий, – наверное и погладить можно. Наворачивает с утра до вечера хозяйские харчи, службы совсем не знает. Может трусоватая – вдруг пнем или стукнем. Вот у нас Трезор, знаешь, грозный какой, не гляди, что ростом не вышел!

– А я сам отчаянный, и Жучка у нас никого не боится!

Я очень люблю пацанят этого возраста. Человек из деток уже вышел, а в подростково-юношескую ершистость, с полным отрицанием чужого мнения, опыта, знаний, еще не во-

шел. Эти мальчишки активно познают мир.

– Ребята, это среднеазиатская овчарка, волкодав. Бывает и алабаем кличут. На родине, в Киргизии она пасет стада и душит волков.

– А она волка осилит?

– Сотни лет уж осиливает, да еще как. Трусов среди этих собак не бывает. Если какая-нибудь из них струсит, пастух ее сразу же убивает.

– Зачем? – вырвался общий крик из жалельщиков-киевлян.

– Чтоб породу не портила, не разводила среди алабаев трусов.

– А погладить ее можно?

– Конечно можно! – вмешался в дружескую беседу с подрастающим поколением Богуслав. – Отхватит только руку до локтя, а так ничего. Отвязывай ее поскорей, – повернулся он ко мне, – а то опять не успеет никого порвать, разбегутся эти проныры мелкие.

Стоило мне шевельнуться, чтобы начать успокаивать дерзкую молодую поросль речами, вроде: дядя шутит, прозвучал панический крик:

– Отвязывает! – и бесстрашные сорвиголовы рассыпались в разные стороны.

– Вот тебе лишь бы перепугать всех! – попенял я боярину.

– Спасибо скажи, что не пошутил насчет закопанного клада, который здесь зверюга караулит.

– А то что?

– Окопали бы их отцы все кругом рвом в двадцать аршин шириной и глубиной в два человеческих роста.

– Они бы не поверили!

– Конечно. Но родители сели бы точить лопаты, а к ночи бы пришли.

– За это душевное тебе спасибо. Хватит с меня и будущих слухов о том, что по столице бродят двое неизвестных с собакой-убийцей.

– Не горюй. У меня своих два таких же охламона подрастают – Агафон двенадцати лет, и Герасим четырнадцати. Проходить через Переславль будем, натютюшкаешься еще! Капитолина с этими чертенятами умаялась уж поди!

– Капитолина – это жена?

– Жена.

– Ничего, что ты женат, детей двое, и на французскую девушку польстился?

– Чего-нибудь придумаю, – голосом ошалевшего от чувств влюбленного отозвался Слава, – отвязывай, отвязывай собаку, побродим пойдем!

Я развязал надежный узелок, и мы уверенно зашагали по киевской дороге. Засидевшаяся у церкви Марфушка аж приплясывала на ходу.

– Куда пойдем?

– У нас время до обеда?

– До той поры, пока Ванюшка не прибежит меня пригла-

шать на званый обед криком:

– Маца испеклась! Рыба-фиш готова!

– Золото тоже туда потащишь?

– Конечно. Думаю, дядя Соломон уже разворачивает тигли и черпаки под производство такого количества монеты.

– Иудей хитер. Обдерет он тебя, как липку. Они всех обдирают.

– Евреи, конечно, очень умны, да и я не лыком шит – отговорился я, вспомнив, что у меня со средним сыном Израиля одинаковый Ай-Кью.

– Ты тоже далеко не дурак, – согласился Богуслав. – Только условия будут предложены самые грабительские. Ты будешь сражаться как лев, Соломон потихоньку будет уступать – в общем обычная история. И когда удастся сбить цену на производство монеты вдвое, ты согласишься.

– Пожалуй, да.

– А потом выяснится, что с тебя заломили в четыре раза больше, пользуясь тем, что выбора у тебя нет. Точнее он был, но ты о нем не знал.

– Все может быть, – согласился я, удрученный предстоящей дружбой народов. – А что же делать?

– Походить по рынкам, посоветоваться с менялами и златокузнецами – во что нам встанет разделить наш брусок золота на десять или двадцать частей и обменять все это на звонкую монету.

– А зачем делить?

– Богатого менялу месяц будем искать, а по мелочи на восьми рынках, два десятка деляг быстро разберут. Часть и златокузнецы прихватят.

– Так пошли?

– А уже и идем.

Да, боярский Ай-Кью мой явно превзошел, тут и говорить нечего.

– Заодно и Василису между делом половим, – добавил Богуслав.

– А Оксана толковала, что дело это дохлое.

– Ты ей веришь? – заинтересовался Слава.

– Ей родная бабушка даже не верит!

– Значит ловим?

– Обязательно!

Дошли до базара. Остановили спешащего мимо мужичка с тремя вязками баранок на шее.

– А скажи, мил человек, какой это рынок? – поинтересовался Богуслав.

– Да это вовсе и не рынок, – завертел башкой от изумления столичный житель, – это торг!

– А название какое-нибудь у него есть? – решил вмешаться я.

– Это Подольское Торжище! Здесь обычным товаром торгуют.

– А на рынке чем?

– Так невольниками, как обычно.

Мы со Славой удивленно переглянулись.

– Эх вы, деревня! – обозначил степень нашего ничтожества бараночник и убежал.

– А я всю жизнь перед иноземцами хваюсь, что на Руси рабами не торгуют, – с горечью вздохнул боярин. – Это, дескать, в Константинополе. А они тут, вишь, целый рынок открыли.

– Ты у Матвея спроси, сколько он всяких иноверцев за пять лет хождений на ушкуе в рабство продал. У него для каждого врага два исхода – либо смерть, либо рабство, – рассказывал я, вспомнив подходы ушкуйника к делу о проворовавшемся в нашей лавке приказчике Алексее.

– Ладно, что есть, то есть. Пошли с нужными людьми переговорим.

Переговоры длились в течение трех часов. Нас познакомили с нужными людьми, потом вели к следующим. Менялы сменялись ювелирами. К концу содержательных бесед стало ясно – дело решаемое, но долгое.

Значительных живых денег в кошеле не было ни у кого. А ждать, когда они наменяют нам денег, или продадут изделия из нашего же золотишка, было просто некогда.

Хотя бы определились с их долей за обмен нашего бруска на монету. После моих подсчетов выходило, что он нашего золота русаки отщипнут 15 процентов. Теперь, когда альтернативный вариант ясен, можно подаваться сегодня и на иудейское торжище с дядей Соломоном.

В какой-то момент Богуслав оживился.

– А вон гляди, гляди...

– Что там? – отозвался я.

– Уже ничего. Показалось, наверное.

Вернулись на постоянный двор, завалились полежать.

– Чего ты там увидал? – поинтересовался я.

– Да показалось.

– А что показалось? – назойливо продолжил я.

– Василиса вроде промелькнула в толпе. И тут же исчезла.

Да это может вовсе и не она была, я ведь только краем глаза ухватил.

– Ты сегодня идешь куда?

– Куда мне бродить! Здесь с Марфой поваляемся.

– Без меня, если кто-то в дверь будет стучать, сразу не открывай, спроси кто пришел. Если ведьма, Марфуша гадину и через дверь учует. Осторожен будь, когда я уйду.

– Это ты уж лишнего!

– Запаса крови на тебя не осталось!

– Хорошо, хорошо, буду осторожен.

– Вот то-то же.

Потолковали еще с полчаса. В дверь постучали.

– За тобой пришли, – съехидничал я.

Боярин неслышно подкрался к двери, прижал к ней ухо.

Судя по его разочарованному лицу, ничего интересного он не услышал. Я на всякий случай сел – вдруг затеется какая потасовка.

– Кто там? – грозно рыкнул Богуслав.

– Это я, Ваня. За мастером пришел, – в гости пора идти, у матери невесты моей будем кушать. Пока дойдем, все уже готово будет.

Слава распахнул дверь.

– Заходи.

– Вань, а посиделки какие будут: только мать и дочь Наины, или народу придет немеряно?

– Народ будет, – сразу ухватил мою мысль Иван, – одевайтесь по-боярски.

Я приоделся, мы зашли к ушкуйнику за антековским золотом (протоиерей уже куда-то убежал по неотложным церковным делам), и бодро зашагали в гости к будущим Ваниным родственникам.

– Вань, а тебя не смущает, что невеста гораздо старше тебя и с взрослым ребенком?

– Я думал вы спросите не отталкивает ли меня то, что она еврейка.

– Я с уважением отношусь к любому народу. В каждой нации есть хорошие и плохие люди, честные и нечестные, умные и глупые. Так что национальность Наины меня не заботит. А вот то, что она уже успела повидать жизнь и до тебя, резковата, усиленно отстаивает собственное, зачастую неверное мнение, вот в чем загвоздка.

– Я много думал об этом, – нехотя поделился бригадир кирпичников, – молодой непьющий парень очень часто нра-

вится и молоденьким чистым девушкам, усиленно хранящим невинность для суженого. А с тех пор, как я начал хорошо зарабатывать, и их родители стали поглядывать на меня благосклонно. И приданное хорошее дадут, и дом для молодоженов строить новая родня поможет – живи да радуйся. А для меня на Наине свет клином сошелся – не могу даже глядеть на других девиц. Для меня она свет в окошке. Поэтому, чем скорее поженимся, тем лучше.

Я пожал парню руку.

– Уважаю. За свою любовь надо уметь биться.

– Да и реальная, мастер, битва на пороге. Муж ее развода не дает, артачится изо всех сил. Развод это для него позор, удар по положению. Да и клиенты могут начать сторониться – дурная, вишь, слава о нем по Киеву пойдет, что был нечестен с женой. А Абрам ростовщик, к нему и купцы, и даже бояре обращаются. Причем богат – может и большую сумму ссудить.

– И отдают?

– Попробуй не отдай! Он двух лбов содержит, они из любого деньги вышибут. Здоровенные, морды зверские, всегда вооружены. Я было настаивать на разводе начал, так меня эти бандитские рожи за дверь, как куренка выкинули.

– А что ж жена убежала от такого богатства? И дочь у них общая.

– Так он, жадюга, ни на жену, ни на дочь денег сроду не давал! Живите, мол, как хотите – хотите будущее предска-

зывают, хотите милостыню по улицам просите.

– Странно. Евреи, вроде, к семьям привязаны очень. И женщины у них очень уважаемы. Даже национальность ребенка идет по матери.

– Ему на это наплевать. Безумно жаден. Я пытался ему пригрозить, когда он на мое позорище на крыльцо полюбоваться вышел: дескать приду с друзьями, нас много, Абрам только посмеялся. У князя, говорит, дружина все равно больше. А Святополк Изяславович жидовским ростовщикам большие деньги должен, расплачиваться ему нечем, поэтому ни в чем им не отказывает, дружинников сколько надо, столько и даст.

– Дружинники в мирном городе не каждый день нужны. Чем же еще князь киевский расплачивается?

– Невольниками. Воюет только затем, чтобы полон взять. Раньше все больше половцами пленными расплачивался, теперь на русских перешел – захватывает наши же города, их грабит, а жителей в рабство угоняет. Ужасно тоже жаден, и подлец редкий – начал уже и у богатых киевлян имущество отнимать. Они бы давно бунт подняли, да уж больно дружина у Святополка сильна – боится народ. А ростовщичество и торговля рабами целиком евреям отданы.

– То-то в Киеве рынок рабов появился.

– При других князьях такого сроду не было, – подтвердил Иван.

– А где же его искать, Абрама этого лихого?

- Он там, рядом с матушкой Наины, Магдаленой, живет.
- Покажешь?
- Да мы как раз мимо идем, вон его дом.
- Справный дом, целый терем.
- Да уж... А вам он, мастер, зачем?
- Денег в долг взять.
- Все шутите.
- Не без этого. Отобедаем, зайду. Как денег хапну – враз развод даст!

Пока Ваня переваривал мою очередную незатейливую шуточку, я пробежался по Интернету, поглядел особенности развода у евреев.

– Одни хиханьки да хаханьки у тебя мастер на уме, а мне Наина весь мозг выклевала – мужик ты или не мужик, сходи реши вопрос.

- Ты меня поддерживал во всех передрягах?
- А как же иначе!
- В рискованный поход со мной пошел?
- Неужели я с тобой не пойду!
- Так вот – долг платежом красен! Сегодня я вместо тебя схожу, завтра ты меня в какой-нибудь переделке выручишь. А сейчас послушай о еврейском разводе.

Раввину нужно дать команду писцу написать гет на арамейском языке, при этом должны присутствовать два свидетеля. Дело мужа дать согласие. После этого раввин рвет гет пополам, а бывшим супругам дает свидетельства о разводе.

Мы пришли в дом будущей Ваниной тещи. Гости уже были в сборе. Дочку Наины, Эсфирь, проводили погулять, чтобы не мешалась. Народу было негусто: две усатых тетки с сильно насурьмленными бровями, их мужья, а самое главное, наличествовал дядя Соломон.

Ювелир был в возрасте, лет 65 как минимум, бороды и усов не носил. Почему-то характерных еврейских признаков у мужчин не было – никаких пейсов, здоровенных бород, особенных шляп. Все трое были коротко пострижены, никаких шляп не было вообще, у одного были изрядные усы, у другого коротко постриженные усы и борода. Одеты были чисто по-русски, в цветастую праздничную одежду.

Мужья теток оказались сапожниками. Полезнейшее дело! Не всем же рабами торговать, да деньги в рост давать. Между обувными умельцами, после употребления пары стаканчиков вишневого вина, похоже собственного изготовления (вишни стояли по всему двору), разгорелся непонятный для профанов профессиональный спор: как лучше сучить дратву и делать прочие прибабасы для своего нелегкого ремесла.

Молодые беседовали с тучной Магдаленой, и у них споров не было. Матерые тетки доказывали друг другу какая еда точно кошерная, а какую должен изучить раввин.

Я был поглощен поеданием какой-то крупной фаршированной рыбы с мацой. Было вкусно, и вишневка шла в жилу. Дядя Соломон меланхолично хлебал какой-то бульон – у него, видимо, была диета.

Когда я наелся, дядя тоже оживился.

– У вас в ватаге, молодой человек, вроде бы имеется лишнее золото? – спросил он расслабленного меня.

– У нас много чего имеется, – ответил ему русский грубиян, – но говорить мы будем без лишних свидетелей.

– Да тут все свои!

– Все ваши. И у каждого длинный болтливый язык. Поэтому говорить будем только наедине, или никак.

– Не будем спорить из-за мелочи!

Соломон метнулся к хозяйке, и нам тут же выделили небольшую комнатку. Я отобрал у Ванечки благородный металл, завернутый в холщовую тряпку, и пошел на осмотр к ювелиру-фальшивомонетчику.

– Не очень чистый металл, – заявил Соломон после осмотра бруска, – примесей много. Если я его расценю, как хорошее золото, родня меня не поймет.

Эта старая шкура норовит ободрать сразу, промелькнуло у меня в голове. Потом вежливо ответил:

– Только все примеси за счет кусочков золота слишком чистого, чтобы это сделали человеческие руки. Антеки гораздо умелей нас. Может быть бросим морочить друг другу голову? Я только на вид молод, а так мне 57 лет, повидал виды, и отлично понимаю, что каждому из нас хочется нажиться на этой сделке. А времени очень мало. Будете с родней волынить, сделаю двадцать маленьких кусочков размером с гривну, часть продам здесь златокузнецам, остальное в Хер-

соне. Пересидживать здесь, в Киеве, ни за какую прибыль не буду – через два дня уйду.

– Так важные дела не делаются!

– Значит не будем и делать, – заворачивая брусок опять в тряпку, подытожил я.

– Мы не успеем!

– Успеете с кем-нибудь другим, – встал я. – Пойдемте еще кошерного вина выпьем, да я побегу дальше.

– Ты не знаешь какая у нас замечательная монета!

– Жаль, что не узнаю.

– Какой ты торопыга! – силой усадил меня обратно ювелир, – мы не будем спать ночью, но сделаем к сроку. Это всем другим встает чуть-чуть дороже.

– Не дороже 15 %. Если даже чуть-чуть дороже, я с вами дела иметь не буду.

Дядя Соломон был неприятно удивлен.

– Откуда ты знаешь про проценты? Да еще какие-то числа называешь...

– Пониманию процентов меня выучили еще в ранней юности, а загадочные числа я высчитал сегодня на Подольском Торге после разговоров с менялами и златокузнецами. На это ушла первая половина дня. Часть золота возьмут там, что-то на остальных семи базарах. Пятнадцать – это общая для всех цена. Для вас скидки не будет.

– Но золото надо взвесить! Капнуть кое-чего, проверить чистоту! Все это можно сделать только в моей мастерской.

– Вот туда сейчас, не теряя драгоценного времени, и отправимся.

Так и сделали, простившись с родней. В мастерской, после всех проверок, Соломон признал качественность золота, удостоверил его вес, и пошел разговор по монетам.

– Из такого высококачественного металла надо делать императорские солиды. Они славятся большим содержанием золота и высоко ценятся уже давно.

– А какие они? – заинтересовался я.

Мне подали небольшую, но тяжеленькую монетку. На одной стороне был изображен Голгофский крест с какими-то надписями по бокам, а вот на другой были выбиты два мужских лица, и одно из них весьма меня впечатлило.

Мужчина в возрасте поражал невероятной длиной усов. Никаких изгибов не было, и абсолютно прямые усищи торчали строго горизонтально в разные стороны. Таких усов за свою долгую жизнь я не видал ни разу, – ни в жизни, ни на картинках. Можно было бы расценить это как преувеличение гравера, вдобавок бородища у императора тоже была в эдаком ассирийском стиле – очень большая, но юноша на заднем плане имел небольшие и очень приличные усики и бородку.

– А что это переднему такие усищи пририсовали? – поинтересовался я. – Врагов что ли стращать?

– Монета ходит в обращении уже больше четырех веков, и как в ту пору выглядел император Константин Второй, никто

уже не помнит, – то ли были такие поразительные усы, то ли нет. Но у его сына – Константина Четвертого, который изображен за левым плечом императора, явно была выраженная лопухость, которую прятать не стали. Значит стремились добиться сходства изображения и властителя. Так что враги от вида усов просто трепетали!

Сейчас эти солиды чеканит императорский монетный двор в Константинополе. Он же следит, что бы не было лишних примесей и за весом монеты. Всякие плохонькие, но очень похожие монетки, вроде ареуса, сразу же изымаются. Солиды не выпуклые, чеканятся легко.

– Давай-ка посчитаем, сколько у тебя должно получиться золотых монет, – опять взял быка за рога я.

– Да я потом все посчитаю!

– А я сейчас.

– Самолично? Ты же боярин, зачем тебе отягощать свой светлый ум цифирью?

– Боярин не боярин, а денежки счет любят!

Соломон начал мне рассказывать о трудностях производства монеты и неизбежных потерях металла во время этого процесса.

– Давай все-таки посчитаем, как будем делить наши солиды, – перебил я чеканщика фальшивой монеты.

Такая формулировка улучшила настроение дяди Соломона, каждый из нас взял по писалу и куску бересты, стали считать. Письменными принадлежностями мастерская была

оборудована на славу.

Посидели, посчитали. Получилось около девяносто солидов.

– А теперь послушай меня, как будут делиться готовые золотые, – начал говорить дядя Соломон.

– Говори! – напрягся я.

Ох обует богоизбранный, разует и разденет...

– Мне Наина с Ваней рассказали о вашем походе. Знаю, что золото не на пропой пойдет, не на загул с девчонками. Знаю, что ты не прибыль для себя идешь добывать, а от себя, от своей семьи деньги, и немалые деньги, оторвал. Вы все, вся ваша ватага, идете спасать мир, Землю, свои и наши семьи.

И мы, евреи, на этом наживаться не будем. Солиды из антековского золота получишь без всяких вычетов – поработаем в кои-то веки даром, не обломимся. Да еще и от себя добавим.

Люди нашей общины собрались вчера вечером, раввин тоже присутствовал, и решили дать денег, кто сколько сможет. Нас двадцать три семьи, по одному неровному взносу с каждой – есть евреи богатые, есть зажиточные, а есть и просто бедные. Я понимаю, выражение бедный еврей звучит смешно для русского человека, но такова горькая правда жизни.

Даже у богатых деньги сейчас вложены в дело, год был особо тяжелым, поэтому не взыщи – что собрали, то и собрали, большого мешка золота не получилось.

Соломон протянул мне кожаный увесистый мешочек. Ого-го! Да тут примерно с полкило!

– Спасибо и на этом! – обрадованно поблагодарил я.

– Немного, но если сравнивать с тем, сколько дали русские князья, бояре в высоких горлатных шапках, ваши богатейшие купцы, хозяева судов, лавок, теремов, мешков серебра, золота, кип драгоценных мехов, думаю мы дали совсем неплохо.

Да уж. Наши не дали ничего. Реально вырвал коней у новгородского князя Мстислава боярин Богуслав, так он белый волхв, и сам с нами идет.

Да и я колотился за княжескую жизнь как мог, работал днями и ночами, иначе и доблестному бывшему воеводе ничего бы не обломилось.

– Есть у нас один очень нищий Аарон, от него никаких денег и не ждали. Его последнее время наши женщины кормят из жалости. Так он снял с шеи дрожащими руками, одна из которых парализована, малюсенький холщовый мешочек, вынул из него золотой арабский динар и сказал:

Это все, что я скопил себе на похороны. Вы отдали от себя сто шестнадцать золотых, а этот динар будет сто семнадцатым, удачным. А если я умру, не скопив других денег, закопайте меня просто так.

Меня очень растрогала эта история, но из любопытства я все-таки спросил:

– А чем славится число сто семнадцать? Что в нем особо

хорошего или плохого?

Соломон аж захохотал от моего дремучего невежества, но потом вспомнив, что я ни с какого бока не иудей, объяснил.

– У нас, у евреев, нет плохих чисел, – есть хорошие и очень хорошие. Сто семнадцать для нас – это количество строф в Песне песней, которую принято читать в Песах.

Да, чтобы это понять, надо быть евреем как минимум в третьем поколении!

Видя выражение моего лица, ювелир дополнил свое объяснение:

– Сто семнадцать – ровно столько раз упоминается в Торе исход иудеев из Египта. Тора – это пятикнижие, дарованное Всевышним евреям и всему миру, божественное откровение и наследие.

Ну вот эта нумерология была русскому человеку попонятнее.

– Песнь песней царя Соломона входит и в ваш Ветхий Завет, который ты, видимо, плохо изучал.

– Да я его вовсе не изучал! И не читал даже. Что я тебе, поп что ли!

– Там повествуется о том, – продолжил лучший златокузнец Руси иудейской национальности, не обращая внимания на мои дерзостно-невежественные речи, – как царь Соломон полюбил крестьянскую девушку Суламиту, а ее сердце было уже отдано молодому пастуху.

Хотелось добавить в его стиле: это входит и в ваш русский

фильм «Свинарка и пастух», который вы тщательно и много раз изучали в счастливом советском детстве при просмотре неведомого нам сейчас телевизора.

– Нисан – это царский месяц, глава всех месяцев года. По григорианскому календарю, которым ты так любишь пользоваться (Ванька с Наиной, предатели, стуканули!) это март – начало апреля. 14 нисана и у вас, и у нас Пасха.

Конечно, тут же вспомнились бессмертные строки Михаила Афанасьевича Булгакова из лучшего романа всех времен и народов «Мастер и Маргарита»:

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...», которые я давно знаю наизусть. А вот с Ветхим Заветом как-то не сложилось...

Вернемся к золотым солидам.

– А ничего, что деньги такие стародавние? Брать-то будут?

– С руками оторвут! Верная монета, испытанная и проверенная. С такой жулики не ходят! Мы ей наших купцов обеспечиваем, нареканий не было и нет.

– Когда будет готова?

– Послезавтра самое раннее. Чем еще могу помочь?

– Трудности у вашей племянницы Наины с бывшим мужем.

– Какие?

– Развод он ей не дает.

– Почему?

– Пострадает его деловая репутация. Ему наплевать на счастье бывшей жены, лишь бы денежка в кошельке брэнчала.

– Вот подлец! А мне он все это врет совершенно по-другому!

– О! Так ты его знаешь!

– Трудно мне его не знать..., какой-никакой, а все-таки старший сын. И подлец. С разводом, это срочно?

– Крайний срок завтра утром, а по-хорошему оформить бы сегодня.

– Ну тогда пошли к этому позорищу нашей нации!

Махом дошли до терема Абрама, беспрепятственно прошли в дом. Караульные лбы (кстати, однозначно русские морды!) с отцом хозяина, сопровождающего богато одетого барина-боярина, связываться не решились. Вдруг хозяйну-ростовщику очередную дойную корову за кредитом введут, а ты, глупая рожа помешал.

Абрам валялся на широченной кровати с какой-то медноволосой девицей. Он был в шелковом роскошном халате, расписанном вышитыми цветами, она в грязноватой длинной сорочке.

– Здравствуй, сын! Ядвига, пошла отсюда! Вечно эта тварь тут ошивается!

– Отец, ну мы тихо отдыхаем, – начал объясняться холеный тридцатилетний гад, усаживаясь, – вина выпили по чуть-чуть, Ядвига, слышала, чего отец сказал?

– А куда я пойду?

– А куда хочешь, дорогуша! Хоть на Кудыкину гору! Сказано – пошла вон, а то сейчас плетью треххвосткой выгоню! А на дворе еще мужики напинают! – уже рычал Абрам. – Вот, папа, видишь, как я с чужими женщинами обхожусь, как по жене сильно тоскую! – по-соловьиному взялся заливать он отцу.

Совершенно деловым голосом по ходу спросил у меня:

– А вы, любезный, зачем пожаловали? Не денежек в долг взять? Сразу предупреждаю, процентик тяжеловат будет! – и ростовщик с нетерпением начал ожидать от меня желанного ответа, вроде: наплевать мне на твои процентики! Я княжий человек-боярин-купец Иванов-Петров-Сидоров! Побольше денег в долг сегодня, сейчас, без промедления давай!

А дождался горьких слов от отца:

– Все я вижу, ты – позор нашего народа! Из-за таких, как ты и твой дядя Моисей, нас сорок лет назад вышибли с Германии! Поработаете еще также, и отсюда выкинут! Надо поскорее все продавать и перебираться в тихий город, где вас нету!

Уеду с одним Исааком, он через пару-тройку лет тоже неплохим златокузнецом станет. Хватит с тобой в одном городе позориться. Евреев громить будут, не станут разбираться, хорош ты был или плох, пользу ты приносил людям, или обирал народ бессовестно. Бей жидов, спасай Русь-матушку! А мы с Исааком тут ни причем, за ваши грехи не ответчики!

– Да езжай, папенька, чего уж там. Здесь, в Киеве, народ со звериным оскалом, палец в рот не клади, за медный грош зарежут! Потому и охрану такую многолюдную держу, а то ограбят и убьют.

Тут Абрам зевнул.

– Мне только долю от щедрот ваших побольше оставьте. Исаак молод, все профукает, а я уже не мальчик, и при хорошем деле.

– Я тебе оставлю, – как-то нехорошо усмехаясь, сказал Соломон, – я тебе много оставлю. Вот этого! – и сунул старшему сыну фигу под нос.

– Вы, папа, как разгорячитесь, всегда убить готовы. А как болели в прошлом году, кто вас с Исааком кормил? А кто вам сиделок нанял? А кто еду каждый день носил? Кто обмывал вас, лежачего, теплой водичкой? Добренький Исаак или плохой старший сын? А когда князьи люди хотели с вас за дорогое ожерелье, которое вы от общей слабости сделать не смогли, шкуру содрать, какой негодяй, не вставая, двое суток работал?

Соломон кинулся обнимать сына.

– Прости, сынок, горячусь от дури старческой! Бесит меня, что нету наследника достойного в моем роду!

Что Исайка – звук пустой! Вся искра моего таланта в тебя ушла! Ты еще молодой, а кое-что уже лучше меня делаешь. Прямо еще бы чуть-чуть подучится – и готов мастер – золотые руки! А ты что? Наживаешь бессовестным образом

деньги, да со шлюхами валяешься!

– Деньги всегда нужны. Тут на этой земле каждый третий год голодный. Брошенные неудобья кругом, за землей ухаживать не умеют, только пьянствовать да драться горазды.

А у кого мне учиться? Другие ювелиры против нас слабы – вот сидят на поделках, знай свою зернь лепят! К вам как не зайдешь, все с фальшивой монетой возитесь – сбила она вас с пути истинного! Ладно, ладно, папенька, не плачьте, все будет хорошо, – уговаривал он отца, поглаживая его по спине.

– А ты надо думать боярин Владимир Мишинич?

Я кивнул.

– Забегал тут мальчик твой, Ваня кажется?

Я опять кивнул.

– Куда он лезет? Сожрет его Найка, как щука пескарика. Высушит и выкинет! Ну охота ее, так бы пожил, чего женится-то? Она до этих постельных дел рьяная, отказу не будет.

Тобой пугал. Ты, дескать, страшный волхв, взглядом можешь убить. Это правда?

Я снова кивнул.

– Страшно, конечно. Только мне надо понять, тебе то зачем в их мелкие дела влезать? Рассказывай быстренько, да и начинай страшать, а то скучно как то, давно никого не боялся.

И я стал рассказывать. Как к Земле летит убийственный метеорит, как все кругом погибнет, как останется только ку-

ча обломков, вращающихся вокруг Солнца. Как поджидает нас слишком сильный черный волхв, и какие у нас незначительные шансы прорваться к морю. Какие ватагу ждут трудности при попытке пообщаться с дельфинами, как замысловато будет изъять математика, астронома, поэта с враждебной территории чужой страны.

– Вот черт, а я вчера подумал – это так, пустая болтовня каких-то жуликов! Всего десять монет и выдал! Подожди меня тут.

И Абрам убежал. Соломон развел руками.

– Абраша такой увлекающийся мальчик! Сейчас принесет еще денег и будет с тобой умирать проситься! Очень прошу, не бери! Оставь мне утеху моей старости!

Прибежала назад утеха старости.

Абрам сунул мне здоровенный кошель.

– Здесь еще сто пятьдесят.

– В долг?

– Ты из меня дурака-то жадного не делай. Возьми лучше с собой!

– Ты волхв?

– Я? Конечно нет.

– На коне горазд скакать?

– Опыта нету!

– На саблях ловок биться?

– Да пока не пробовал...

– Извини, взять с собой не могу. Понятно почему?

– Ясней некуда – обуза лишняя..., – договорил Абрам упавшим голосом.

– Ты вот лучше скажи: а кто матери Наины и вашей дочке денег на жизнь дает? Не кудесница же из чужих краев пересылает?

– Да где ей, – она голимое перекаати-поле.

– Откуда же деньги на жизнь появляются? На приличную одежду, вкусную еду? Кто расщедривается?

– Один жадный ростовщик, больше чего-то и некому.

У меня перехватило дыхание. Пожалуй, высказывания Наины о бывшем муже были несколько предвзяты и не обоснованы...

– Абрам! У меня к тебе просьба!

– Говори атаман, отказа не будет.

– Ты понимаешь каковы у нас шансы на успех? Ты их как оцениваешь?

– Как плевые. Дело ваше, скорее всего, гиблое. Успех вырвать будет очень тяжело.

– И рвешься идти? – поразился я.

– А куда деваться? Иначе все погибнут: и отец, и дочка, и брат. Какой смысл здесь-то отсиживаться, на прощанье гефилте фиш кушать?

А у меня есть заветная мечта – вырвать назад свою землю, свой Израиль! Если камень удастся отвести, пусть не я, а мои внуки, правнуки, пра-пра-правнуки, получат шанс вернуть землю предков!

Эсфирь внешне приятная, неглупая, я в нее верю – она нарождает деток, и немало. Исаак растет парнем видным, а племянники – это тоже наша кровь. Скажи, папа!

– Конечно, сынок!

– А мое дело на всех заработать.

– Вот и старайся, – подытожил я. – Кроме нас, идут еще одиннадцать ватаг. Кто-нибудь да прорвется. А ты пока ощущение вины сними с Наининой шеи, мне нужно, чтобы она в полной силе была, и Ваня перестал дергаться.

Мне каждый реальный боец важен. Заверь их, что ни Эсфирь, ни Магдалена нуждаться не будут, пока ребята не вернутся, ну а если сгинем, то тем более.

– Это я бы и без твоих просьб сделал!

– А надо, чтобы Наина в этом уверена была. И дай ты ей, Бога ради, развод!

– Сегодня же получит.

– Тогда все. Не поминайте лихом!

На этом и расстались. Не пришлось тебе, Абрам, в этот раз сражаться, пусть с черным волхвом за ваш народ женщины повоюет. В 21 веке ваши женщины в Израиле являются военнообязанными.

А я шел и думал про солиды. Удобное в финансовом плане время – средние века. Четыреста лет ходит монета по миру, и только крепнет. А у нас, что в 20 веке, что в 21, инфляция постоянно съедает деньги, да еще все опасаются очередной денежной реформы, после которой останешься, как

обычно, с охапкой пустых бумажек.

И не от кого научиться мне чему-нибудь хорошему, разумному, доброму, вечному. И с протоиереем Николаем поговорить недосуг, все охота орать:

– Магией изведу! Взвод ушкуйников пришлю! – а дело-то касается всего лишь церковных таинств и изготовления металлических кругляшков.

Поговорю, обязательно поговорю со святым отцом, припаду к Божественной мудрости Всевышнего. Помечтав о чистоте души, я случайно оборотился вполоборота назад и краем глаза поймал очень быстрое движение. Когда обернулся полностью, глядеть на столичной улице было уже не на что – пара галдящих между собой баб, раскачивающийся после выпитого ремесленник, стучащая по деревянной мостовой телега, сгорбленный возница, правящий буланой лошадкой, были тут явно ни при чем.

Значит охота с сильного волхва Богуслава переориентирована на меня – руководителя похода. Василиса снова в бою!

Глава 16

Как же можно защитить мою единственную и неповторимую жизнь, славную дольче вита? Обычные охранные методы ведьма обойдет легко, с Оксаной, обещавшей прикрытие, я повздорил, на расстояние, нужное мне для воздействия магией антеков, Василиса не подсовывается, а нам в Киеве отираться самое меньшее до послезавтра. Да, задачка...

Ну да ладно, пора переезжать на постой к Павлину, а там,

объединенными усилиями волхвов двух самых крупных городов Древней Руси, что-нибудь и придумаем. Приняв верное (как я себе думаю) решение, бодро зашагал к постоялому двору.

У конюшни Олег втолковывал унылому местному конюху что-то сугубо лошадиное.

– Скребницей надо чистить, скребницей! Не надо шоркать лошадь мокрой тряпкой!

Увидев меня, волкодлак оставил бедолагу-коневода в покое.

– Хозяин, тебя Таня хотела видеть, сказать чего-то хочет.

– Мы сегодня переезжаем к Павлину – помнишь, у которого сеновал особо уютный?

– Такое не забудешь!

– Вот и ладненько. Коней здесь оставим, там конюшня маловата. Вдобавок в нее уже поляк двоих лошадей поставил. Ты с нами поедешь, или тут, на постоялом дворе, возле лошадок, завтрашний день доживать будешь?

– А Матвей тоже переедет?

– Конечно.

– И я в комнате один останусь?

– Разумеется.

– Очень хочется одному пожить!

Позиция любителя житья одному была совершенна ясна – в гостях у Татьяны, и ее мать, и Максим мешаются под ногами целый день. А тут, только вдвоем, целые сутки!

– Таня в обеденном зале?

– Где ж ей еще быть.

– Ладно, занимайся дальше.

Заниматься, правда, было уже не с кем – конюх, воспользовался тем, что Олег отвлекся, и улизнул.

В харчевне было немногочисленно – обеденное время уже закончилось, а до ужина было еще далеко. Танюша сидела за привычным столиком, лицом к залу, слева к ней присуежилась Оксана.

Возле стола бесновался и орал зычным голосом красно-мордый мужик.

– Как это ты уйдешь? Мне заменить тебя некем! Хоть сам вставай на это дело!

– Вот и вставай, – негромко ответила Ксюша, – хорош каждый день пивом наливаться.

– Денег не выдам, пока сильного человека на свое место не приведешь!

– Как думаешь, что лучше сделать: ухо ему оторвать или все столы здесь порушить? А может и то, и другое вместе? – поинтересовалась богатырша у подруги.

– Я в княжий суд обращусь..., – неуверенно пискнул хозяин.

– Не забудь для верности оторванное ухо с собой прихватить да ножку от этого столика, он, вроде, поновее других будет, – дала добрый совет «ночная бабочка».

Краснолицый стал вообще какого-то сизомалинового цве-

та, и торопливо начал отсчитывать рубли. Татьяну он, видать, в деле видел, а вера в княжеское правосудие хромала на обе ноги.

– Сегодня хоть досиди! – взвизгнул хозяин.

– Сегодня досижу обязательно, а на завтра ищи человека, – степенно сообщила вышибала.

Дождавшись окончания выдачи зарплаты работнице при увольнении, и торопливого ухода работодателя, я подсел к женщинам.

– Здорово, сударыни! Как жизнь молодая? Тань, ты о чем хотела потолковать? Мне мои уши не лишние, в поход тебя по любому возьму.

Девушки улыбнулись.

– Донял этот козел, – охарактеризовала Татьяна хозяина постоянного двора, – каждую копейку на расчете норовит зажилить, а работы на сто рублей взыскать! Поговорить хотела не я, а бабушка Пелагея.

Вот оно что! Большая старшая ведъм Киева сегодня в теле внучки гляделась естественно – ее не перекособочивало и не сутулило.

– Ты уж меня извини, – начал я, – но Оксану я с собой взять никак не могу, – очень уж с ней неудобно и тяжело.

– Спору нет, – согласилась старушка-молодушка, – но даже не это главное. Очень уж слаба на передок, повернутая на этом занятии. Причем мужик нужен каждый день новый.

– А мне говорила, что это она прикидывается для клиента

такой озабоченной, а на деле устала от всей этой музыки.

– Брешет на каждом шагу! Была бы поприличней, неужели нищенствовать бы стала? Ложиться за полтинник под каждую мразь?

У нее способностей хватает влюбить в себя любого мужика, грести рубли лопатой. Не осилила сама, я бы помогла, любой оберег могу перебороть. Но мужчина даст денег, даже если и не женится, ласки будет требовать, любви. Ну а уж если охомукает, претензий будет – всех святых выноси.

Ей совсем другого надо – ежедневно шлюшничать. Пытается мать хоть слово сказать против – Ксюшка ее зверски лупит.

В походе Оксанка своими ежедневными поисками очередного желающего дойдет невиданно, особенно в безлюдных местах. Мало того, что будет кидаться на каждого встречного-поперечного, к вам ко всем еще будет приставать. Ее брать с собой нельзя – все дело опакостит. Поэтому я пойду без нее.

– В ком-то другом?

– Именно. Войти я могу в любую девушку или женщину, согласие только ее нужно.

– Кто же на это согласится? Чужой человек внутри тебя, – ни спрятаться, ни одному побыть. Я бы не согласился.

– Ты – это ты. Ты мужчина, и этим все сказано. Женщина, она мыслит по-другому. Для нее главное не в своей скорлупке укрыться, а чтобы дети и муж были живы и счастливы.

Конечно, если она тебе не верит, ни за что в себя не пустит – вдруг гадость какую-нибудь сделаешь, а на нее свалишь, или вовсе в ее мозгах приживешься.

– И кто же тебе, ведьме, может так довериться?

– Кроме Танюши и некому – она меня с детства знает.

Я перевел взгляд на богатырку.

– Тань, у тебя же любовь новая, зачем тебе в мозгах чужой человек?

– Она клятву дала, что когда мы с Олежкой ЭТИМ будем заняты, уходить станет! Вдобавок, это только на время похода.

Я вздохнул.

– Дело твое. Я бы не пустил.

– Ты забываешь, – вмешалась Пелагея, – что ни один черный волхв ведьму убить не посмеет, Танюша по любому жива останется. А у нее ведь сын, его она любит больше всех на свете.

– Невзор тебя рассмотрит в Татьяне?

– Рассмотрит, куда он денется. В нем силы больше, чем во всех вас вместе взятых. Это и его жизни касается, поэтому кудесник не налетит на вас ураганом, а сначала присмотрится – что за люди идут в твоей ватаге, какой силы и способностей.

– Тогда да, резон подселить тебя к Тане имеется.

– И вашему отряду лишний богатырь не в убыток. Мало ли как судьба завернет.

– Да у нас уже есть один...

– А будет два. Запас спину не трет. Деньги подойдут к концу – я придумаю чего-нибудь. Надобно бабе получку положить какую-нибудь, ей сына кормить – не по родне же его отдавать.

– Ладно, – окончательно решил я, – богатырка с нами идет, ты при ней. Сколько тебе здесь платили? – спросил я у золотой работницы, любимицы оборотня.

– Семь рублей этот гаденыш давал, на пристани в два раза больше получала.

– Больше десяти дать не могу, уж не взыщи. Выдадим тебе тридцать рублей, делись там с матерью как хочешь, и уйдем – дольше трех месяцев вся эта катавасия не продлится.

– Неужели так долго камень лететь будет? – спросила ведьма.

– Нет конечно. Но ведь надо еще будет назад дойти, если повезет, и не пришибут где-нибудь по дороге.

– Ты может быть поесть хочешь? – забеспокоилась обо мне богатырка, – сегодня гусей поджарили неплохо.

Золотая баба! Я ведь не Олег, а и за мной следит, чтобы голодным не остался.

– Я из гостей иду, наелся до отвала. Мы сегодня переезжаем в тот дом, где нас вчера Павлин-мавлин привечал.

– Само сорвалось, прости, – извинилась Татьяна.

– Больше так не зови, Павлин обижается. Олег тут остается, один в своей комнате, к лошадям поближе.

Глаза женщины подернулись поволокой в предчувствии массы новых неизведанных чудес при будущем общении с любимым.

– Трудности у нас с Богуславом из-за ведьмы Василисы – шныряет возле нас, явно убить хочет. Пелагея, помоги нам поймать ее.

Женщина подумала.

– Переезжать всей кучей будете?

– Разумеется.

– На толпу она не полезет, попытается вас с Богуславом по отдельности словить. Друг без друга сегодня никуда не выходите, при надобности посылайте младших. Василиса меня в обличье Оксаны прекрасно знает, близко не подсунется. А вот то, что я в Тане, для нее будет как гром среди ясного неба. Она увидит другую ведьму, но слишком поздно. Сегодня Танюша в вышибалах досиживает, а завтра и займемся.

– Хорошо. Только давай, чтобы и я в вас не путался, опознавательный знак какой-нибудь введем.

– Синяя ленточка на голове подойдет? Есть лента – перед тобой ведьма, нету – это Татьяна.

На том и порешили. На прощанье я спросил:

– Не знаешь кому в Киеве краденное барахло можно кучей сбыть?

– Вчера добыл?

– Ну да, у бандитов.

– Есть такой душевный человек, скупщик краденого.

Завтра сведу тебя с ним. Заодно и Василису половим. Много денег перекупщик не даст, но и обманывать не станет, побойтса.

– То, что надо! До завтра?

– До завтра.

Пора начинать переезд. Матвей деловито и не задавая лишних вопросов сразу взялся складывать вещи, Богуслав уже был готов.

Зашел к протоиерею. Тот как раз рассказывал какое-то нравоучение Емеле. Я заинтересовался, присел тоже послушать.

– Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя. Пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою. Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей, любезною ланью и прекрасною серною, любовью ее услаждайся постоянно. И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею и обнимать груди чужой?

– А откуда это взято, святой отец? – поинтересовался я.

– Из Ветхого Завета, сын мой, поучения Экклезиаста.

Цитаты из Экклезиаста в моих веках встречались часто, но кто он и чем известен я никогда не знал. Мои попытки вникнуть в Ветхий Завет быстро закончились полным крахом из-за многочисленности героев и событий. Вызнаем у протоиерея.

– А кем он был, отче? Чем известен?

– Никем не был и ничем не известен.

Вот те раз!

– А как это?

– Экклезиаст – это в переводе с греческого наставник, учитель, проповедник. Богословы склоняются к мысли, что от имени Экклезиаста в Библии проповедует сам царь Соломон.

Вот оно как!

– А ты перестань по проституткам бегать, да последние деньги на них тратить. Удовольствуйся своим, и из чужого колодца не пей. На потеху с публичной женщиной денег займы не дам! Тут возле своего нужно держаться.

– А у меня нету пока своего! Ни лани, ни серны... Я любой был бы рад, – занял богатырь.

Ишь какой страдалец по женской ласке оказался!

– Ты же вчера с рублем отсюда ушел, – вмешался я, – и сегодня на ночь должно бы хватить.

– Да Оксана такие изыски показывала, что все деньги у нее и остались...

– Тебе что, больше деньги тратить не на что?

– А на что мне их тратить? Кормить кормят, переночевать есть где. А вдруг убьют завтра с вами за компанию, никаких денег и не понадобится.

– Не ходи с нами, останься в Киеве – целее будешь, – предложил я.

– С голоду тут подышать? В деревню я вернуться не могу – сгорело все, а городских умений у меня нету никаких, рабо-

ты не сыщешь. Да и жить тут негде, а скоро зима. Без вашего похода проруха мне полная. И маменьки со мной нет – она ловкая и рукастая, вдвоем бы прожили и в Киеве, а один я тут пропаду.

Парня было жалко, вдруг погибнет ни за грош? Молодой совсем, жизни еще не видел. В голову пришла неожиданная идея.

– А ты матушку свою поискать не хочешь?

– До Константинополя далековато будет...

– Вас же грабили и жгли за два-три дня до нашего прихода?

– Ну да.

– Оказывается здесь, в Киеве, тоже теперь есть невольничий рынок, и князь работорговле потворствует.

– Наш князь? Не может быть! Они тоже наши, русские люди!

– Еще как может. Скажут, что она либо денег должна, либо из крепостных.

– А она...

– А что она скажет, на это всем наплевать. Похитители продают, перекупщики дальше погонят – всем лишь бы выгоду поиметь. Думаю, невольников сразу в Византию не гонят: их кормить надо, часть заболевает, часть перемрет по дороге – сплошной убыток. Наверняка их тут какое-то количество пытаются сбыть, самое меньшее с неделю ими торговать будут.

– Так маму угнать еще не успели?

– Скорее всего.

– Господи! А денег совсем нету! Выкупить не на что!

– Я тебе денег дам, не печалься. Лишь бы нам ее найти.

– Хоть бы, хоть бы найти!

Паренек вскочил, начал метаться по комнате.

– Хозяин, я даром с вами куда хошь пойду, только выкупи маму!

– Завтра, все завтра. А сейчас собирайтесь – переезжаем.

– Куда?

– Туда, где тебе вчера изыски начали показывать.

Организовав народ, пошел складываться и сам.

– А зачем нам переезжать? – поинтересовался Богуслав, – послезавтра уж уходим.

– С волхвами местными надо еще потолковать. Разобраться хочу, почему черные так про прилет камня толкуют, а они эдак. Не люблю непонятного в важных делах – полная ясность должна быть. Да и с Василисой, если вдруг поймаем, непонятно, что делать.

– Внушим чтоб Невзора убила!

Я покачал головой.

– Не получится.

– Почему это?

– Нельзя человеку внушить, чтобы он или она сделали что-нибудь противоречащее главному в душе.

– А что в этом такого, чтобы черного кудесника убить?

Эта ведьма убивать не боится – вон как ловко меня кинжалом в сердце ткнула.

– И мне также легко воткнет. А Невзора не тронет.

– Почему?

– На черных волхвах и на ведьмах лежит страшное заклятие – убьют если друг друга, и сами тут же погибнут, и весь род убийцы перемерет.

– Вот оно что... Тогда отведем в сторонку, и как овцу зарежем!

– Давай лучше сегодня с Захарием посоветуемся – может чего дельное присоветует.

– Может быть...

У Павлина нас встретили как родных. Емельян привычно отправился на сеновал, остальных разместили в доме – Матвея подселили к Венцеславу, а нам с Богуславом выделили отдельную комнату. Протоиерей пристроился по соседству с двумя пожилыми иногородними волхвами. Обосновавшись, мы отправились на кухню – решать непонятные, но животрепещущие дела с Захарием и Павлином.

– А что за гости у тебя? – спросил я хозяина дома.

– С Углича и Вышгорода сегодня подошли, принесли денег в помощь нам. Ватаги они отрядить не могут – не из кого, сами пойти не могут, так хоть чем-то помочь. Ладно. Вы поговорить о чем-то хотите?

– Именно.

Мы расселись вокруг стола.

– Я хотел спросить, почему такая разница в мнениях о том, что будет после падения камня на Землю? И там волхвы, и тут волхвы, неважно черные или белые, а такие разные мнения об исходе катастрофы.

– Они не берут в расчет того, что камень необычный. Небесный булыжник всегда или каменный, или металлический, убыток только от веса и размера, а этот совсем другой. От обычного камня разрушения только от удара, а этот взрыв даст страшной силы, разрушит саму Землю – ответил Павлин.

– Из чего же он слеплен? – недоумевал я, усиленно вспоминая все о небесных телах и думая, что метеоритной взрывчатки аж до 21 века не замечено.

– Это странное вещество. У нас оно может существовать, только не прикасаясь ни к чему. Если до чего-то дотронется, сразу взрыв. И остановить ее столкновением с другим камнем на расстоянии лучше и не пробовать – все перекосит и перевернет в Солнечной системе, ничто живое не уцелеет. Вот это и будет Армагеддон. А ударит в Землю, ее разорвет на части. Вот этим камень и опасен, а не размером и весом. Отвести его нужно в сторону. И не просто отвести, а чтобы улетел далеко за пределы солнечной силы, перестал возле наших планет вертеться.

– Кто же может знать, куда его нужно направить? Не дельфины же?

– Дельфины для усиления общей мощи нужны, вас дойдет

мало – несколько человек, волхвов всего трое, не густо для такого дела. А у морских обитателей с такими способностями каждый второй, созовут своих, враз соберутся в большую стаю.

Куда отшвырнуть камень, может сказать только Омар Хайям – он и видит не хуже самых сильных из нас, и звездочет, каких поискать, и математик известный. Других таких в мире нету. Как волхв он, конечно, слабенький, но это неважно, главное – ума палата. Да сам араб с дельфинами нипочем не столкнется, нужна ваша помощь.

То есть дойдете до моря, договоритесь с тамошними обитателями и идите Хайяма искать. Пока по чужой стране бродите, дельфины помощь соберут. Дело-то вроде нехитрое, но хлопотное.

– А если учесть, что люди с дельфинами за тысячу лет и близко не сталкивались, хотя наверняка в этом деле и волхвы поучаствовали, а по пути нас черный кудесник поджидает, то хлопот больше, чем полон рот, – меланхолично заметил я. – А чего там с кедровой рыбкой?

– Я тебе ее в последний день хотел отдать, постоянно о ней думаю, чтобы не забыть.

– Ты ее забудешь отдать, я забуду взять – в последний день всегда так бывает. Люблю сложиться заранее, чтобы взял вещички, встал и пошел.

– Для этого и есть русский обычай: посидеть на дорожку! – запротестовал Захарий. – Посидел, подумал, все что

надо вспомнил.

– Посидел, подумал и вспомнил, что забыл вас перецеловать на прощанье, – ехидно заметил я, – с тем в поход и отправился. Можно еще жену вспомнить, она в Киеве ни разу не была.

– Уже бегу за вещицей, – не стал вступать в ненужные споры Павлин и ушел.

– У вас же теперь Яцек есть, зачем вам рыбка? – удивился старший.

– Запас спину не трет, – пояснил я. – Мало ли, вдруг не сыщет поляк, или убьют его по дороге, все под Богом ходим, кому тогда искать? Марфе вынюхивать?

Ответ Захария удовлетворил. Вернулся хозяин дома, принес небольшую красноватую деревяшку, подал ее старшему. Тот нашептал нужное заклинание и отдал вещицу мне.

Рыбка гляделась очень достойно. Небольшая – с пол ладони в длину, красиво сделанная, аккуратно и со всем тщанием выструганная и отшлифованная. Сразу видно, что хороший мастер делал, а не торопыга-бракодел. Не тяп-ляп получился, а достойная вещь. За такое изделие краснодеревщику стыдно не будет никогда, с любовью сделано. И наш хозяин узнает ее всегда, хотя бы и через много лет, и гордо скажет:

– Это я делал!

Свою работу, что с усердием сделана, узнаешь всегда, по себе знаю. Хоть я врач, но и руками в этой жизни переделал немало.

– А служить долго будет? – забеспокоился я.

– Ливанскому кедру сносу нет, – заверил Захарий, – а закливание будет действовать, пока деревяшка цела. Рыбка носом покажет, где искать. Поднимаешь ее за нитку, вот за эту, рассказываешь, что знаешь, или представляешь человека и рыбный носик в нужную сторону покажет.

Проверим!

– Где у вас тут северо-восток?

Показали. Примерно так я и думал. Поднял деревяшку за черную нитку и внятно проговорил:

– Моя жена Забава.

Носик рыбешки повернулся в нужную сторону. Здорово! Но может случайность?

– Омар Хайям.

Рыбка заколебалась. Конечно, человек с таким именем в той далекой заморской стране явно не один. Надо добавить данных.

– Его рубаи:

Удивленья достойны поступки творца!

Переполнены горечью наши сердца:

Мы уходим из этого мира, не зная

Ни начала, ни смысла его, ни конца.

– Какой ум и талантище! – негромко проговорил Захарий. – И как верно сказал! Я эту мудрость понял совсем недавно, на закате жизни: как волхв все знаю, расти уже некуда, все есть, бороться не за что, желаний прежних нет,

но также, как и восемьдесят лет назад непонятен смысл этого мира. А ведь он хоть в годах, а еще не стар...

Тут старший волхв протянул руку к рыбке, уже строго поставившей нос на юго-восток и сказал несколько непонятных слов.

– Ну вот теперь Омара Хайяма можно искать и без чтения рубаи – он записан в магической памяти дерева, достаточно будет сказать имя, амулет его найдет.

– А мертвых амулет тоже показывает? – спросил Богуслав.

– Мертвых нет.

– Можно тогда еще кое-кого взглянуть? Не собью в его памяти ничего?

– Сколько угодно.

Слава аж встал и громко объявил:

– Полетта Вердье!

Рыбка не подвела и четко указала на северо-запад.

– Жива! – вырвалось у боярина, – Настя жива!

У местных от недоумения аж вытянулись лица – искали Полетту, а нашли Настю, но выясняться они не стали, – тактичный и умный народ.

– Чем еще можем помочь? – поинтересовался Павлин.

– Советом, – взял беседу на себя я, подумав: пусть там Богуслав тихо порадует, не будем его пока отвлекать, и рассказал о проблеме с Василисой.

– И мне думается: стоит ли ее ловить, зря время тратить, ничего не могу придумать, как из этого пользу извлечь, –

завершил рассказ я.

Волхвы задумались.

– Только что отвести куда-нибудь в сторонку, да из мести зарезать, – предложил Захарий.

– Лишняя возня, – отмахнулся я, – мы не мстительны. Слава, Василису резать будешь?

– Да идет она лесом, – отказался от предложенной чести счастливый влюбленный, – пусть поживет.

– Ну а мне до нее и вовсе дела нет, – высказался я, – меня эта ведьма стилетом в грудь не била, а всяческой погани у нас и без Василисы в избытке. Начни всех убивать – обезлюдеет Русь-матушка, на племя народу может не остаться.

Я встал с мыслью попрощаться с кудесниками до ужина.

– Ты посиди, посиди еще, – остановил меня старший, – не закончен разговор, может еще чего придумается.

Подумали еще минуты три, дальше они беседовали между собой как-то не очень понятно.

– Только их поп! – Захарий.

– А он осилит? – Павлин.

– Одной левой! – Захарий.

Я решил вмешаться.

– Если вы о протоиерее Николае, то он не может убить даже хищного зверя, не говоря уж о черном волхве. И разницы между нами пока не замечает – церковь наши окрасы не отличает: пособники дьявола, и все дела.

– Убивать никого не надо, – пояснили мне, – защищаться

то он будет?

Вспомнилось как себя вел Николай во время нашей с ним совместной охоты около Новгорода на коркодила, как уверенно взялся для сдерживания зверя за рогатину.

– Будет! – заверил я.

– А это и нужно. Если удастся вбить в хитрую головушку Василисы, что протоиерей хочет убить Невзора, то все внимание черного волхва будет сосредоточено на попе, а божественная мощь Николая превосходит силы кудесника в несколько раз.

– Но святой отец неспособен убивать!

– А попы они очень разные: один неспособен, а другой еще как горазд! Нападет враг на монастырь, монахи всей толпой отбиваются, и охулки на руку не кладут! Кто Невзора насчет Николая посветит? Знаем об этом только мы, отче в своих проповедях об этом не рассказывает, а мы лишнего не сболтнем.

– Это верно, – задумался я, – а как подать это поубедительнее?

– Приставим к протоиерею двух иногородних волхвов, вроде как для охраны. Пусть с тобой вместе все трое и погуляют.

– Василиса тогда близко не подsunется.

– Вы куда завтра идете?

– На невольничий рынок – у нас у Емельяна мать в полон увели.

– Туда вместе, назад порознь. Она, конечно, за тобой увяжется, а в памяти у ведьмы отложится – священнослужителя внимательней тебя белые волхвы караулят. Волхвов после вас сюда позовем и научим, чего кричать погромче:

– Защитим, отче! В обиду не дадим! Ты в этом походе главный! Убей черного!

– Протоиерея-то Невзор точно не достанет?

– Где ему! Мелковата эта гнида против божьего избранника, не осилит. Отличить священника от вас легко: черная ряса, поверх здоровенный серебряный крест, не перепутаешь. Вражина по всем ватажникам пару ударов нанесет, их Богуслав должен отбить, и начнет гвоздить протоиерея, а на вас поглядывать вполглаза. Кто-нибудь из твоих ребят может отвлечь черного?

– А как его отвлечь?

– Вертеться мелким бесом, усиленно размахивать саблей и кричать какую-нибудь дурь нечеловеческим голосом. При этом уворачиваться от подарков кудесника в виде огненных шаров.

– Матвей может, он бывший атаман ушкуйников. Только вот магической силы в нем нету нисколько. Невзор его со всей силы не ударит?

– Пусть Богуслав гада тревожит, отвлекает всячески. Да еще он от Николая страшного удара будет ждать и с вами, обычными людишками, времени возиться у волхва не будет. Вот за это время и надо к нему надо приблизиться, и на рас-

стоянии попытаться убить. Умеете?

– Из арбалетов стреляем хорошо, ножи бросаем в цель уверенно.

– Это правильно. Луки натянуть да стрелы пускать Невзор вам не позволит, сразу пришибет. На все про все у вас будет несколько мгновений, не разгуляешься особо. Богуслав, на Владимира надо полог накинуть, прикрыть его жиденские магические силы.

– Перед нашим отъездом укутаю его, сейчас рано. Не надо, чтобы Василиса об этом узнала.

– Добре. До ужина?

– До ужина.

И забрав с собой амулет мы удалились в свою комнату. Там упали на кровати.

– А что они толковали про необычность камня? – спросил Богуслав.

– Все кругом состоит из обычного вещества, а метеорит, похоже, из антивещества.

– И что?

– В пустом пространстве никто друг другу не мешает, но стоит веществу коснуться антивещества, не удариться, а просто прикоснуться, идет дикой силы взрыв, который действительно может разрушить Землю. Насчет других планет, вращающихся вокруг нашего Солнца, ничего сказать не могу. Нет таких данных в 21 веке.

– А раньше антивещество не прилетало?

– До 20 века никто за этим и не следил, – нечем было. А за сто десять лет до моей отправки сюда прилетало что-то похожее в тайгу: пролетело вверху, в десяти верстах от земли, и взорвалось. Повалило деревья по очень большому кругу, трясло аж до Японии.

– Где такая?

– В тысячах верстах от места взрыва. А сам взрыв заметили и во Франции, и в Англии – и приборы его зафиксировали, и небо три дня и у нас, и у них светилось.

– Крепко Земле досталось! – поразился Слава.

– Метеорит был не очень велик. И главное: много раз командами вроде нашей туда ходили, следы камня искали – ничего не нашли, кроме поваленного леса.

– А что должно было быть?

– Следы от удара об землю должны были остаться: впадина с версту или больше, сам булыжник или его куски. А там ни-че-го! Поэтому в 21 веке и склоняются к мысли, что прилетал камушек из антивещества, и был бы он в несколько раз больше – конец Земле. От такого метеорита убытка в сотни раз больше, чем от обычного. Потому и нужно, чтобы камень пролетел мимо, и нашу жизнь не порушил.

– А что же черные так облажались? Погибнем ведь все вместе.

– То ли не разглядели, то ли не поняли, пес их знает. У любого волхва – душа потемки. А переубеждать Невзора просто некогда – он тут бычиться до следующего лета будет.

– И то верно, – согласился побратим и сменил тему. – Слава Богу, теперь я за Настю спокоен – жива. Посмотрим еще раз на ночь?

– Обязательно! – заверил его я.

Поболтали еще о том, о сем. Лошадей перековывать сейчас незачем – не по асфальту или каменистой мостовой идем, а по сыроватой и мягкой земле, сносу подковам не будет. Еду с собой можно и не брать, до Переславля, где вотчина и семья Богуслава, рукой подать – всего день пути.

На ужине я спросил Павлина как прошла беседа с протоиереем и нашими иногородними коллегами, не нужно ли отдельно беседовать с нравным Николаем. Оказывается, все прошло на «ура», все рвутся помочь.

– Вы только сразу на невольничий рынок не бегите, – дал совет киевлянин.

– Почему?

– Василиса не может вас сутками у двора караулить, она ведь тоже не железная. Поесть, попить, поспать ей, как и любому человеку надобно. Скорей всего на нашей улице мальчишка или девчонка, нанятые за ломаный грош, пасутся. Вот и надо им дать время за ведьмой сбегать.

Сначала постой возле калитки, покричи чего-нибудь, из-за забора пусть ответят, называя тебя по имени, только потом выходите. И побродите по другому торгу, погуляйте по улицам, дайте Василисе послушать, как протоиерея перевозят.

– Резонно, – согласился я, – так и поступим.

На этом день и закончился.

Глава 17

С утра подошла Татьяна. Синяя ленточка на лбу показывала, что ее сегодня верней звать Пелагея. Наши уже все были готовы. Объяснил коллективу как сейчас будем перекидываться через забор. Емельяну велел прихватить с собой мешок с наворованными вещами.

Первыми на улицу вышли мы со священником. Через три дома от нас играли четверо мальчишек и девчонка, все лет по 10-12.

– Начинай кричать, – предложил Николай.

– Долго вы там? – заорал я.

Девочка как-то напряглась и стала внимательно прислушиваться. Прав бы Павлин – похоже вот он – детский дозор. Но юная девица никуда пока не бежала, видимо в лицо меня не знает, и желает убедиться, что я именно тот, за кем она приставлена следить.

Со двора невнятно что-то пискнули. Я-то не пойму, а уж в отдалении точно не разберешь. Надо менять тактику.

– Святой отец, крикни чего-нибудь с моим именем, желательно пару раз, – попросил я.

Протоиерею разжевывать было не нужно – он мастер художественной речи.

– Эй вы там, здесь на улице, Владимир волнуется! У Володи сегодня дел много!

Девчонка тут же унеслась. Похоже, действительно каральщица. Подождав, как и было договорено заранее, минут пятнадцать, вывалились через калитку оставшиеся. Все это время мы с протоиереем толковали о его новой роли в походе.

– Не боишься черного волхва?

– Для чего ж я с тобой пошел, бояться что ли? Убивать я не могу, с дельфинами не столкнусь ни в жизнь – не умею с братьями нашими меньшими, из языков, кроме русского, знаю только греческий и латынь, никаким персидским не владею, – на что такой поп тебе нужен? Пищу переводить, да Емеле холку оттаптывать?

Тут хоть вражью силу на себя отвлеку, вроде как щит возле вас подержу, все какая-то от меня польза будет. Ты пока эту вонючку лови, надо будет – хоть целый день на это потратить. Павлин вчера уверял, что я мощнее черного волхва. Конечно, мне Сила Господня дадена для богоугодных дел, а у него что? Так, звук пустой!

– А вдруг пересилит тебя Невзор и убьет?

– На сколько-то времени я врага отвлеку, а вечно будем жить только в Царствии Небесном. Здесь рано или поздно, а все равно когда-нибудь помирать, на все Божья воля! – и Николай перекрестился.

Я тоже перекрестился. Да, эту мощь веры волхвам и толпой не пересилить!

– И за меня не волнуйся, – завершил беседу святой отец, –

вчера на мне Захарий свое искусство испытывал, мою защиту не осилил. Толковал, что он волхв посильнее Невзора будет. Ладно, хватит об этом. Когда нам нужно будет от вас отделиться?

– Скорей возле невольничьего рынка и разделимся, но для верности решим так: как будет пора, я кого-нибудь из твоих сопровождающих подзову и скажу.

– Годится.

У вышедших иногородних я спросил имена.

– Архип! Осип, – бойко отрапортовали мужики, и мы пошли.

Девочка к этому времени уже вернулась, лежбище ведьмы было где-то недалеко. Проходя мимо сорванцов, я внятно и очень громко сказал:

– Сначала на Подольский Торг пойдем, барахло нужно продать.

Держались двумя ватагами, люди Николая слегка позади нас. На краю зрения что-то мелькнуло. Василиса объявилась! Архип с Осипом старались в два голоса вовсю.

– Убей Невзора, святой отец!

– Не щади черного волхва, – он уже не человек!

Мы зашли на Торг, и Пелагея подвела нас к нужному перекупщику и негромко ему сказала:

– Грицко, это я – Пелагея, из Оксанки в Татьяну перепрыгнула.

Мужик со здоровенной и очень черной бородищей к этой

метаморфозе отнесся спокойно, видно видал всяческие виды, вежливо спросил:

- Чем могу служить?
- Одежку хотим продать.
- Показывайте.

Увидев движимое имущество, склонился к ведьме и совсем тихо решил узнать:

- За разбой взялась?
- С банды Кривого долг взыскали.

Длиннобородый решил узнать обстоятельства дела.

– Он с подельниками, говорят, не в себе второй день. Твоя работа?

– Чья же еще! Пошевеливайся, а то за Кривым с Косым отправишься.

Это возымело хорошее действие и процесс оценки и подсчета закипел. В конечном итоге Пелагея получила пятьдесят четыре рубля, и мы, удовлетворенные, удалились. По пути Пелагея учила Емелю:

- На невольничьем рынке не ори радостно:
- Мама! Я всю землю обошел, а тебя нашел!
- Почему это? – насупился двухметровый гигант.
- Потому что услышит тебя работорговец, цена сразу взлетит в десять раз – было рубль, станет десять. Мать для человека дороже чужой тетки.
- Теперь понял!
- Поэтому увидишь маму, подергай меня за рукав и ти-

хонько скажи которая. Ее как звать-величать?

– Акулина.

– Какие-нибудь особенности у нее есть?

– Это как?

– Эх, орясина! – вздохнула Пелагея. – Ростом высока, шрамы на лице, косая или кривая, рыжая, – да мало ли что.

– А-а-а! – понял туповатый богатырь. – Не косая, не кривая, волос вроде моего, обычный. Ростом, верно, повыше других баб будет. Зачем-то добавил: – Ей 37 лет, деревня наша Дубровка. А! Возле рта шрамик небольшой справа – упала в детстве.

Мы с Пелагеей только покачали головами – ну хоть что-то. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Обнаглевшую Василису сегодня даже можно было увидеть. Татьяну она не боялась ничуть, мои жиденские магические способности ее не смущали, сдерживал порыв меня убить священник с двумя волхвами и со способностями мощней моих.

– А что это она так близко подсунулась? – решил я узнать у Пелагеи, – не боится, что узнаю?

– Кабы не добавили антеки тебе своей силы, нипочем бы не узнал. Скажи про себя:

– Покажи морок! – и увидишь все, как простой мужик.

Попробовал. За нами брела маленькая старушонка с клюшкой. Вот оно как!

– Теперь скажи:

– Сними морок!

Тоже получилось. Ну что ж, будем ковать железо, пока горячо!

Я повернулся и крикнул:

– Архип! Подойди!

Когда волхв подошел, сказал ему:

– Уходите, уже пора. Бабку сзади вас видишь?

– С клюшкой?

– Да. Это ведьма. Если пойдет за вами, не бросайте про-
тоиерея одного! Эта тварь может сменить объект охоты.

– Конечно присмотрим. А говорили, что ей лет 35-40.

– Она морок накинула, мы же с отцом Николаем ее прежде
видели, в лицо знаем. Ближко-то он ее любую учует, да боюсь
поздно будет.

– А ты что, через ведьмин морок можешь видеть? Ни один
мужчина же не может.

– И я, и Богуслав, который со мной в комнате живет, оба
можем.

– Ну вы сильны!

– Мы такие. Да гляди, священнику про эту старушонку не
сказывай!

– А что так?

– Боюсь не утерпит, крестить начнет или крестом обма-
хивать, спугнет.

– Понял!

Архип вернулся в свою тройку, и они отвернули от нас на очередном повороте.

Василиса тут же подсунулась ближе.

– Пора брать, – сказал я

– И то верно, – поддержала меня Пелагея.

– А что будем брать? – заинтересовался Емельян.

– Тебя за задницу! – рывкнула ведьма, – пошли вперед!

Я в это время нагнулся к сапогу, вроде мне что-то мешает идти, а Василиса сзади понеслась меня убивать. Дождавшись, когда она будет поближе, прокричал:

– Азенте мо! – как меня научил недавно Антекон 25.

Эффект был замечательный: ведьма остановилась, зашаталась, выронила шило. Да уж! Даже кинжала на меня, вшивоту новгородскую не нашлось!

Я подошел к своей несостоявшейся убийце.

– Шило отравлено?

– Нет.

– Как же им можно убить?

– В глаз нужно ткнуть.

Вот это да! Приличных людей стилетом в сердце, а меня, как белку в глаз, чтобы шкуру не испортить! И это пришельцу из 21 века! Никакого уважения ко мне нет. Убить на ходу, между делом. О времена, о нравы!

– Пойдем, – скомандовал я. – Теперь мы с Богуславом над тобой куражиться будем.

Морок с ведьмы спал, и она опять стала симпатичной ба-

бешкой, только какой-то безвольной и вроде как оглушенной. Антеки магическое дело знают туго. Нужна была Василиса? Пожалуйста получите, и делайте с ней все что угодно!

Мы быстро догнали Пелагею с Емелей – они меня ждали за углом в ближайшем переулке, далеко не ушли.

– Быстро поймал, молодец, – одобрила мои действия Большая Старшая ведъм Киева, – не оплошал. На рынок пойдем или сначала Ваську к Павлину в дом потащим на расправу?

– Боюсь Акулину купят за то время, что мы бродим туда-сюда. Она же не убежит?

– Куда ей деться! Будет стоять и ждать размораживающего заклинания. В ней воля полностью подавлена, по команде, что хочешь сделает.

– В этом виде может удастся Василису на Невзора науськать?

– Может быть. Только черный кудесник ведьму в таком виде к себе не подпустит, не хуже нас с тобой понимает, чем это может кончиться.

– Значит на рынок, пропавшую матушку искать.

– Скорей пошли! – рванулся Емельян.

И мы пошли, ведя с собой Василису. Ведьма безропотно переставляла ноги, безучастная ко всему и на все согласная. По внешнему виду она от обычных людей ничем не отличалась. Нет блеска и живости в глазах? Отсутствует интерес к жизни? Безропотно выполняет любые команды хозяина? Вя-

ло говорит? И что? У нас такого народа не выгребешь!

Пошли вдоль рядов, поглядывая и на всякий случай прицениваясь. Дороже всего были подростки и молодые девушки – их цена доходила до двух гривен или 80 рублей. Крепкие мужики шли по 60 монет, женщины средних лет по 40 рублей или по одной гривне.

– Почему девушки так дороги это понятно, их всегда можно продать в гарем на Восток или гонять по хозяйству в имении, опять же потом других рабов нарождает, а почему мальчишки так ценятся, чем они хороши? – спросил я у опытной Пелагеи. – Они же не умеют ничего, их еще долго учить надо.

– Учить надо, – согласилась она, – но выучить чему-то совершенно новому, редкому и очень полезному гораздо легче, чем парня или взрослого мужика – тех учить уже трудно. А из пацанят в Константинополе делают замечательных мастеров по редким ремеслам: златокузнецов, краснодеревщиков, портных по одежде для очень богатых. Немало таких умельцев назад на Русь продают – купить готового ремесленника гораздо проще и быстрее, чем самим воспитывать. Выращивают из них и очень умелых воинов для восточных стран. А из тех, кто глуп или неловок, делают евнухов в гаремы. И русские мальчишки для обучения там больше ценятся, чем половецкие – они потолковей и поуслуживей.

– Вот оно что, – протянул я, подумав: и у нас зарубежное обучение ценится.

Рынок был обширен, выбор разнообразен, покупателей

много.

– А что это народу столько набежало? – заинтересовался я. – Все в Константинополь поедут рабов продавать?

– Это купцы, на ладьях с товаром идут. Им гребцы для ускорения нужны, если к морю плывут, течение на Славутиче медленное. А если корабль вместе с товаром не продадут, назад, против течения выкарабкаться без гребцов, на одном парусе, просто невозможно. Через море в Византию мало кто ходит, чаще в Крым идут – в Феодосии и Корсунии за крепких рабов платят побольше чем тут.

– Но ладью же трудно продать?

– Это тут, где леса много. А там, в степи, на доски охотно берут и платят дороже, чем в Киеве за корабли. И с Константинополем у них связь налажена, дорога туда проторена – недавно еще частью Византии были.

Много по рынку ходит боярских людей и богатых купцов: челядь домой покупают. Вольнонаемным каждый месяц платить надо и наглые они очень. А этого покормил, если надо высек, можно и убить – за своего раба взыска никакого нету.

– А у нас в Новгороде все иначе!

– Новгород вольный город, князь у вас пришлый, сегодня здесь, завтра уехал, мало что решает. А здесь княжий Киев, столица всей Руси, и Великий князь полновластный владыка над людьми. Раньше эту работорговлю прятали, а при Святополке большой и совершенно законный рынок открыли.

Неожиданно Емеля встал.

– Вот она, – сказал он каким-то глухим голосом и раскрыл рот, чтобы что-то заорать.

Пелагея, в отличии от бестолкового меня, сориентировалась на удивление быстро, и мгновенно врезала мощным Таниным кулаком парню в под дых.

– Ма... – уже шепотом просипел согнувшийся богатырь, ушибленный богатыркой – можно сказать от равного себе по силе получил.

Пелагея сунула Емеле кулак под нос.

– Не ори дурак! Предупреждала тебя, бестолковца!

– Я хотел мама крикнуть...

– А мы лишнего платить не хотим. Были бы твои деньги, орал бы сколько душе угодно, взыска бы не было, а сейчас говори только когда спросят! Понял, орясина?

– Понял.

– Вот и хорошо. Которая?

– Вон подальше стоит.

– Которая выше всех?

– Да, да!

– Стой здесь.

– Да я...

– Стой здесь, дубина! Она тебя увидит, тоже галдеть начнет. Любуйся отсюда.

Прошли подальше, оставив Емельку поодаль. Начали рассматривать здоровенную бабу. С нашим ухарем явное сходство, шрам возле рта в наличии. Для верности я спросил:

– Как звать?

– Акулина, – ответила понурая женщина.

– Откуда?

– Из Дубровки...

У всех рабов веревками были спутаны только ноги, а Акулину обмотали всю.

– Дорого просишь? – спросил я у подскочившего торговца живым товаром.

– Пятьдесят монет! В ней силища страшная – спутанную вервием всю дорогу вели!

– Ну ее, – дернула меня за рукав Пелагея, – пришибет еще кого из челяди, греха с ней не оберешься.

– Сорок! – резко сбавил цену работоровец, поняв, что сбыть здоровенную рабыню будет нелегко, а до Крыма везти ее будет трудновато.

– Тридцать, – решительно вмешалась Пелагея, – или мы уходим!

– Забирайте! – махнул рукой купец.

Мы отсыпали двадцать пять из денег перекупщика, взятых в Танином объемистом кошеле, оставив тридцать богатырке, пять иностранных монет добавил я, и получили богатырскую матушку в полном объеме. Не успели отойти, как налетел любящий сын и заорал во всю свою мощь:

– Мама! – горячо обнимая матушку.

– Емеля, сынок..., вот и свиделись на прощанье... А меня чужие люди купили...

– Это наши! Они за тебя свои деньги отдали!

– Эх, продешевил! – было написано на роже торгаша, кабы заранее знать! Ободрал бы я этих милосердных, как липку...

– Сними путы, сынок, намаялась я связанная быть, устала.

– Сейчас! – и Емеля торопливо взялся срезать веревки с матери.

Освобожденная Акулина поразмяла руки, присела пару раз и взялась нас всех обнимать и целовать. Потом низко поклонилась и сказала:

– Благодарю вас люди добрые за дело богоугодное! Дай вам Бог здоровья и всего, чего захочется.

Пелагея аж закрутила головой, – видимо впервые в жизни ее благодарили за богоугодное дело.

– Пойду с хозяином прошусь, очень уж уважил помоями, которые вместо еды давал и побоями ежедневными.

Увидев идущую к нему бывшую рабыню, купчик как-то сжался и смотрел на нее боязливо.

– Спасибо и тебе, купчина, за заботу и еду сытную.

Работорговец расслабился – кажись обошлось. И получил такую оплеуху в ухо, что аж упал.

– Не убила она его? – забеспокоилась Пелагея, – не охота еще и за эту гниду платить.

– Да нет – вон возится уже. А за сломанное ухо платить не придется?

– Акулька ж его не оторвала. А то, что оно теперь к голове прижато, так может это у купчишки с рождения, кто его

знает.

– И то верно!

Мы, очень милосердные, по-доброму улыбнулись друг другу. А наказание работорговца продолжалось. Акулина взялась пинать своего мучителя.

– Вставай, гаденыш! Дерись! – рычала она.

Тот ойкал, укрывал руками голову и поджимал ноги к животу.

– Его, видать, били не раз – опытный уже стал, – заметила Пелагея. – Однако она слишком горячится, не убила бы торговца. Емеля! Ты сильнее матери?

– Конечно.

– Тащи ее сюда. Нету у нас лишних денег за вашу семью расплачиваться.

Емеля подошел к матушке и начал ее унимать, теребя за плечо:

– Мама..., ну мама...

Акулина продолжала пинаться, не обращая на сына никакого внимания.

– Сейчас она его догадается сама поднять, и хозяину конец – ему очень повезет, если просто покалечит. Емелька! Неси мать сюда! – рявкнула Пелагея.

Емельян больше не колебался. Он зашел к матери со спины, обхватил ее кольцом богатырских рук и принес к нам. Акулина медленно остывала.

– Простите, не стерпела! А можно я его еще пару раз пну?!

Мы промолчали. Прошла минута.

– Ну а хоть разочек?

Снова тишина.

– Ладно, уже все поняла. Отпускай меня, сыночек. Пойдемте только поскорей отсюда, а то все-таки убью я его, очень уж донял, козлиная рожа.

И мы ушли домой. По пути Пелагея с нами простилась, и пошла в сторону постоянного двора, сняв синюю ленточку. Богатырь с матерью отправились с ней – у нас там еще номера оплачены.

Придя, усадили Василису в кухне, и позвали Павлина с Захарием. Я отошел, понимая, что тут должны поработать более опытные товарищи. Зашел в комнату к Венцеславу, узнал, что собаки выгуляны, отменно накормлены, и уже горят рвением идти в поход дальше.

– А у тебя Горец каков по уму?

– Как двенадцатилетний парубок.

– Сам ему ума добавил?

– Да где там мне! Опытные волхвы помогли. У нас их белыми колдунами зовут.

Потом пошел на двор, поговорил с Марфой.

– Марфуша, мы уходим завтра с утра, к вечеру уже в Переславле будем. Спроси у антеков, нет ли где у них по пути подземелья?

– Хорошо! – пролаяла службистая овчарка.

Затем вернулся в дом. Сеанс гипноза был уже закончен.

Теперь ведьма от всей души верит, что очень сильный священник Николай хочет убить Невзора, а так как ее уверенность подкреплена реальными фактами: луч божественного света, идущий к голове протоиерея, крики Архипа и Оси-па, разоблачить ее невозможно. Наше внушение запрятано очень глубоко, черному кудеснику не добраться. Убить святого отца Василисе невозможно, он любую ведьму за версту чует. На нас охотиться никакого резона нет – не в нас сила. Она еще денек-другой поторчит в Киеве, а потом отправится на доклад к Невзору.

На утро я зашел к Соломону за своими золотыми. Солиды были сделаны очень качественно, дефектов я не нашел.

Зашел на постоянный двор, сказал Олегу, чтобы готовил лошадей – дела в Киеве закончены, уходим. Танюшка сидела уже собранная, принесенный заранее узелок был в наличии. Дельна девка! Разговорились о Емеле и его матушке.

– Оставлять его надо – пусть тут при маме сидит и не топорщится идти умирать за общее дело. Только говорят тут, в Киеве, три года назад страшный мор от голода был, много народу перемерло, а у него работы нет и не умеет ничего.

– Работа по его способностям у него уже есть.

– Какая?

– Я Емелю на свое место пристроила. Хозяин радовался как дитя – тяжело без вышибалы. Деньги будет платить те же, а для Емельки семь рублей заработок по его понятиям несусветный. Опасался только, что ты ругаться будешь. Я его

успокоила, что на его место встану и не подведу.

– Это правильно. А где они с матерью жить будут?

– Здесь. Хозяин им на радостях бесплатную комнату выделил, кормят обоих за счет заведения – только работай.

– Все отлично. Но это же не выходных, не проходных получается?

– Это у меня так получалось, а у него мама есть – всегда при нужде вечерком молодца по девкам отпустит. По силе Акулина тоже богатырка, сына из-за любви уверяет, что он сильнее.

Мои через час подошли. Богуслав принес мой узелок. Расплатились за конюшню и ушли из Киева.

Вперед, к морю! С весельем и отвагой!